

Увачан В.В.

Обычное право ЭВЕНКОВ

в XVII – начале XX в.

В. В. УВАЧАН

Обычное право
ЭВЕНКОВ
в XVII – начале XX в.

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом

Москва
2001

УДК 340.0(09)

ББК 67.4

У 18

Увачан В. В.

У18 Обычное право эвенков в XVII — начале XX в. — М.: «Книжный дом «Университет», 2001. — 136 с.

ISBN 5-8013-0115-1

Монография посвящена исследованию догосударственных юридических установлений эвенков, основанных на обычаях, а также исследованию самоуправления и суда эвенков в XVII — начале XX века. В работе детально проанализированы догосударственные юридические установления как разновидности семейных, уголовных и гражданских институтов обычного права, родовой суд и порядок судопроизводства.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных вузов, юристов, этнографов, историков, культурологов и др., а также широкому кругу читателей, интересующихся правом, обычаями и культурой народов Севера.

УДК 340.0(09)

ББК 67.4

ISBN 5-8013-0115-1

© В. В. Увачан, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
ГЛАВА 1. Социальная структура и система управления эвенками в XVII — начале XX века	
1.1. Введение в проблематику	11
1.2. Социальная структура эвенков в XVII — начале XX века	19
1.2.1. Социальная организация эвенков в XVII — XVIII веках.	22
1.2.2. Социальная организация эвенков в XIX — начале XX века	24
1.3. Административная система на территориях проживания эвенков в XVII — начале XX века.	26
ГЛАВА 2. Институты и отношения, регулируемые обычным правом эвенков	
2.1. Семейно-брачные отношения	33
2.2. Обычаи наследования	47
2.3. Обычаи опеки	53
2.4. Обычаи, регулирующие имущественные отношения	56
2.5. Договорные отношения.	64
2.6. Земельные отношения	78
2.6.1. Земельные отношения кочующих эвенков	79
2.6.2. Свободные и освободившиеся земли	82
2.6.3. Земельные отношения оседлых и полuosедлых групп эвенков	85
2.7 «Военные обычаи»	89
2.8. Обычаи природоохранного характера	90
ГЛАВА 3. Способы разрешения конфликтов и споров у эвенков в XVII — начале XX века	
3.1. «Родовой суд»	93
3.2. Санкции «родового суда»	99
3.3. Самоуправленческие институты разрешения споров	108
3.4. Государственные суды на территориях проживания эвенков	113
Заключение	119
Приложение	124
Список источников	125
Список литературы	126
Список иностранной литературы	135

ООН объявила 1994–2004 годы десятилетием коренных народов мира, исходя из необходимости сохранения этнокультурного многообразия мира. Любой народ, независимо от его численности, составляет неотъемлемую часть современного общества. Эвенкийский народ, равно как и другие коренные малочисленные народы России, в начале XXI века под влиянием технократического общества оказался не готовым к решению возникших проблем. Результатом этого явился глубокий кризис, угрожающий национальному существованию народа.

Отход от традиционных форм хозяйствования, от своих этнокультурных ценностей, понижение жизненного уровня и постепенное разрушение семьи эвенков ставит под сомнение не только дальнейшее существование народа, но и правильность проводимой политики государством в целом и региональных органов власти в особенности. Одной из причин неудач в проведении государственной политики, по отношению к северным народам, на протяжении всей истории существования их в составе России является отсутствие связи между позитивным правом и традиционным обычным правом на взаимообогащающей основе. Такая постановка проблемы вовсе не является nonsensом и может считаться закономерной, ввиду того что эти связи изначально не исключали друг друга, но стали занимать противоположные позиции в результате многочисленных деформаций в правовой истории нашего общества.

В своем стремлении стать демократическим государством Российская Федерация ставит цель создания правовой системы, адекватной потребностям государства, общества, социальных и этнических групп. Речь идет о более тонкой настройке всей степени правового регулирования общественных отношений, об организации издания законов, чувствительных к реалиям бытия этносов. А без учета традиций и обычаев это едва ли возможно.

Опубликованных работ по исследованию обычного права северных народов, раскрывающих их представления о праве и справедливости, не так уж много, во всяком случае, этого явно недостаточно, чтобы современные нормативные акты были более гибкими и объективными по отношению к данным народам и могли бы конкурировать с их обычаями. Научная оценка и выработка стратегии правового развития невозможна без осмысления и анализа правовых представлений малочисленных народов Севера.

Успешное решение теоретических и практических правовых проблем ведет к глубокому изучению исторического опыта. Сегодня мы вынуждены констатировать, например, что процесс формирования судебной системы России еще далеко не завершен. Такая специфичная и важная часть судебного устройства, как органы традиционного правосудия народов России, была несправедливо забыта. Мы полагаем, что, не заглянув в историю существования и отмирания обычного права и традиционных судебных институтов народов России, нельзя говорить об истории права и суда в нашей стране в целом, о строительстве судебной системы в России. Необходимость разработки данной темы обусловлена и важностью преодоления неоправданного скептицизма в отношении традиционных правовых институтов, которые оказали большое влияние на формирование правовой культуры народов России.

Настоящая монография посвящена изучению обычного права эвенков в XVII — начале XX века, его развитию и изменению. В этот период обычное право эвенков получило санкцию государственной власти и функционировало наравне и вместе с законами Российской империи, занимало особое место в юрисдикции разного рода судебных учреждений.

Проследить эволюцию обычного права эвенков — значит найти ключ к современному нормотворчеству на территориях их проживания, сохранению самобытности и культуры этноса, гармонизации отношений внутри этноса, восполнению пробелов в праве, облегчению понимания закона, права вообще и обычного права эвенков.

Целью монографии является детальное и вместе с тем комплексное исследование юридических обычаев, самоуправления и суда эвенков в XVII — начале XX века. Это поможет выяснить историко-правовую социальную действительность, в которой осуществлялась применительная практика норм обычного права; изучить функционирование различных отраслей обычного права эвенков в исследуемый период, что позволит восполнить существующий ныне пробел в отечественной юриспруденции. Исходя из этого, выдвигаются следующие задачи:

- провести научную реконструкцию социально-правового института как единого целого, выделив его эволюцию в указанных хронологических границах, обозначить причины ее возникновения. По возможности, отметить региональные и стадийные особенности эволюции;
- систематизировать разрозненный фактический материал и пополнить его новыми, неопубликованными ранее сведениями;
- исследовать на этой основе суд и юридические обычаи эвенков как единый, цельный судебно-правовой комплекс;
- выделить, по возможности, общее и особенное в обычном праве отдельных групп эвенков, обозначив локальные ареалы этого комплекса;

- определить исходный уровень управления, суда и юридического строя эвенков, существовавший до деформации, связанной с присоединением к России.

Исходя из того, что известные нам источники в основном относятся к более позднему периоду, основная часть использованных материалов относится к XIX и частично к началу XX века. Однако, по нашему мнению, наиболее полная картина возникает в динамике, поэтому временные рамки в работе были расширены. В данном случае период от присоединения к России до Октябрьской социалистической революции обособлен от предыдущего и последующего периодов и составляет отдельный период развития и изменения обычного права народов Сибири, в том числе и эвенков. Полагаем, рассмотрение последующего периода правовых установлений — это тема специального исследования.

В связи с особой этнической историей, широтой расселения эвенков, заданными территориальными рамками являются земельные пространства от Обь-Иртышского водораздела до побережья Охотского моря и Сахалина, от реки Верхняя Тунгуска (Ангара), озера Байкал и реки Амур на юге до озера Ессей на севере современного Эвенкийского автономного округа.

На сегодняшний день практически нет специальных работ по изучению обычного права эвенков, а есть лишь две общие исторические монографии, такие как: «Материалы по юридической этнографии малых народностей Севера» (1993); «Обычное право народов Сибири: буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы» (1997). Данные работы имеют больше описательный характер и не ставят своей целью дать понимание юридических обычаев, их природы. Надо отметить, что в этих монографиях анализу подвергаются только нерчинская и гантимуровская группы эвенков, которые к тому времени во многом утратили обычные правовые установления. «...У нерчинских тунгусов, живущих кочевой жизнью, обычаи те же, что и у бурят... Они ничем не отличаются от бурят, так как вполне обурятились; и обурятились настолько, что в настоящее время очень трудно найти у них человека, говорящего по-тунгуски, и родной у них язык в большинстве сделался бурятским; ...говорят они по-тунгуски и понятия о праве у них те же, что и у прочих крестьян и казаков-сибиряков... от прежних нравов осталась у него одна страсть — менять места...»¹.

В настоящий момент единственной работой, посвященной детальному процессу становления «судебно-правового комплекса» малочис-

¹ Сафьяникова М. А. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — М., 1899. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 25.

ленных народностей Севера, остается монография В. А. Зибарева «Юстиция у малых народностей Севера». По сути, это единственная работа, рассматривающая обычное право народов Севера. Однако она имеет обобщающий характер и касается эвенков только в общем контексте исследования.

Необходимо заметить, что в той или иной форме интересующие нас вопросы затрагиваются в разных по тематике научных работах исторического, этнографического, демографического, экономического и социологического характера, и нет работ, имеющих юридическую направленность. В большинстве своем они фрагментарны и относятся к концу XIX — началу XX века.

В разработке темы были использованы работы российских и советских этнографов-тунгусоведов, историков Г. М. Василевич, В. А. Туголукова, В. В. Карлова, М. Г. Турова, И. М. Суслова, А. А. Сириной, Ч. М. Таксоми, И. С. Гурвича, М. М. Федоров, В. Н. Шерстобоева, В. И. Бойко, В. Г. Костюка, А. М. Золотарева, А. П. Окладникова и др., которые основывались как на собственных полевых исследованиях, так и подвергавшихся научному осмыслению некоторые фактах.

Из трудов, посвященных социальной структуре эвенков, административному управлению и функционированию государственных судов, наиболее интересны работы Б. О. Долгих, Н. Н. Левина, В. А. Туголукова, В. В. Карлова, Н. Н. Степанова, С. В. Бахрушина, В. Огородникова, Н. Фирсова, А. Щербачева и др.

По отдельным проблемам исследований интересны диссертации: Н. В. Ермоловой, Г. В. Марченко, Л. М. Даниловой, И. Е. Максимовой, В. Г. Марченко, А. С. Шубина, И. И. Винокурова, А. А. Дзевениса, Е. В. Карпова, М. Л. Сониной, Л. Б. Ермолова, В. Д. Косарева, Б. К. Попова, Ю. Д. Петрова.

На современном этапе изучение теории обычного права разных народов ведется учеными двух различных направлений. С одной стороны, его изучением занимаются российские юристы, с другой — историки, специалисты по юридической этнографии. Признанным лидером юридического направления является Г. В. Мальцев, который первым начал разработку теории обычного права. В работах автора весьма интересны разработки проблемы структуры обычая, прав субъекта права, характера содержащихся в нем норм и эмпирической основы. Дается структура обычно-правовой нормы, что предоставляет возможность рассмотрения обычно-правовых установлений не только с общетеоретической позиции, но и с позиции познания юридического быта конкретного народа. Историческое направление представлено учеными: Н. И. Новиковой, В. А. Тишковым, Ю. И. Семеновым, А. А. Сириной,

А. В. Смоляком и др., чьи работы посвящены в первую очередь исследованию взаимодействия обычного права с государственным, а также вопросам, связанным с современным самоопределением коренных национальных меньшинств, их правами на природные ресурсы, истории и теории обычного права и правового плюрализма.

В монографии использованы работы зарубежных правоведов и историков — Б. Спенсера, Дж. Силена, Р. Дж. Олсона и В. Риверса.

В своем исследовании автор опирался на труды, имеющие общетеоретический характер, таких ученых-юристов и историков, как Г. В. Мальцев, А. И. Першиц и др.

Источниковую базу монографии составили материалы Архива Российской Академии Наук (АРАН), Центрального государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива Древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного исторического архива России (ЦИА), Государственного архива Иркутской области (ГАИОР), Государственного архива Красноярского края (ГАКК), Дополнения к Актам истории, собранным и изданным Археологической комиссией (ДАИ).

Выделяя наиболее значимые источники, автор обратился прежде всего к «Сборнику», изданному Д. Я. Самоквасовым; именно через него впервые стали известны юридические обычаи и представления многочисленных народов Севера, в том числе и эвенков. «Сборник» до сих пор остается важным источником изучения юридического строя народов Севера. Однако помещенные в нем материалы неоднородны по своему характеру, обладают различной источниковой ценностью. Материалы характеризуют быт и хозяйство и почти лишены всякого юридического содержания. Все это свидетельствует о том, что публикация «Сборника» была, скорее, делом случая, чем результатом обдуманного намерения и тщательной подготовки. «Сборник» подлежит специальному источниковедческому анализу, что выходит за рамки нашей задачи.

Как уже отмечалось, ввиду отсутствия специализированных работ по обычному праву эвенков, автор был вынужден пользоваться этнографической литературой. Поэтому необходимо отметить прежде всего труд ученого И. И. Георги, изучавшего особенности жизни эвенков, и который первым описал юридический быт народа, его семейно-брачные, имущественные отношения и систему управления. С 40-х годов XIX века изучением обычного права северных народов стали заниматься ученые Русского географического общества И. И. Майнов, И. Григоровский, О. Буссе, А. Мордвинов, С. Шестин, А. З. Ленже, Г. Радде, Р. К. Маак, Л. Шренк, Н. Свербеев, Г. М. Спасский, И. Колачев, Я. В. Стефанович, П. Кларк, А. Павловский, П. Хитров, Н. В. Добро-

мыслов, Н. А. Рыбаков, Н. А. Крюков, С. О. Херсонский и др. этнографические исследования которых позволили представить весь спектр юридических обычаев эвенков. В некоторых работах предприняты попытки объяснения таких обычаев, как кровная месть и калым, подчеркивается примирительный характер обычного права, связь его с религиозными верованиями и нравами. С точки зрения изучения институтов обычного права достаточно интересны работы и более поздних ученых, таких как: С. К. Патканов, С. М. Широгорова, Э. К. Пекарского, В. Г. Цветкова, Г. Ф. Миллера. Весьма ценны материалы по родовому суду, санкциям, опеке, обычаям землепользования в работах дореволюционных ученых: В. В. Солярского, К. М. Рычкова, Е. Д. Стрелова. Интересные материалы по имущественным отношениям содержат наблюдения Иркутского генерал-губернатора А. П. Степанова. Л. Я. Штернберг застал у малочисленных народов древнейшие формы суда. Фрагменты обычного права в широком временном и пространственном диапазоне отражены в описаниях путешествий по Северу России исследователей Я. И. Линденау и А. Миддендорфа. Первыми советскими этнографами, изучавшими разрозненные эвенкийские группы, были Г. В. Василевич, Е. Титов, А. Ф. Анисимов, М. К. Расцветаев, Б. Э. Петри, Н. Ковязин, Н. П. Никольшин, И. П. Копылов.

Необходимо заметить, что большинство этих ученых были одними из последних, кто застал почти повсеместное действие обычного права тунгусов. Так, например, неопределимо описание процессов, участников суда и санкций в работе А. Ф. Анисимова.

Данная работа — попытка собрать воедино юридические обычаи всех эвенкийских групп и детально проанализировать семейные, уголовные и гражданские институты обычного права, суд и порядок судопроизводства у эвенков в XVII — начале XX века, объективно исследовать неизученный аспект правовых представлений эвенков до и после вхождения в состав Российского государства.

Мы вынуждены констатировать нечеткий, расплывчатый, а иногда и трудноуловимый характер объекта исследований, обусловленный прежде всего тем, что юридические обычаи эвенков никогда не фиксировались письменно, а существовали изустно, передаваясь из поколения в поколение. Общее требование к ним — соответствие представлениям данного сообщества людей о справедливости — допускало толкование их в каждом конкретном случае в весьма широком диапазоне, а широта расселения и разнообразие местных условий еще более усиливали расплывчатость и неопределенность этих обычаев.

Надо сказать, что суд у эвенков ни до присоединения к России, ни после не был таковым в подлинном смысле слова. Следует принять во

внимание, что речь идет о суде народа, не проживающего компактно, и о применявшихся к ним нормам, а также об этносе, который состоял из групп, расселенных на громадной территории, и подвергался разным различным внешним влияниям.

Изучение данной проблемы позволит устранить крупную брешь в воссоздании исторического прошлого бесписьменного народа, в частности досоветского, а особенно дорусского периода как наиболее труднодоступного для науки. Отдельные положения могут быть использованы в деятельности государственных и общественных структур по решению юридических и социально-экономических задач, по принятию региональных законодательных актов на территориях проживания эвенков. Материалы монографии могут быть учтены в научных исследованиях как по обычному праву народов России, так и всего населения Сибири и Дальнего Востока.

Исходя из представлений о том, что обычное право эвенков должно как-то отражать общественный строй, в монографии дается его краткая характеристика, содержится сжатый очерк по системе управления эвенками, поскольку управление и суд у народов Севера не были разъединены.

Следует подчеркнуть, что по причине отсутствия терминологии, соответствующей юридическому быту малочисленных народов Севера, в работе условно применяется современная терминология. Под терминами «обычное право», «право» подразумевается совокупность догосударственных юридических установлений эвенков. Столь же условны термины «судебно-правовые системы», «судебно-правовой комплекс» и другие подобные обозначения.

Ввиду особой этнической истории, мы вынуждены пользоваться как современным термином — эвенки, так и старыми самоназваниями — ороконы, бирары, манягры и др.

Социальная структура и система управления эвенками в XVII – начале XX века

1.1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Обычное право эвенков, как и любое право других народов, отражает уровень социально-экономического и духовного развития общества, его базис. Это обусловлено исторически и характерно для всех позднейших правовых систем. Обычное право возникало в период первобытно-общинного строя и со временем, под влиянием тех или иных причин, постепенно уступило место государственному праву. Обыкновенно-правовые установления эвенков не являются исключением, и поэтому диапазон их действий чрезвычайно широк. Все цивилизованные народы не миновали этой стадии, все правовые системы современности основаны и вышли из обычаев.

В наше время существуют народы в развивающихся странах, которые живут вне государственных законов на основе обычаев. Попытки модернизации традиционных структур в этих странах вызвали подъем интереса науки. За последнее время выявлены целые комплексы обыкновенно-правовых систем и огромное количество правовых обычаев, которые, несомненно, представляют большой интерес для науки.

Россия обладает явным приоритетом в изучении обычного права народов. Потому что страны Европы за сто лет колонизации Африки не предприняли усилий по систематизации норм обычного права и лишь в конце XIX века попытались кодифицировать их¹. В России подобное начинание проводилось на государственном уровне еще в первой четверти XIX века.

За это время в России появились своды правовых обычаев ряда народов, хотя не всем им была придана юридическая сила. В 70-х годах XIX века Д. Я. Самоквасовым были опубликованы записи норм обычного права народов Сибири. Сбором этих сведений занималось Русское географическое общество, начиная с 40-х годов XIX века. Сначала в

¹ Сивинцки И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. — М., 1978. — С. 22.

рамках общих, а затем и специальных программ. Этнографический отдел в 1867 году разработал и разослал на места «Программу для собирания народных юридических обычаев». В 1876 году при отделении этнографии Русского географического общества была создана комиссия по народным юридическим обычаям, возглавляемая А. В. Калачовым. Комиссия занималась записью таких обычаев, в частности, и у эвенков. К концу XIX века уже имелась обширная библиография, включавшая почти 1,2 тыс. опубликованных работ²

На юридический быт эвенков обратили внимание и первые землепроходцы. В дальнейшем накопление информации было связано с практикой административного управления национальных окраин, в том числе и на территориях проживания эвенков. Екатерина II затребовала от сибирских властей сведения «о начале и происхождении иноверцев разных племен, а также о достопамятных между ними происшествиях, равномерно о законе их, о сохранившихся между ними преданиях». В 60-х годах XVIII века при подготовке нового «Уложения» обсуждались проекты законов для всех нерусских народов России, в том числе и для народов Сибири. Проекты являли собой одну из первых попыток законодательного определения их правового положения³

Правительство, исходя из административно-фискальных соображений, неизменно признавало за тунгусами право судиться «своим судом и по своим законам», не вдаваясь в эти «законы», а официальная наука рассматривала их законы как дикие, варварские, не заслуживающие внимания ученых. И только с введением суда родоначальников, по инструкции С. Я. Владиславича-Рагузинского (1728), возникла необходимость записи и систематизации юридических обычаев всех народов Сибири.

Однако из-за ряда объективных причин, попытки зафиксировать обычаи приняли системный характер только в 20-х годах XIX века. Власти многих стран в подобных случаях подтверждали нормы обычного права народов, если они не противоречили их законодательству, представлениям о справедливости и морали. А систематизация норм обычного права сводилась к внешней обработке обычно-правового нормативного материала — официальной или частной инкорпорации, без внесения каких-либо изменений в регулирование общественных отношений⁴.

² Якушкин Е. И. Обычное право Сибирских инородцев. — М., 1899.

³ Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XX в.). Якутск, 1978. — С. 173–176

⁴ Сунатаев М. А. Опыт систематизации норм обычного права в молодых государствах Африки // Государство и право в развивающихся странах. — М., 1976. — Вып. 1 — С. 124.

В России дело обстояло несколько по-другому — произошло согласование норм обычного права и государственных законов. Таким образом, хотя Устав об управлении инородцев 1822 года и предписывал собрать юридические обычаи, устранив противоречия с законом, смягчить все дикое и жестокое в обычаях и положить их в основу судопроизводства как туземных, так и официальных судов по делам народов Сибири, — в первую очередь устав исходил из аналогичной установки, — к серьезным практическим последствиям это не привело. Систематизация норм ничем не ограничивалась, а дополнение «Сводов» государственными законами предполагало определенные изменения в общественных отношениях народов Сибири. Такой подход исходил из наличия двух условий. Во-первых, Сибирь не являлась колонией в ее классической форме и была территориально связана с Россией, входила в нее как составная часть; среди населения Сибири преобладало русское, а не автохтонное население. Во-вторых, у коренного населения Севера было менее развито обычное право, менее выражены его нормы по сравнению, например, с земледельческими народами Африки.

Сбором и фиксацией обычаев занимались специальные временные комитеты, созданные в Омске, Тобольске, Красноярске и Иркутске под председательством гражданских губернаторов. В 1823–1824 годах ими были подготовлены проекты так называемых степных законов отдельно по каждой губернии. Предполагалось, что сибирская администрация их утвердит, напечатает на русском и, по возможности, на языках местных народов, с тем чтобы сделать их нормами судебной практики.

Систематизация обычаев в Восточной Сибири была проведена уже в 1824 году, тогда же закончилось и составление проектов сводов законов (Иркутская и Енисейская губерния)⁵ После утверждения генерал-губернатором Восточной Сибири их посылали в Сибирский комитет, который образовал специальную комиссию для рассмотрения этих проектов. В 1831 году был подготовлен единый для народов Восточной Сибири проект свода степных законов, дорабатывавшийся до 1836 года.

⁵ Красноярский комитет к сбору юридических обычаев отнесся формально. Вместо фиксации полных и подробных сведений он вызвал четырех главных инородческих родоначальников (Качинской, Койбальской, Кизильской и Согайской степных дум), не знавших русского языка, и с их слов составил проект степных законов, который был признан настолько неудовлетворительным, что из него в Иркутске оставили только один раздел об опеке (7 глав); все же прочее было заменено статьями проекта степных законов для инородцев Иркутской губернии.

Омский комитет завершил работу в 1825 году, а Топольский — лишь в 1827 году. Составленные ими проекты были рассмотрены в Омском областном и Тобольском общем губернском управлениях, а затем направлены в Главное управление Западной Сибири, где и находились до тех пор, пока их не затребовал Сибирский комитет.

При обсуждении проектов стало ясно, что запись обычаев велась некомпетентными лицами и лишь со слов отдельных информаторов. Обычаи подверглись такой переработке, что получились не своды действительно существовавших обычаев, а законы, составленные местной администрацией и объединявшие правовые нормы разных народов, к тому же стоявших на разных ступенях социально-экономического развития. В 1838 году, после упразднения Сибирского комитета, дело перешло в Государственный совет и там же и осталось⁶.

Очевидно, что причиной неудачи была неподготовленность сибирской администрации, которая не осуществила никаких подготовительных работ. Давид Рене, рассматривая этот вопрос на африканском материале, отмечал, что превращение обычного права в национальном или региональном плане в законодательное или в право судебной практики противоречит духу этого права и разрушает саму его основу. Реформированные обычаи, сведенные в новые кодексы, полностью изменяют природу традиционного права. Он считал, что предпочтительнее разрешать группам, создавшим свои обычаи, продолжать руководствоваться ими, хотя бы под контролем вышестоящей организации⁷. Именно такое положение наблюдалось в Сибири до и после попытки кодификации правовых обычаев.

Применение туземного суда и правовых обычаев в Сибири не было чем-то исключительным в политике царизма по отношению к нерусским народам. Такая же практика имела место и на других национальных окраинах России. Присоединенным народам разрешалось жить по местным законам. Везде делались попытки систематизации

⁶ Проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» в 1837 г. был послан из Петербурга в Иркутск «для местного соображения», после чего предполагалось ввести его в действие и определить, в какой мере этот «Свод» мог быть применен к инородцам, относимым к разряду бродячих, т. е. к народам Севера. В 1838 г. все дела по «Своду» перешли во Второе отделение канцелярии Николая I, к которому прикомандировывался и редактор этого «Свода» г-н Величко. Доработанный с учетом замечаний Главного управления Восточной Сибири проект «Свода», предназначавшийся для бурят, якутов, тунгусов и минусинских инородцев, был в 1841 г. отпечатан типографским способом. Он состоял из 802 статей, 273 из них представляли собой общие государственные законы.

Давид Рене. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / Пер. с франц. — М.: Прогресс, 1967 — С. 488, 489.

местного права», которое приспособлялось к русскому праву и со временем заменялось им⁸

Попытка кодификации обычного права народов Сибири, предпринятая с чисто практической целью, имела и некоторое научное значение. Была выявлена и зафиксирована значительная часть правовых обычаев, определены некоторые принципы их кодификации (обязательность фиксирования подлинных, действующих обычаев, этническая привязка их, нежелательность унификации и модернизации обычаев), решен в определенной мере вопрос о соотношении обычаев и государственных законов. Было замечено отличие устных, нечетких обычаев народов Севера от более строгих, определенных обычаев народов Восточной Сибири.

Собранные материалы в основном относились к обычному праву бурят, хакасов и якутов, правовые обычаи эвенков нашли в них лишь частичное отражение. Большая часть материалов представляла собой не первичные записи, а обработанные своды обычаев. К тому же были зафиксированы обычаи только тунгусов Нерчинского ведомства и ведомства князя Гантимурова, которые в свое время испытали сильное воздействие обычного права бурят. На основе этих записей были составлены проекты степных законов, представлявшие собой переработанные и унифицированные правовые обычаи⁹. Проекты этих «законов» были затем сведены в один кодекс, в котором формулировались общие для народов Восточной Сибири нормы обычного права и права судебной практики (для Енисейской и Иркутской губернии). Специфика правовых обычаев других групп эвенков растворилась в общей массе созданных на их основе норм, которые, не утратив в принципе своего партикулярного характера, приобрели вместе с тем известную универсальность. В этом смысле «сводь степных законов» обладали лишь относительной ценностью, не теряя при этом и значимости как исторического и юридического источника, отражавшего определенный уровень социально-экономических отношений народов Сибири, и значимости интеграции обычного права этих народов в государственное право.

Работа по сбору правовых обычаев народов Сибири велась непрофессионально, с позиции русского права. Большая часть записей — это фиксация уже известных чиновникам правовых обычаев, не являвшихся

⁸ *Пахман С. В.* История кодификации гражданского права. — СПб., 1876. — Т. 2. — С. 479.

⁹ Проект степных законов для инородцев, обитающих в Енисейской губернии; Проект законов для инородцев, обитающих в Иркутской губернии // ЦГИА России. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 273.

результатом наблюдений и изучений. В отдельных случаях нет указаний на то, у какой группы населения зафиксированы те или иные обычаи. Но, при всем при том, это было первое широкомасштабное государственное мероприятие по выявлению и систематизации правовых обычаев крупнейшего региона страны, населенного почти тремя десятками различных народов¹⁰. Однако эвенков оно коснулось лишь частично. Потому что в то время эвенки Амура и Сахалина еще не входили в состав России. В материалах нет записей обычаев групп тунгусов, проживающих в Якутии и на территории современной Эвенкии. Запись обычаев эвенков Охотской региона, входившего в состав Иркутской губернии, известна была только в черновом варианте. В сущности, все это свидетельствует об ориентации правительства на кодификацию прежде всего обычного права больших народов Сибири, с четко выраженными нормами и отступлениями его перед сложной, трудоемкой, возможно, непосильной, задачей фиксирования обычаев у малых народов, в частности, многочисленных групп эвенков.

Другое направление, обусловленное научными целями и интересами, связано преимущественно с деятельностью Русского географического общества. Первоначально в ученых трудах преобладали описания обрядов и нравов народов Севера, и лишь со временем, по мере углубления познаний, в печати стали появляться упоминания об их юридических обычаях. Очевидно, интерес к ним возрос благодаря судебной реформе, последовавшей за отменой крепостного права. Разрешение волостным судам и отчасти мировым посредникам рассматривать дела на основе местных обычаев, означавшее признание их в качестве норм юридических отношений между крестьянами, требовало выяснения и фиксации этих обычаев. Однако необходимые материалы были опубликованы в основном в сборниках Русского географического общества, а не в специализированных изданиях.

Благодаря деятельности ученых, а также губернских статистических комитетов и «инородческих священников» возросло число известных обычаев, стала вырисовываться некоторая специфика их стадийного и регионального характера. Но научная обработка собранного материала не велась, а все ограничивалось записью и частичной систематизацией обычаев. Лишь в некоторых публикациях высказывались мысли, представляющие методологический интерес. А. Я. Ефименко указывала на одинаковую ценность для науки изучение обычного права как развитых, так и отсталых народов, на взаимное влияние юридических

Зибарева В. А. Юстиция у малых народностей Севера (XVII–XIX). — Томск, 1990. — С. 14.

понятий и обычаев русского и других народов России, призывала исследователей оставить путь сравнения русских правовых воззрений с германским и греко-римским правом и обратиться к изучению юридических воззрений обитающих в стране народов Севера¹¹. Почти всем публикациям по изучению обычаев предшествовали краткие историко-этнографические сведения; объяснялось это тем, что юридические обычаи были обусловлены историческими судьбами народов и без таких сведений не могли быть поняты. В отдельных случаях для выявления обычаев использовались решения волостных судов, оформленные письменно сделки и договоры.

Таким образом, можно констатировать, что научные исследования по обычному праву эвенков не велись, познавательные задачи не ставились и не решались, все сводилось лишь к описанию обычаев. Юристы к этой работе не привлекались, а этнографы занимались лишь в общем плане бытописанием. Профессор Киевского университета Кистяковский писал: «До сих пор предпринимались экспедиции из специалистов для описания флоры, фауны, гидрографии, орографии и т. п. отдаленных стран, населенных человеком, стоящим на низших ступенях развития, но мы не знаем такой экспедиции, в состав которой входил бы хоть один юрист, предназначенный для специального изучения юридического быта этих народов. Имеющийся материал по этому предмету записан или путешественниками вообще, или учеными-естествоиспытателями, у которых на сердце лежали интересы своей специальности»¹². Эти строки написаны более ста лет назад, но до сих пор не известно ни одной экспедиции, посетившей с такой целью места проживания эвенков, несмотря на то, что носителей знаний о древнем праве практически не осталось. Необходимо заметить, что действующие и существующие на остаточном уровне в сознании населения представления подвержены внешнему влиянию и трактуются весьма вольно.

В странах Западной Европы, особенно в Англии, являвшихся метрополиями по отношению к отсталым странам Азии, Африки, Океании, изучение юридических обычаев было связано с потребностями колониальной практики. В Англии возникла так называемая практическая антропология, одним из направлений которой явилась «этнологическая юриспруденция», примкнувшая к историко-сравнительной школе права и изучавшая права отстающих в развитии народов — (конец XIX в.). Но систематический характер она приняла лишь после второй мировой

¹¹ *Ефименко А. Я.* Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки И. РГО по отд. этнографии. Сб. юридических обычаев. — СПб., 1877. — Т. 8. — С. 3–5.

¹² Древняя и новая Россия. — 1875. — № 11. — С. 310

войны. Изучение выявило общность поведения белых и черных людей. Так, нормы поведения нигерийцев существенно не отличались от таковых у европейцев. То, что явилось правонарушением или преступлением для европейцев, было идентичным и для них. Выявилось также единство правовых систем Африки, созданных аграрными сообществами людей. Объем правил по конкретным вопросам в традиционном мире оказался ничуть не меньшим, чем своды законов по соответствующим отраслям более поздних эпох¹³

Традиционный суд и обычаи действовали у эвенков вплоть до 20–30-х годов XX столетия¹⁴. Впоследствии, в связи с коренными изменениями уклада жизни, они стали исчезать, так и не став объектом пристального внимания ученых. То, что иногда публикуется, является уже не результатом наблюдений, а реконструкцией этих институтов по литературным или архивным данным¹⁵. Утратили свое значение и исчезли нормы обычного права и у других народов. Что и вызвало интерес исследователей к письменным источникам, зафиксировавшим эти нормы, значимость которых возросла¹⁶.

В итоге мы имеем небольшое число источников, позволяющих исследовать, хотя бы в самом общем виде, один из важнейших социальных институтов эвенков, связанный с определенной стадией их культурно-исторического состояния.

Проблематика юридической этнографии, возникшей на стыке нескольких наук, раскрыта слабо; в основном она связана с изучением первоначального или остаточного обычного права¹⁷. Только сегодня началась разработка теории обычного права¹⁸. Еще менее эта пробле-

¹³ Синицина И. Е. Указ. соч. — С. 90–102.

¹⁴ Позан Ю., Телиеров Н. Туземные суды Туруханского края // Советская юстиция. — 1931 — № 10. — С. 22–25; Петрова Е. Кочевые суды (туземные суды) // Советская юстиция. — 1932. — № 4. — С. 33–37; Зибарев В. А. Организация и деятельность суда народов Севера // Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932). — Томск, 1968. — Гл. 5. — С. 230–259.

Зибарев В. А. Юстиция у малых народностей Севера. — С. 193–197; Миненко М. А. Материалы по обычному праву народов Севера Западной Сибири 1-й пол. XIX в. // Археография и источниковедение Сибири. — Новосибирск, 1975. — С. 30–46.

¹⁶ Обычное право народов Сибири: буряты, якуты, эвенки, шорцы / Сост. и авт. коммент. Карлов В. В., под ред. Ю. И. Семенова. — М., 1997; Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. — Ростов-на-Дону, 1999; и др.

Периц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. — М. 1979. — С. 225.

Мальцев Г. В. Естественное право. — М., 1999; Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России. — Ростов-на-Дону, 1999; Обычное право народов Сибири: буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы. — М., 1997

матика определена применительно к юридическому строю эвенков, для изучения его нужно спуститься на более низкие ступени истории, на которых функционировали традиционные обычаи и суд.

Традиционный суд и обычное право представляют собой важнейший институт догосударственного, патриархально-родового общества, регулирующего имущественные, хозяйственные, семейно-брачные и другие отношения тунгусов, без знания которых трудно вообразить как само это общество, так и механизм его функционирования. Наиболее ранние обычаи восходят к периоду первобытно-общинного строя. В полном объеме очевидна значимость изучения этой проблемы для правоведения в целом, для сравнительно-правоведческой его ветви в особенности¹⁹

Изучение эвенков с данной позиции открывает возможность проникновения на более ранние этапы юридического строя человечества, связанные с формированием самих юридических обычаев, их функционированием в условиях доклассового общества.

Изучение традиционного суда и обычного права эвенков, равно как и других малочисленных народов Севера, позволит не только устранить пробел в науке, но и понять природу некоторых проблем, порой совершенно непонятных ученым современности. Изучение догосударственного патриархально-родового общества, регулировавшего имущественные, хозяйственные, семейно-брачные и другие отношения, позволит в полной мере представить существовавшее общество, механизмы его функционирования, понять и осмыслить менталитет современного народа, находящегося сегодня на грани вымирания.

1.2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭВЕНКОВ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В литературе дореволюционного периода сложилось несколько необъективное отношение к архивным источникам XVII века. Считалось, что они не отражают действительного состояния социальной организации народов Сибири, а, напротив, еще больше его запутывают, что русские писцы не разобрались в реальной структуре общества аборигенов и создали какие-то особые «ясачные» роды, не имевшие ничего общего с действительностью. Однако данное утверждение было опровергнуто в работах исследователей С. В. Бахрушина, Н. Н. Степанова,

¹⁹ *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народностей Севера. — Томск, 1990. — С. 195.

З. П. Соколовой и, особенно, в фундаментальных трудах Б. О. Долгих, посвященных народам Сибири XVII века²⁰

Так, Н. Н. Степанов на основании документов XVII века выделил два базовых структурных звена в эвенкийском обществе²¹. Во-первых, собственно сами роды эвенков, во-вторых, подразделения и ответвления, на которые распадаются эти роды. Он называл такие подразделения патриархальными группами, которые в XVII веке и были основными единицами ясачного обложения. Кроме того, в ясачных книгах постоянно упоминаются и более крупные подразделения — роды, носящие типичные для них родовые названия (как правило, с суффиксом «гир»). Н. Н. Степанов считал, что данные звенья связаны между собой происхождением и кровным родством, а также территорией, принадлежавшей роду в целом, а не его подразделениям. Подразделения, по мнению Степанова, были основными производственными микро-единицами, каждая из которых была отдифференцирована от других и составляла единую «большую семью». Род же объединял «большие семьи» единством территорий, необходимостью их защиты от посягательств соседей, взаимопомощью, общими брачными нормами и единым управлением в лице родового вождя.

Помимо рода и «большой семьи», в работе выделяется племенная организация (в документах XVII в. упоминается термин «волость»), которая, по понятиям того времени, была территориально-административным подразделением. Очевидно, волость отождествлялась с племенем на основании двух признаков: общего «племенного» имени для родов и существования племенных вождей²²

Достаточно похожего мнения, относительно структуры эвенкийского общества, придерживался и ученый-этнограф Б. О. Долгих. Он выделил три основных типа родов:

1 Большие роды, состоящие из нескольких десятков, а иногда и сотен мужчин — плательщиков ясака, имевших характерные родовые названия (Б. О. Долгих сближал их с фратриями позднего периода, состоявшимися через отпочкование от большого «отцовского рода» «малых родов» при сохранении между ними тех или иных связей).

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав Сибири в XVII в. // Труды института этнографии. — М. 1960. — Т. 55.

²¹ *Степанов Н. Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. // Советский Север. — Л., 1939. — Вып. 2—4.*

Обнаружение обоих признаков, особенно последнего, можно установить далеко не всегда.

2. Роды, состоящие из 10–20 трудоспособных мужчин, которые назывались по имени лица, возглавлявшего род-ячейку, и являющиеся внутренними компонентами большого рода — фратрии.

3. Роды, состоящие из 10–20 мужчин, но имеющие родовое название.

Таким образом, Б. О. Долгих считал, что большие роды — фратрии — распадались на подразделения и ответвления, состоящие из больших патриархальных семей. По нашему мнению, социально-бытовой единицей является большая семья или подразделение большого рода. Что касается племени, то исследователь выделил лишь какие-то элементы племенной организации, т. е., по Б. О. Долгих, основным типом общности у эвенков была территориально-племенная группировка без системы самоуправления.

С течением времени Б. О. Долгих дополнил свое мнение относительно социального устройства, основным моментом которого является вывод о социальном характере отцовско-родового устройства.

...Патриархально-родовое общество принадлежало в целом к первобытно-общинной общественно-экономической формации и является переходным этапом между ранним материнско-родовым и классовыми обществами...»²³ Поэтому такие явления, как собственность на оленей, имущественная дифференциация, отдельные не характерные для родового строя формы семьи и т. д., являются не признаком распада родового устройства, а условием нормального функционирования патриархально-родовых отношений, формами их существования. А также, согласно изучению численности населения Мангазейского уезда в XVIII веке посредством переписи 1861–1862 годов, эвенкийская семья выступает реальной производственной и социальной единицей на основе существенного имущественного признака — владения большими стадами оленей. У малооленных и средне обеспеченных оленями охотников тех же территориальных групп преобладала малая семья.

Другой исследователь В. А. Туголуков, анализируя ясачную документацию, приходит к выводу, что «...совместное кочевание осуществляли небольшие группы родственных семей, часть которых являлась по своему характеру патронимиями...». Он предполагал, что «локальная кочевая группа являлась экономической ячейкой тунгусского рода», род хозяйственного значения не имел и «в этом отношении основной

²³ Долгих Б. О. Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера // Общественный строй у народов северной Сибири XVII — начала XX в. — М., 1970
С. 91

социальной единицей тунгусского общества являлась небольшая локальная группа сородичей, осуществлявших совместное кочевание»²⁴

По нашему мнению, структура общества эвенков состоит из родов, распадающихся на патронимические группы, осуществляющие совместное кочевание.

Первое же описание социального устройства эвенков принадлежит исследователю И. И. Георги: «...Они разделяются по восточному обыкновению на колено, а сии на роды. Каждый род (тагаун) производит начало свое от какого ни есть храбростью, силою, изобилием в скоте и детях, называется по его имени, и все в оном находящиеся считаются кровными между собой родственниками. Несколько же таковых родов считаются между собой родством по своим родоначальникам и соединяются потому в колено...»²⁵. К тому же И. И. Георги пишет о малой семье и артели как объединении непостоянном, во многом отличающимся от большой семьи.

1.2.1. Социальная организация эвенков в XVII–XVIII веках

Объективные условия жизни и социального бытия эвенков привели к созданию у них своеобразной кочевой, точнее полукочевой, общины, характерными признаками которой были подвижность и непостоянство состава или даже аморфность. Связи между составляющими такую общину людьми покоились еще на личностных отношениях, как и во всех архаических общинах. Однако в рассматриваемый период такие отношения строились уже не на кровном родстве, а на совместном освоении определенного хозяйственного региона и на общем владении промысловыми угодьями. Подобный эвенкийскому тип общины и внутриобщинные связи известны и у других относительно высокоразвитых охотничьих народов мира, например, у алгонкинов и атапасков Северной Америки в XIX веке²⁶. Здесь принцип кровного родства постепенно заменялся соседством, и случай проживания с людьми иного генеалогического подразделения являлся правилом. Как во всяком обществе, где уровень производственных сил низок, родство у эвенков еще играло

²⁴ *Туголуков В. А.* Социальная организация эвенков и эвенов // Общественный строй у народов северной Сибири XVII – начала XX в. — М. 1970. — С. 236–237

Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. — СПб., 1799. — Ч. 3–4. — С. 35.

Аверкиева Ю. П. Род и община у алгонкинов и атапасков Американского Севера // Разложение родового строя и формирование классового общества. — М., 1968. — С. 162.

большую роль. Но это было не столько действительно кровное родство, сколько более широкие родственные связи.

У эвенков сложился и существовал своеобразный тип общинных отношений, характеризующийся чертами перехода от кровнородственных связей к территориально-соседским²⁷

Формы внутриобщинных связей между людьми колебались в различных видах, в зависимости от конкретных исторических условий и обстоятельств. Крайне разнообразны степени сочетания родственных и соседских связей, пропорции коллективистских и частнособственнических отношений в различных общинах.

Русские документы XVII века отразили разнообразные категории зависимых людей среди эвенков, по отношению к которым употреблялись термины: «холопы», «боканы», «вскормленники».

К первой категории относились, как правило, женщины и дети, которых во время набегов уводили в плен, а мужчин убивали. Однако они не были рабами и с течением времени становились полноправными членами общества. Вторую категорию составляли люди, утратившие возможность вести самостоятельное хозяйство. Такая категория добровольно вступала во временную зависимость к обеспеченному хозяину, вероятно, на добровольных началах. Третья категория состояла из детей, отданных на прокорм и воспитание богатым соседям бедными родителями в голодные годы.

В разных территориальных группировках общее число и сочетание больших и малых семей существенно колебались. Состав общины по имущественному положению их членов не был одинаков, и поэтому были различными способы кооперации общинников для того или иного промысла либо нужд оленеводческого хозяйства, а также состав коллективных объединений и степень коллективизма в производстве и распределении²⁸ Там, где в общине выделялось мощное ядро в виде одной или нескольких патриархальных семей зажиточных оленеводов, вокруг которых группировались семьи малооленных родственников и соседей, отношения имели более выраженный частнособственнический характер. В общинах, относительно однородных по имущественному положению и хозяйственным интересам их членов, производство и общественные связи строились на основе широкого коллективизма и

²⁷ Долгих Б. О., Левин М. Г. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов северной Сибири // Труды института этнографии. — М., 1951 — Т. 14.

²⁸ Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). — М., 1982.

родственно-соседской взаимопомощи. По уровню развития и характеру связей между людьми традиционная община эвенков находилась на стадии появления отношений частной собственности в недрах общинно-родового социального устройства и отношений раннеклассовых. Однако это не происходило ввиду малой демографической плотности, неустойчивых и недостаточных средств существования, что было осложнено суровыми условиями жизни и преобладанием охотничье-рыболовческо-оленоводческого комплекса в хозяйстве. Все эти условия вели к консервации патриархально-родовых форм, подвижному и неустойчивому сочетанию коллективистских и частнособственнических отношений, родственных и территориально-соседских связей внутри общины. Что касается родов и патронимических групп семей, стоит подчеркнуть, что, хотя связи патронимического характера прослеживаются довольно отчетливо и реальность их в XVII—XVIII веках бесспорна, в системе общественных отношений эвенков на первое место выдвигаются территориально-соседские связи. Как и у других народов мира, патронимия становится наиболее реальной генеалогической единицей отцовско-родового устройства, знаменуя собой, по существу, послеродовую стадию развития. Патронимия не заменяет собой родовую общину и родовую структуру связей между людьми, продолжая нести лишь некоторые функции рода (родственная взаимопомощь, самооборона от врагов, кровная месть, экзогамия).

Община, основанная на хозяйственных и родственно-соседских связях между людьми определенной местности, была основным социальным организмом в эвенкийском обществе XVII—XVIII веков.

1.2.2. Социальная организация эвенков в XIX – начале XX века

После вхождения Сибири в состав русского государства получили свое развитие товарно-денежные отношения, активизация которых не могла не вызвать некоторых изменений в социальном строе. Появилась имущественная дифференциация (по признаку владения оленями). Советскими исследователями выделялись, как правило, три экономические категории:

1. Малооленные и безоленные охотники-рыболовы.
2. Средне обеспеченные оленями охотники.
3. Крупные оленеводы и торговцы-посредники²⁹

Подобное деление носило весьма условный характер, и стремление выделить определенные прослойки или даже классы было, очевидно,

²⁹ Карлов В. В. Указ. соч. — С. 125.

влиянием времени. Так, например, практически нет границы между первой и второй категорией, и переход из одной в другую и наоборот был достаточно частым явлением повседневной жизни, что, в общем-то, и признавали авторы работ советского периода. Исследователи, безусловно, правы в том, что на данном этапе появляются признаки деления в имущественном отношении, уход обычно-правовых отношений, которые и вызвали изменения в социальной организации эвенкийского общества.

Подобные изменения проявлялись в тенденции сохранения большой патриархальной семьи и были свойственны средне обеспеченным оленям охотникам и крупным оленеводам. Однако характерно и то, что у «среднеобеспеченных», с преимущественным занятием пушной и мясной охотой, присвоение пушнины и обмен ее на товары производились индивидуально каждым семейством. В этом отношении малая семья была более самостоятельной. Большие семьи «середняков» — это, скорее, группы по совместному кочеванию, в которых глава — отец или один из братьев — в большей мере организатор производства в объединении из экономически обособленных семей близких родственников, а не хозяин или распорядитель.

Иной характер имела семейная община у крупных оленеводов, где отец был хозяином, а семьи сыновей не выделялись в самостоятельные ячейки.

На данном этапе происходит постепенная замена традиционных коллективистско-родственных и соседских связей общностью хозяйственных интересов. Тем не менее скорость подобных изменений у разных категорий не была однородна. Так, если у «бедняков» и «середняков» продолжают сохраняться отношения широкой соседской взаимопомощи и взаимовыручки, то у богатых оленеводов они подвергаются серьезному влиянию товарных отношений. Например, по нормам обычного права, если человек занимал пищу и не мог отдать, то с него не имели право требовать долг. В то же время у этой категории людей, помимо обязательной отдачи, появляются проценты.

В XIX — начале XX века при сохранении некоторой общности между членами патронимии стали допускаться широкие и многообразные контакты со всеми людьми, входящими в территориальную общину и находящимися за ее пределами. Под воздействием товарных отношений меняется обычное право. Отпадает древняя функция родственных семейных союзов как самооборона от врагов и отменяется кровная месть за убийство сородича. Община окончательно оформляется как территориально-соседская, в жизни которой все больше играют роль товарно-денежные отношения.

1.3. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА НА ТЕРРИТОРИЯХ ПРОЖИВАНИЯ ЭВЕНКОВ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Присоединение Сибири к России способствовало глубокому изменению жизни эвенкийского населения. Племена, ранее не знавшие государственности, оказались включенными в государственно-административную систему крупнейшей державы Европы. Общество, в котором преобладали патриархальные связи между людьми, натуральный уклад и примитивный обмен, было прямо и косвенно вовлечено в сферу влияния Российского государства, его экономику и государственное право.

Главной целью правительства во вновь присоединенных территориях было достижение экономической выгоды, что, по существу, и предопределило основную политику административного управления по отношению к аборигенам.

Вопрос об административном устройстве эвенков возник сразу же после покорения их казаками в XVII веке. В то время он решался исключительно в связи с нуждами, вызванными организацией ясачного сбора. Поэтому удобства для сбора ясака были намного важнее, чем географические и этнические принципы управления. Система управления средней Сибири складывалась по мере развития освоенных территорий. Закрепляя завоеванные территории, служивые люди строили по ходу своего продвижения на восток от Енисея укрепления, в которых оставляли небольшие отряды казаков для сбора ясака. Обрастая постепенно системой ясачных зимовий, многие из них вскоре превратились в центры уездов. Уездами управляли воеводы, назначенные из Москвы.

В середине XVII века в Сибири были утверждены разряды (позднее они стали называться воеводствами), возглавляемые областными воеводами. Формально, Тобольскому и Якутскому воеводам подчинялись малые и средние воеводы, стоявшие во главе уездов. Мангазейские и Енисейские уезды были средними ведомствами Тобольского разряда, а территории вокруг укреплений по Илим, Вилюю, Верховьям Лены входили в Якутское областное управление или Якутский (Ленский) разряд. На практике же малые и средние воеводы вели себя достаточно независимо от разрядных воевод и по всем делам, как правило, сносились с Москвой, с Сибирским приказом.

Сибирским воеводам были предоставлены большие права, вплоть до судебных и полицейских функций, что зачастую приводило к злоупотреблениям. Тем не менее документы Сибирского приказа свиде-

тельствуют, что по делам, связанным с ясачными инородцами» воеводы вели весьма осторожную политику. В случаях «шатости», отхода от ясака, перехода ясачных из одного уезда в другой, убийства русских служивых и промышленных людей — делах, являющихся особо важными, воеводы принимали решения, порой достаточно жесткие.

Царская администрация вмешивалась во внутреннюю жизнь населения только в исключительных случаях. К таковым, как правило, относились:

1. Межплеменные войны.

2. Переход эвенкийских групп от одного уезда в другой.

Во всех остальных случаях как такового серьезного вмешательства не было, для того чтобы «ясачные мужики» не «разбежались». Коренные народы Севера и Сибири находились в несколько особом положении в системе государственной юрисдикции. Поэтому русские чиновники должны были заботиться об исправном поступлении ясака в казну и регулировали отношения между ясачными лишь тогда, когда что-нибудь могло причинить ущерб казне. В остальных же случаях для нарушающих привычный порядок жизни эвенков вступало в силу обычное право. ...Спорящие охотнее размениваются стрелами, — писал по этому поводу И. И. Георги, — либо подвергаются суждению, по старинному своему обыкновению, своей братии, судящей обыкновенно по естественной справедливости, нежели предстают перед судом начальства, делающего приговор на основании не знакомых им законов, налагающих неупотребимые у них наказания...»³⁰ Только в XIX — начале XX века отдельные, наиболее серьезные уголовные дела стали иногда доходить до русских судебных органов.

Для сбора различных податей необходима соответствующая организация в составе этих народов. Как видно из истории, наиболее употребимый в таких случаях путь — это использование новой властью местных социальных институтов феодальной, племенной или родовой верхушки. У эвенков же не существовало такой власти князей, как, например, в Западной Сибири, ввиду того, что их общественные связи покоились на принципах относительного равновесия между членами общин и самими общинами. Поэтому на первых порах таким институтом стала широкая родственно-соседская взаимопомощь — система аманатов.

Как показала практика, при системе аманатов поголовного взимания ясака не достигалось. Точных переписей «инородцев» ясачная администрация не делала. Таким образом, неучтенная масса пушнины

³⁰ Георги И. И. Указ. соч. — Ч. 3. — С. 39.

попадала к ней, а не в казну³¹ Чтобы предупредить дальнейшее злоупотребление, правительство создает Первую ясачную комиссию (1763—1769) и вносит ряд изменений в порядок ясачного обложения. Аманатство и институт ясачных сборщиков из служивых людей заменяется групповым принципом обложения: на месте ясачных зимовий были созданы особые ясачные «волости» и выполнение функции по сбору ясака с населения этих «волостей» возлагалось на князьцов и старшин из среды самих ясачных людей. Первоначально таких князьцов и старшин было несколько человек, и все они давали расписку за полученное на их людей количество ясака. Такая система управления отражала состояние социальной организации эвенков того времени, давала представление о расположении территориальных группировок и указывала на отсутствие внутри них стройной иерархии и социальной стратификации.

Данная административная структура у эвенков просуществовала до 1822 года, т. е. до реформ управления М. М. Сперанского, назначенного губернатором Сибири. По его приказу были записаны сведения по обычному праву народов Сибири и разработан «Устав об управлении инородцев в Сибири», действовавший как основной закон, который оформлял правовое и административное устройство, до 1917 года.

По «Уставу» все «инородцы» Сибири были разделены, в зависимости от условий жизни и хозяйства, на три главных разряда:

1. Оседлые.
2. Кочевые.
3. Бродячие.

Тунгусов причислили к двум последним разрядам. Так, например, енисейские, баргузинские и курейские тунгусы были причислены к кочевым, а туруханские, вместе со всеми народами Туруханского края, к бродячим. «Устав», впрочем, оговаривал, что окончательное распределение «родов» по разрядам возлагается на сибирских гражданских губернаторов³². Впоследствии енисейский губернатор А. П. Степанов отнес всех тунгусов енисейской губернии к бродячим.

Различие в правовом положении кочевых и бродячих состояло в том, что кочевые получали в пользование определенные земли, где они обитали, с установленными границами и разделением на участки (п.п. 26—28 «Устава»). Бродячим позволялось «на занимаемой ими полосе переходить для промыслов из уезда в уезд и из губернии в губер-

³¹ Карлов В. В. Указ. соч. — С. 95.

³² Полное собрание законов Российской империи. — СПб. 1830. — Т. 35. — № 11 — С. 384.

нию безо всякого стеснения» (п. 62). В остальном, согласно п. 61, «права бродячих или ловцов, живущих в отдалении и разделении, вообще состоят в применении правил для кочующих поставленных».³³

В административном отношении все тунгусы были разбиты на «роды» (родовые управления). В эти административные «роды» было включено все население «бывших ясачных волостей», и оно представляло собой не кровный род, а территориально-племенные группировки разных экзогамных родов и их частей, перемещающихся по определенной территории, а те, в свою очередь, дробились на мелкие локальные общины. В целом территориальные общности не были тесно сплоченными социальными единицами с централизованным управлением в лице князьцов, хотя отдельные князья иногда пользовались большим почетом у окружающих. Однако они никогда не имели реальной власти.

Обязанности управления всеми людьми, входящими в административный «род», возлагались на специально выбираемых «родовых князей» или старшин: «управляющий родов приемлется в значении старшего лица, как будто бы род составлял одно семейство» (п. 175, с. 404). На старост или «князей» была возложена ответственность перед властями за сбор ясака «за весь род как с одного нераздельного лица» (п. 177). Старосты или «князья» наделялись большими полномочиями, например, судить незначительные уголовные преступления. Все выдачи ссуд в виде продовольствия или хлебного жалования в долг могли иметь место только в случае их поручительства. А также они следили за исполнением различных распоряжений и отправлений подводной повинности и т. д.

Искусственное усиление власти и полномочий объясняется стремлением унифицировать формы управления и в потребности создания среди народов Сибири местного социального института.

Различие между системами управления, по установлению Первой ясачной комиссии и «Устава» 1822 года, заключалось в том, что если раньше ясак собирали князья и старшины, каждый из которых был представителем лишь своей территориальной группы семей, родственников и соседей, то по «Уставу» «князья» становились единоличными главами всех людей административного рода. Они выбирались на Сугланах (родовых собраниях) и утверждались непосредственно уездными и губернскими волостями. Более того, если первоначально функции «князя» и старшины не различались, то впоследствии в наиболее крупных административных родах старшины выделяются и становятся на уровне помощников «князя».

³³ Т. е. по собранным нормам обычного права.

На основании вышеописанного видно, что в XIX веке по «Уставу» М. М. Сперанского у народов Сибири и у эвенков, в частности, появляется новая административная структура с элементами самоуправления. В настоящее время проблема самоуправления у коренных народов Севера в XVII — начале XX века начинает широко освещаться в прессе и научной литературе. Появились диссертации, например Л. М. Даниловой³⁴, в которых ведется дискуссия по данной проблеме. Стоит отметить, что основная суть разногласий заключается в наличии или отсутствии истинного самоуправления в общине, а также в общине образца 1822 года и первых лет Советской власти, когда были созданы ТузРИКи (Туземные революционные исполнительные комитеты).

На рубеже XX века управление у тунгусов представляло собой весьма пеструю картину. Так, Туруханский край Енисейской губернии (примерно 11–12 тыс. народов Севера из 16 тыс. всего населения) в административном отношении делился на три участка: Верхнеимбатский, Дудинский и Тазовский. Первые два участка находились в ведении полицейских урядников, а Тазовский, как и весь Туруханский край, — в ведении отдельного пристава. Кочевые эвенки подразделялись на административные роды, которые возглавлялись князьями (старостами) и их помощниками. Вместе с писарями они составляли родовые управы.

У верхоленских и киренских эвенков (Восточная Сибирь) имелись управы, которые возглавлялись старшинами. У первых они делились на участки, а у вторых — на десятины, причем и те и другие управлялись старостами.

Баунтовские и Баргузинские управы объединяли роды. У эвенков, составляющих небольшие локальные группы, имелись только родовые управления (Верхне-Ангарское, Нижне-Ангарское, Подлеморско-Шаманское и т. д.). Руководили управлениями «шуленги» (волостные головы).

Забайкальские эвенки управлялись инородными управами, которые объединяли административные роды. Одну из таких управ возглавлял князь Гантимуров, именовавшийся начальником тунгусских родов. В 1902 году эту группу эвенкийского населения перевели в разряд оседлых. У поделенных на волости ввели сельское управление³⁵.

Эвенки Якутской области образовывали административные роды, управляемые старостами и их помощниками — старшинами. Часть ро-

³⁴ Данилова Л. М. Общинное самоуправление у народов Крайнего Севера: сущность, проблемы возрождения: Дис... канд. соц. наук. — М., 1994.

³⁵ Рыбаков С. Г. Армакские тунгусы Селенгинского уезда Забайкальской области // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — СПб. 1903. — Вып. 1. — Т. 6. — С. 61, 80–81.

дов составляли обособленные инородные управы, другие входили в якутские улусы, у третьих имелись только родовые управления.

Крайне разнообразно управление и у эвенков Дальнего Востока. Так, у тунгусов Охотского побережья управление определялось Уставом 1822 года. У кочевых эвенков преобладали родовые управления, и лишь у удских имелась инородная управа. Роды возглавлялись старостами, а их подразделения — старшинами.

К середине XIX века в состав России входят народы Приамурья. Ввиду непригодности родовых форм управления на данном этапе возникали большие трудности с введением Устава 1822 года. Было даже подготовлено Положение об инородцах Приамурского края, где предусматривалось сельское управление, но оно так и не было реализовано.

Поэтому управление строилось следующим образом: был учрежден институт старшин для бродячих, а на оседлых распространялось действие Общего положения о крестьянах. Их селения входили в состав русских волостей и управлялись старостами. А в 1914—1915 годах для оседлых вводится упрощенное сельское управление, при котором все жители одного или нескольких селений составляли отдельные сельские общества во главе со старшинами, которые избирались на сельских сходах.

Как видно из выше перечисленного, административное устройство, введенное царским правительством по отношению к эвенкам, имело форму административных родов. По причине их подвижного образа жизни, территориально ограничить их было невозможно. Но в большинстве случаев за основу принимались определенные группировки населения, которые могли накладываться на уже существующие объединения, либо созданные царской администрацией. Очевидно, устройство не было обусловлено собственными потребностями народа, который отличался замкнутостью и независимостью. Русские столкнулись с неизвестной им социальной организацией и пытались обозначить территории, группы населения, родоплеменную верхушку с помощью собственных представлений. У эвенков не имелось каких-либо терминов для обозначения властелина, поэтому вся терминология (князьцы, старшины и т. д.) заимствовалась у других народов (русских, бурят, якутов и др.).

То же самое произошло и в отношении административного устройства, в котором термины применялись весьма произвольно к той или иной группе. Даже наиболее распространенные и устойчивые административные образования — волости — не имели точно определенной территории. Они включали в себя только освоенные места (промысло-

вые уголья, пашни, покосы)³⁶ Также произвольно применялись термины «род», «племя», «колено» и т. д.

Туземная администрация так и не приобрела иерархического характера, так как управление действовало на нескольких уровнях, сочетая в себе в разных соотношениях элементы управления и самоуправления. В большинстве случаев действовало одно звено (родовые управления), и лишь где-то над ним надстраивались инородные управы с соответствующими должностными лицами. Остальная туземная номенклатура представляла собой дробные подразделения родов, волостей и других административных единиц. Существенная роль в управлении принадлежала главам семей, которые являлись непосредственными исполнителями распоряжений властей и общественных решений.

Туземные чиновники выбирались на мирских сходках на определенный срок с утверждением губернаторов. Они непосредственно подчинялись местной полиции. Так, в 1898 году обязанности по контролю за управлением и судом у народов Енисейской и Иркутской губерний перешли к крестьянским начальникам³⁷

В рамках данной структуры, сопряженной с системой управления, и функционировали обычное право и «традиционный суд» у эвенков.

³⁶ *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. — Иркутск, 1957 — Т. 2. — С. 623.

³⁷ Сборник узаконений об устройстве крестьян и инородцев губерний Сибири. — СПб., 1899. — С. 1

Институты и отношения, регулируемые обычным правом эвенков

2.1. СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Семейно-брачные отношения представляют собой наиболее исследованную отрасль обычного права всех народов Севера и эвенков, в частности. Они регулировали самые существенные черты гражданского бытия. Семья составляла основную ячейку социально-экономической жизни тунгусов. Семья была относительно самостоятельной в способах добывания продуктов питания (кроме оленеводства, рыболовства и частично на охоте, в которых имела место кооперация труда, и создавались временные производственные объединения).

Преобладала коллективная психология, которая определяла многие стороны поведения людей, поэтому семья была соединена с общиной в большей мере, нежели это было в русской общине. Семья эвенков представляла собой семью патриархальную, пришедшую на смену матриархальным формам — с патрилинейным браком и главенствующей ролью мужа. Климат семьи определялся общественными отношениями, в которых присутствовал дух родственных связей, равенство и сотрудничество при определяющей роли отца, мужа.

Тунгусская семья представляла собой семью парную, осложненную рядом элементов патриархальной семьи, совершившей в начале XX века переход к моногамной семье. Кроме того, такие семейно-брачные отношения, позволяли предположить о существовании в более позднее время групповой формы брака. Следы более ранней формы взаимоотношений, по существу, сохранились вплоть до 30-х годов XX века и напоминали австралийскую систему классов, при которой есть роды, но нет семьи, — «Пуналуа». Так, для всех детей, если даже они от одного отца, отцы считались дедами, а младшие братья отца — дядями. Дети старших братьев отца — братья и сестры. Старшие сестры отца — бабушки. Дети сестер отца считались между собой двоюродными братьями и сестрами. Старшие братья матери — деды, младшие — дяди, так и для женщины: дети братьев — племянники и племянницы, а дети сестер — сыновья и дочери. Существовало понятие двух терминов «жены». По существу, выходило — «жена, с которой я живу» и «жена по родству», то же и для женщин: «муж, с которым я живу» и «муж по

родству Необходимо заметить, что выделение термина «жена, с которой я живу», проистекает только с начала XX века¹, т. е. в этот период происходит классификация системы родства. По этой системе у эвенка существовали жены двух категорий, с которыми складывались различные взаимоотношения:

1. Жена, на которой он женился, заплатил калым и т. д.
2. Жена по родству². В данную категорию входили:
 - а) жены младших братьев отца;
 - б) сестры жены;
 - в) жена его старшего брата;
 - г) сестры жены его старшего (старших) брата (братьев).

В отношении последней категории мужчина не вел совместную жизнь, по сути, не состоял в браке, но имел право на половые отношения. Соответственно дети этой категории были и его детьми. Так, исследователь А. Ф. Анисимов описывает случай, произошедший в 30-х годах: «...Эвенк по имени Юмкара, из рода Момоль, жил в чуме своего старшего брата и кочевал с его семьей по притокам реки Подкаменная Тунгуска. Старший брат был женат и имел двоих детей, Юмкара же был холост и в отсутствии своего старшего брата широко пользовался супружескими обязанностями в отношении его жены Инмокчон. Об этой связи Юмкары с Инмокчон знало большинство окружающих. Знал об этом и муж Инмокчон, но отношения между братьями были хорошими. Старший брат не выражал протестов, а общественное мнение не находило в этом ничего предвзятого. После того, как старший брат умер, Инмокчон стала женой Юмкары...» (левират). «...Эвенк по имени Люпчутто, из рода Куркогир, был женат, но одновременно имел связь с незамужней сестрой своей жены... наконец девушка забеременела³..., тогда Люпчутто женился на второй сестре..., и, как говорили эвенки, был прав и имел право на половые отношения и брак...»⁴.

Как видно из примеров, у эвенков существовал левиратный брак. ...Сестер своих жен раньше как жен своих считали... теперь старый обычай забывать стали...»⁵. О широте применения данного обычая го-

¹ Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). — Л., 1936. — С. 9–10.

² См. приложение на с. 124, выделенные в рамку женщины — жены по родству и просто жена.

³ Необходимо отметить, что у эвенков не почиталась невинность, например, на Севере Байкала девушки ходили ночевать к будущим женихам, чтобы привыкнуть друг к другу. А свадьба справлялась лишь после того, как рождался ребенок. Считалось, что нет семьи, пока нет ребенка.

⁴ Анисимов А. Ф. Там же. — С. 12.

Анисимов А. Ф. Там же. — С. 13–14.

ворят и многочисленные упоминания у исследователей И. И. Георги⁶ К. М. Рычкова и Л. Я. Штернберга: «...Каждая женщина пользуется правом в отсутствии мужа иметь половое общение с группой мужчин, обычно этим правом пользуются младшие братья мужа... для лиц разрешенной категории это не влечет никакого возмездия...»⁷; «...В палатке, кроме Ивана и его жены, ночевал очень дальний родственник Тимошка... Иван зажег лучину и увидел Тимошку, заменяющего его на супружеском ложе... Иван огорчился тем, что выругался... после чего Тимошка, смущенно улыбаясь, перешел на свое место, а Иван, кряхтя, улегся рядом со своей фривольной женой...»⁸. С течением времени такой брак стал уходить в прошлое и к началу XX века встречался достаточно редко.

Однако крайне нецелесообразно судить об этих отношениях, как о «незаконных связях»⁹, «легкости отношений»¹⁰ или «беспутстве жен»¹¹, ввиду того что, во-первых, данный обычай был нормой обычного права семейно-брачных отношений эвенков, во-вторых, женщины имели половые отношения только с разрешенной категорией мужчин, а ко всем другим мужчинам женщины были строго целомудренны.

Существовала целая система запретов, регламентирующих внешнее поведение женщин. Так, с группой сестер даже самого дальнего родства, мужчинам не позволялось шутить и разговаривать на скользкие темы и вообще обращаться с ними фривольно. В свою очередь, женщинам запрещалось показывать обнаженные части ног, некоторые принадлежности женского туалета и т. д., т. е. делать все, что может вызвать эротические чувства.

Таким образом, можно сделать выводы:

1. **Для мужчины:** дети его старших братьев являются и его детьми, так же как жены старших братьев являются и его женами.
2. Все дети старших братьев — это и его внуки, так как они дети его сыновей и дочерей.

⁶ *Георги И. И.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. — СПб., 1776. — Ч. 3. — С. 38.

⁷ *Рычков К. М.* Енисейские тунгусы // Землевладение. — 1922. — Кн. 3–4. — С. 35.

⁸ *Штернберг Л. Я.* Семья и род у орочей Татарского пролива. — Л. 1933. — Т. 3. — С. 118.

⁹ *Патканов С. К.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании переписи населения 1897 г. и других источников // Записки И. РГО. — СПб. 1906. — Т. 31. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 281.

¹⁰ *Васильев В. Н.* Краткий очерк о инородцах Сибири Туруханского края // Ежегодник Русского антропологического общества. — СПб., 1905–1907 — Т. 2. — С. 77

¹¹ *Степанов А. П.* Енисейская губерния. — СПб., 1835. — Ч. 1–2. — С. 74.

3. Дети сестер (родных и коллатеральных) — его племянники и племянницы, так как они из брака с ним исключены, а следовательно, не могут быть его братьями.

4. Дети племянников и племянниц — его внуки и внучки, так как они дети его сыновей и дочерей, потому что каждая женщина имеет право на половые отношения и брак с сыновьями сестер своего отца, двоюродными братьями по отцовской линии. Следовательно, они могут жениться на дочерях его сестер, а дочери — выходить замуж за сыновей его сестер и являться его внучками.

5. **Для женщины:** дети ее сестер — и ее дети, так как мужа ее сестер и ее мужа.

6. Дети ее сыновей и дочерей — ее внуки и внучки, так как они дети сыновей и дочерей.

7. Дети ее братьев тоже ее внуки, так как они дети ее сыновей и дочерей.

8. Дети ее племянников для нее внуки и внучки.

9. **Для мужчины:** все старшие братья отца — его деды, а младшие братья отца — его старшие братья. Эта разница в классификации соответствует различиям в нормах брака. По отношению к женам младших братьев отца они имеют право на половые отношения и брак, и наоборот — к женам старших братьев отца все это запрещено.

Групповой брак эвенков носил форму перекрестного двоюродного брака: мужчина вступал в брак с дочерьми брата, т. е. двоюродной сестрой по материнской линии и наоборот. Таким образом, двоюродные братья и сестры были от рождения женами и мужьями.

Перекрестный брак имел широкое распространение как у эвенков, так и у многих северных народов. «...У орочей меняются сестрами и это составляет самую излюбленную форму приобретения жены. Во время сговора ороч спрашивает тестя, чего он просит: калым или бабу?..»¹² Как правило, подобный брак имел форму перекрестного брака, т. е. между двоюродными братьями и сестрами.

Известно, что до XX века подобный брак не только рекомендовался, но и был обязательной формой брака. Эти сведения и подтверждают обычай жениться только на женщинах из рода матери и отдавать женщин своего рода в род последних. Роды, состоящие в подобных отношениях, и составляли фратрии. Этнограф-тунгусовед А. Ф. Анисимов проследил одну из фратрий:

¹² Штернбер Л. Я. Указ. соч. — Т. 3. — С. 17

Род	Куркóгир				
Семьи	Куркóгир	Люпáль	Куркó	Чемделéй	
	↓↑	↓↑	↓↑	↙↗	↘↗
Семьи	Чолькóль	Мóмоль	Норбóль	Кичéль	Санáгир
Род	Чолькóль				

Отсюда можно сделать вывод, что в прошлом каждое поколение братьев, родных и коллатеральных одного рода, состояло в групповом браке с целым поколением женщин другого рода, причем эти женщины всегда являлись друг другу сестрами, а мужчины — обязательно двоюродными братьями своих жен.

Данная система родства хотя и схожа с австралийским «Пуналуа», но имеет ряд отличий.

В «Пуналуа» половые отношения запрещены между лицами старших и младших поколений (у эвенков данные отношения возможны).

Лица в системе родства одного и того же поколения относятся к разным группам и наоборот (данное отличие в классификационной системе родства является отличительной особенностью тунгусско-маньчжурской этнической группы).

Заявление о женитьбе происходило через третье лицо либо самим женихом. В зависимости от того, кто договаривался, был различен процесс, предшествующий договору о браке. Так, если жених приходил сам в чум отца невесты, то условия размера калыма сначала предлагал он, а если присылал сватов, то условия сначала ставил отец, а сватов интересовал только размер приданого, что они и передавали жениху¹³.

Вступление в брак в основном носило светский характер¹⁴. В его заключении не принимали участие шаманы, и божественная сила почти никогда не предавалась, а предполагалось соблюдение некоторых обычаев, заканчивающихся застольем. У всякого рода групп такие обычаи были различны. У одних нужно было невесте на нартах три раза объехать чум жениха. У других невесте надо было самой распрячь оленей, отпустив их в стадо будущего мужа и сесть у входа в чум. После чего, подкладывая в костер дрова, ждать, когда мужчина снимет с себя парку (верхняя зимняя одежда эвенков) и бросит ей на колени. И только после того, когда она ее выносила из чума, считалось, что договоренность о женитьбе достигнута и они теперь супруги¹⁵. Лишь у небольшой группы эвенков, проживающих в Монголии, браку придавалась религиозная сила.

¹³ Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник И. РГО. — СПб., 1860. — Ч. 28. — Отд. 2. — С. 34.

¹⁴ Исключение составляли крещеные тунгусы.

¹⁵ Мордвинов А. Там же. — С. 38, 50.

В связи с тем что на этой территории господствовал буддизм, а не шаманизм, как у большинства эвенков России, эта церемония была заимствована у монголов и не являлась традиционной для всех групп: «...родители жениха и невесты становятся перед бурханами и после краткой молитвы возлагают на бурханай шурэ хадар. Этим заключается собственно сватовство и молодая пара уже считается женихом и невестой...»¹⁶.

Вступление в брак, очевидно, обуславливалось в первую очередь жизненными интересами и только частично эротическими. Брачный возраст для мужчин наступал с 17 лет, для девушек с 12—14 лет¹⁷ (Собрание Н. Л. Гондати на заседании Московского общества любителей естествознания), а иногда и с 10 лет¹⁸.

Врач Афанасов приводит следующую статистику по вступлению в брак эвенков Якутии:

Возраст девушки	% замужних
12—14 лет	3
15—17 лет	13,8
18—20 лет	56,4
от 21 года	23,7

ЗаклЮчить брак было возможно с помощью пяти законных способов и одного незаконного, но независимо от обстоятельств это всегда было личным делом мужчины. Незаконным способом считалось похищение. «“...Похищать девушку хуже, чем украсть оленя...” — сообщали Широкову <путешественнику> забайкальские эвенки. “...Мой дед украл бабушку, когда он сплавлялся на плоту в районе Оленька в Якутии, ей тогда было 15 лет”...»¹⁹. Похищение невесты случалось достаточно редко и определялось либо нежеланием отца выдавать замуж дочь (а это было реже), либо крайней бедностью жениха.

Одним из законных путей была передача невест побежденных победителям в качестве контрибуции и примирения. «...После побоища Нара взял в жены двух девушек, другие воины привели девушек на свою землю...» (сымские эвенки); «...Ангарские для примирения отдали свою дочь...» (катангские эвенки); «...После побоища Куркогиры и Мо-моли для примирения взяли от Нюрумнялей двух женщин...» (эвенки

¹⁶ Шестин С. Тунгусы, обитающие в верховьях реки Иро и ее притоков // Записки Приамурского отд. РГО. — Хабаровск, 1898. — Т. 4. — Вып. 3. — С. 84.

¹⁷ Бессараб Г. В. Тунгусское племя орочи // Правовой Вестник. — 1889. — № 28. — С. 17.

¹⁸ Чудновский С. Енисейская губерния к 300-летию Сибири (Статистические и публицистические этюды) // Приложение к «Сибирской газете» Томск, 1885.

¹⁹ Информатор Увачан Владимир Васильевич (Эвенкийский автономный округ).

бассейна Подкаменной Тунгуски). Сержант Попов даже считал, что данный способ получения невест был единственным²⁰ Вероятно, данный способ был и самым древним.

Вторым способом являлся обмен женщинами²¹, который был одним из самых распространенных, так как не предусматривал выплату «тама» (калым, «тори»). Обменивались невесты всех возрастов. Например, взрослую невесту могли поменять на малолетнюю и наоборот. В том случае, если невеста была малолетней, то она не сразу жила с мужем, а селилась у тестя до достижения зрелости, причем родители не могли в течение некоторого времени менять ее на другую. Несоблюдение этого правила неминуемо привело бы к войне. Необходимо заметить, что при заключении брачного договора можно было обмениваться не только невестами. Одни группы могли обменивать и других людей, как кровнородственных, так и нет. У других было обязательное условие — принадлежность к кровнородственным родам.

В 1928 году эвенк Карп Белякин женился на племяннице эвенка Маршина, ему нечем было уплатить калым, и он отдал «занятую» у Данилы Холгуренка сестру по имени Ичеко (такой «долг» возвращался первым ребенком, родившимся в новой семье). Маршин передал Ичеко своему племяннику Игнату. Эвенк р. Комо М. И. Туканов, из рода Тонкуль, вступил в брак с женщиной из рода Лонтогир, а взамен ее отдал в род Лонтогир свою сестру. Обменивались не только девочками, но и мальчиками. Е. К. Харбонов, из рода Харболь, взял жену из рода Лупаль, взамен отдал своего неродного сына. Более того, независимо от степени родства, для обмена не требовалось согласия ни обмениваемых, ни их родственников²².

Третьим способом была отработка у тестя²³. Обычно срок отработки составлял от 1 до 3-х месяцев, при котором жених постоянно проживал у тестя и безвозмездно трудился²⁴. Необходимо отметить, что срок отработки зависел не только от желания тестя, но и от места проживания той или иной группы эвенков, а также от национальности не-

²⁰ *Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). — Л., 1969.

²¹ *Кларк П.* Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе // Записки Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1863. — Т. 6. — Отд. 1. — С. 87–96.

²² *Ковязин Н.* Комовские тунгусы // Советский Север. — 1931. — № 7–8. — С. 142; *Титов З. Д.* Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII в. // Советская этнография. — 1978. — № 1. — С. 68.

²³ *Никульшин Н. П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. — Л., 1939. — С. 18.

²⁴ *Анисимов А. Ф.* Указ. соч. — С. 52.

весты. Несомненно, в этом случае начинало действовать обычное право тестя. Так, например, эвенк, женившись на чукчанке, обязан был отработать уже три года пастухом оленей, не требуя за свой труд не только платы, но и пищи, и даже одежды.

Четвертый способ характерен для эвенков, проживающих на территориях со скудными природными ресурсами. Очевидно, что возникновение данного способа, было обусловлено большим количеством неженатых мужчин, которые не имели возможности собрать калым. Хотя есть основание полагать, что данный обычай существовал до появления калыма. Применительно к эвенкам — это заимствованный способ, так как нет ничего подобного у других групп. Суть его заключалась в том, что эвенки один раз в два года собирались вместе для того, чтобы выбрать себе семейную пару. Все происходило в форме игры, во время которой молодые люди пытались поймать друг друга и та девушка, которая была поймана, объявлялась невестой, а поймавший ее — женихом²⁵

Пятым способом был калым, который появился в более поздний период. Происхождение калыма («маты»)²⁶ объясняется по-разному. Одни считают, что это трансформированный обычай, связанный с похищением женщины из другого рода, с последующим выкупом и примирением. Другие видят в этом обмен или возмещение ущерба семье невесты, потерявшей рабочую силу, третьи — как вознаграждение родителей невесты за то, что они вырастили и воспитали ее, а четвертые — как заем, который невеста должна потом отработать. Возможно, причина кроется в совмещении нескольких или всех причин.

Существовало несколько разновидностей калыма. Так интересен факт, случившийся в начале 30-х годов XX века. Байкитский оленевод²⁷ М. С. Лопатин заплатил калым за двух малолетних «жен»: за одну, семи лет от роду — 5 оленей, 8 пудов муки, 3 лосиных шкуры, 5 аршин мануфактуры, 50 рублей деньгами и 40 шкурок белки, а за другую, полутора лет от роду — 8 оленей и 2 пуда муки²⁸. Данный факт был разновидностью калыма, при котором «малолетняя жена» жила у тестя до повзреления. А калым отдавался или сразу, или частями, или родившимся первым ребенком. При оплате калыма частями оговаривался окончательный срок отдачи. Если к этому сроку он не отдавался, то дело выносилось на родовой суд. Как правило, решение было одно — невеста уходила к родителям, а задаток возвращался. Но это было

²⁵ Соколова З. П. Заметки об эвенках бассейна реки Кетн // Сибирский этнографический сборник. — М. 1962. — № 4. — С. 173.

²⁶ «Мата» переводится с эвенкийского как «платить».

²⁷ Байкитский район — один из трех районов Эвенкийского АО.

²⁸ Туголуков В. А. Идущие поперек хребтов. — Красноярск, 1980. — С. 115.

только в том случае, если брак так и не был заключен, а если же он был заключен, то задолжавший жених либо брал недостающую часть у родственников, либо договаривался о новом сроке. При любом развитии ситуации на невесту не ложилась печать позора и она могла в дальнейшем выходить замуж. Таким образом, брачное сожителство начиналось иногда значительно раньше факта заключения «законного брака», а именно — после уплаты отцу части калыма²⁹

Необходимо заметить, что с течением времени состав калыма претерпевал изменения. Так, если в XVIII веке в калым входили олени, шкуры и т. д., то уже в начале XX века в него стали входить деньги и заменяющие их ценности, что, несомненно, связано с развитием товарно-денежных отношений. В 1929 году в Тунгиро-Олекминском районе отец невесты попросил 3 ведра спирта, трех оленей и 300 рублей денег (или соответствующее количество шкурок белки). Состав калыма зависел и от того, из какой этнической группы была невеста. Например, за невесту-якутку калым взимался только деньгами, причем в достаточно большом количестве — 100, 150 руб. А за невесту-эвенку — только оленями, исходя из достатка³⁰ «...У тунгусов цена на женщину ниже <чем у якутов>, так жену можно было купить за 20 северных оленей, причем невесты приносили с собой 10 оленей и шалашную постройку...

Распределение калыма также зависело от места нахождения той или иной группы эвенков; если у одних калым полностью принадлежал тестю, то, например, у удских тесть получал лишь половину, остальное забирали сородичи. У других весь калым принадлежал роду (Л. Я. Штенберг). По тем же самым причинам различен был и сбор калыма. Если у одних групп это было личным делом жениха, то у других, например эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски, существовал обычай, по которому дядя по матери уплачивал часть калыма.

Существовал обычай, по которому если жених после сватовства вдруг передумал жениться, то калым не возвращался. В том случае, если родители невесты в последний момент не захотели отдать замуж дочь, то они были обязаны вернуть калым.

Сбор приданого, как правило, осуществлялся всем родом, но с развитием товарно-денежных отношений все больше и больше это становилось делом отдельной семьи.

Размер же приданого зависел от размера калыма, а также от временного промежутка. Так, И. И. Георги писал в XVIII веке, что у тунгусов

²⁹ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 281. Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1898. — №2. — С. 200; Шестин С. Указ. соч. — Т. 4. — Вып. 3. — С. 85.

³⁰ Майнов И. И. Указ. соч. — № 2. — С. 200.

калым превосходил приданое примерно в четыре раза. Уже в середине XIX века приданое составляет почти половину калыма, плюс вещи первой необходимости. Вот типичный пример: «...отдал за жену 17 оленей и двоих заколол на угощение, кроме того, привез 1,5 ведра водки... в приданое за женой мой знакомец взял 8 оленей, в том числе один ездовой, один производитель и 6 важенок...»³¹ В начале XX века приданое составляло около 70 % калыма, плюс домашняя утварь (охотские эвенки). Единственное, от чего не зависел калым у всех групп, так это от того, имелись ли у невесты родители. Поэтому калым выплачивался всегда — если не прямым родителям, то приемным, если не приемным родителям, то опекунам.

Подводя итог сказанному о калыме и сватовстве, следует отметить, что последнее слово здесь всегда принадлежало матери невесты (очевидно, это сохранившийся пережиток матриархального строя). Размер же калыма определял отец, который руководствовался степенью зажиточности обеих сторон, возрастом невесты и ее хозяйственными талантами. Справедливости ради нужно отметить, что такая постановка вопроса стояла только при наличии желания девушки выйти замуж, так как если она этого не хотела, то была вольна не выходить, даже если этого требовали ее родители. «...Жених и невеста стояли рядышком честь по чести; поначалу все шло хорошо, но когда наступил момент опроса, девушка с невозмутимым видом заявила “нет, не хочу” ...она рассказала, что родители давно вынуждали идти замуж за этого человека, а она им всегда говорила, что не пойдет; старики, очевидно, рассчитывали на то, что она в последний момент струсит и покорится, но этого не будет, так как ей хорошо известно, что против воли ее не обвенчают... По словам священника, такие случаи в его практике повторяются каждый год...»³²

Количество жен у эвенков не ограничивалось, и целиком и полностью зависело от материального достатка жениха. Поэтому известны случаи, когда богатые оленеводы имели семь (эвенки бассейна Нижней Тунгуски) и даже девять жен (эвенки бассейна Ангары)³³.

Многоженство в роду не порицалось, имело широкое распространение и было высшим признаком благополучия у забайкальских эвенков, хотя и здесь обычаи были неоднородны. И наоборот, двоеженство

³¹ Майнов И. И. Указ. соч. — С. 200.

³² Майнов И. И. Там же. — №2. — С. 281

³³ Титов З. Д. Указ. соч. — №1 — С. 59–71, Полевой Б. П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века // Советская этнография. — 1965. № 5. — С. 125.

осуждалось у амурских эвенков. У эвенков подкаменно-тунгусской группы двоеженство разрешалось при определенных условиях, таких как:

1. В случае неспособности к деторождению жены.

2. Если жена была очень стара (последствия левиратных браков). В этом случае обязательным было ее согласие.

3. Если детьми были только дочери и не было мальчиков, которые должны унаследовать имущество.

4. В случае если хозяйство настолько велико, что жена не справлялась с домашней работой.

Исследователь В. Н. Шерстобоев приводит статистику многоженцев по Кондогирской и Курейской тунгусским волостям Киренского уезда за 1787 год³⁴ (современная территория Катангского района Иркутской области):

1. Кондогирская — 94 семьи, из них 11 двоеженцев.

2. Курейская — 98 семей, из них 9 двоеженцев и одна — троеженцев по р. Верхняя Лена;

3. Киренская, Хандинская, Усольская — 81 семья, из них 5 двоеженцев.

Итого: из 273 семей 26 многоженцев.

При многоженстве трансформировались обязанности членов семьи. Как принято говорить, «старшая жена» занимала главенствующее положение: она командовала младшими и нередко являлась казначеем. Младшие жены находились у нее в подчинении. Почти всегда у каждой жены был свой чум, где она находилась вместе со своими детьми. Как правило, между женами имеет место острое соперничество, как это случалось на Востоке в гаремах, но в эвенкийских семьях данные тенденции не были отмечены. Напротив, известны случаи, когда жена, будучи в единственном числе, сама побуждала мужа «купить» вторую жену. Правда, это случалось, если она с трудом управлялась по хозяйству. Данный обычай сохранялся в единичных случаях вплоть до 70-х годов XX века в Эвенкии.

Необходимо подчеркнуть, что при заключении брака преобладали не любовные мотивы, не осознанная необходимость воспроизводства жизни, а в первую очередь возможность получить хозяйку, выполняющую целый цикл работ, несвойственных или недоступных мужчине. Поэтому главным критерием хорошей жены было умение вести хозяйство и покладистость характера. Обладание женщиной с подобными качествами соответственно повышало и размер калыма. Красота и молодость котиrowались ниже.

³⁴ Шерстобоев В. Н. Или

Иркутск, 1957 1 — С. 17

В публикациях XIX века отмечалось, что тунгусы, имеющие несколько дочерей, обогащались, получая за них калым. Хотя, с другой стороны, крупные размеры калыма становились большой проблемой для молодых людей. ...Один молодой тунгус считал себя счастливым, когда добыл себе в жены сироту, выросшую у священника в Удском остроге». Он хвалил, пишет автор, «великодушие последнего», так как «отделался уплатой 5 соболей и 10 половинок лосинных шкур, но, правда, должен был взять жену почти нагую, без платка, бедную-пребедную...»³⁶ У эвенков в ведомстве князя Гантимурова существовал обычай, при котором старший сын был обязан жениться при жизни отца и помогать младшим в женитьбе, если они оставались холостяками после смерти отца. Брачные узы у тунгусов, как, впрочем, и у всех северных народностей, не были нерасторжимыми. Неслучайно большинство людей предпочитало традиционный брак и уклонялось от крещения, желая избежать церковного брака³⁷

Завершая освещение вопросов заключения брака, нужно отметить, что, как правило, молодые эвенки в момент женитьбы были достаточно обеспеченными людьми, с точки зрения существовавшего общества. Подобный достаток достигался благодаря обычаю, который, очевидно, имел отношение к скотоводчеству на юге Эвенкии, а именно: отец дарил оленюху вместе с будущим приплодом новорожденному сыну. Это небольшое стадо сын мог получить только после того, как женится. ...Иван Гермогенов для обеспечения своих сыновей предназначал каждому из них по одной новорожденной оленюхе со всем будущим приплодом; сын Ивана Алексей к 22 годам, когда начал вести самостоятельную жизнь, получил таким образом из стада 9 оленей и 5 важенков...»³⁸

Что касается препятствий для заключения брака, то таковыми были:

1. Если жена являлась однофамилицей и в родстве находилась ближе четвертого поколения³⁹.
2. Если жена не являлась представительницей рода мужа.

³⁵ Колачев И. В. Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г. // Известия Сиб. отд. И. РГО. — 1871. — Т. 2. — № 1, 2. — С. 44.

³⁶ Участь бедных детей Якутской области // Труды Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1884. — Т. 15. — № 1–2. — С. 102.

Миддендорф Ф. А. Путешествие на Север и Восток Сибири. — СПб., 1860. — Ч. 1. — Отд. 2. — С. 132–140.

³⁸ Майнов И. И. Указ. соч. — №2. — С. 183.

³⁹ Василевич Г. М. Эвенки Катангского района // Труды института этнографии. — М. 1962. — Т. 78. — С. 118.

В более позднее время такие браки стали возможны. Но тогда мужчина должен был перейти в семью жены. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что семейный дух и покровитель семейного очага Буади вел свое начало от четвертого поколения по женской линии. Этот обычай характерен для эвенкийского народа во время перехода от матриархата к патриархату.

Как уже упоминалось выше, эвенки стремились заключить традиционный брак, а не церковный, дабы не усложнять процедуру развода. Тем не менее уже в XIX веке правосознание северных людей в отношении брака начинает претерпевать ряд изменений. Новое заключалось в том, что наметился добровольный уход от многоженства. Подтверждением тому стало прошение протоиерея Амгинской Преображенской церкви Якутского уезда Алексия Дьячковского, поступившее в Синод в начале XIX века. Алексей писал, что ясачные, будучи крещеными, возвращаясь в тайгу, продолжают вести обыденную жизнь с некрещеной женой, купленной ими за калым. Отсюда внутри семьи имеют место постоянные семейные раздоры⁴⁰.

Для того чтобы развестись, требовалось основание и публичное заявление. Основаниями для развода считались:

1. Нарушение супружеской верности с лицом неразрешенной категории. Для женщин — единожды, для мужчин — многократно.
2. Более или менее длительное отсутствие одного из супругов.
3. Жестокое обращение с женой.
4. Пьянство, ведущее к разорению хозяйства.
5. Импотенция мужа⁴¹ («...мы живем как две женщины...»).
6. Неспособность к деторождению (в данном случае подход был с материальной стороны — «...чтобы было кому передать хозяйство...»).

Браки могли расторгаться как по инициативе одного из супругов, так и по обоюдному согласию. Существовало разное отношение к приданому и калыму, независимо от того, кто был инициатором развода и в какой тунгусской группе происходил развод. Если у Забайкальских эвенков при разводе по обоюдному согласию муж не получал калым, а, напротив, отдавал жене лошадь или оленя плюс летнюю и зимнюю одежду, то у эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски муж получал обратно свой калым или вещи ему равноценные, а женщина забирала

⁴⁰ Федоров М. М. История правового положения народов Севера, Восточной Сибири в составе России. — Иркутск, 1991. — С. 98.

⁴¹ У некоторых групп тунгусов импотенция мужа не признавалась и считалось, что всегда бесплодна женщина.

свое приданое⁴² и все то имущество, которое являлось результатом ее труда.

У других групп: если инициатором развода была жена, то калым взыскивался с ее отца или его наследников, либо отдавалась другая незамужняя сестра, но только по согласию оставленного мужа. Если инициатива развода исходила от мужа, то калым не возвращался, и жена забирала приданое. Причем в этом случае оставленная жена могла повторно выйти замуж, чего не было, например, у хантов. Исключением из правил была ситуация, когда причиной развода была измена жены. В данной ситуации соблазнителя принуждали жениться на ней и отдать свою дочь (если таковая имелась) обиженному мужу, который в свою очередь обязан был дать приличное вознаграждение⁴³. Вознаграждение возвращалось, если дочь соблазнителя убегала от мужа. Если соблазнитель не имел дочери, то он просто отдавал оленя или лошадь (нерчинские тунгусы). Изменившая жена лишалась всего имущества, и ее просто выгонял теперь уже бывший муж.

Что касается детей, то поскольку род был агнатный, дети почти всегда оставались в роду мужчины. Причем было совершенно неважно, по чьей инициативе происходил развод, и даже по причине смерти мужа дети всегда оставались в роду мужа, кроме случаев, когда муж разводился без достаточных на то оснований. В этой ситуации обязанности по воспитанию детей передавались одному из братьев. Исследователь А. Ф. Анисимов еще в 1930 году, будучи в Эвенкии, наблюдал на стойбище у р. Буарэкта (правый приток Тунгуски), какого большого труда стоило советским работникам убедить женщину и других членов стойбища, что никто не может отобрать у нее детей и хозяйство после смерти мужа.

Несмотря на все перечисленное, положение женщины в эвенкийской семье не было столь приниженным, как это было у скотоводческих народов. Она находилась под постоянной экономической защитой своего рода, обладала относительной самостоятельностью и личным имуществом. Могла в любой момент уйти от мужа. Если же муж препятствовал этому, то женщину забирали родственники. Подобный случай описан священником Щаповым в 1783 году в Якутии⁴⁴.

Таким образом, уклад семьи был патриархальным с элементами пережитков материнского рода. Отец выступал распорядителем имуще-

⁴² Если в составе приданого были матки оленя, то женщина забирала и приплод.

⁴³ *Лефрень Жак*. Положение женщины у диких и малоцивилизованных народов // Дело. — 1868. — № 1. — С. 146.

⁴⁴ *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области. Иркутск, 1916. — С. 304.

ства и организатором ее хозяйственной деятельности, обладал наибольшими правами и функциями. Отец, как правило, являлся и основным исполнителем этой деятельности, кормильцем семьи. Жена и дети находились в роли подчиненных. Однако не всегда. Так, женатые, но не отделившиеся от семьи сыновья могли распоряжаться по своему усмотрению половиной заработка (орочоны), в то время как неженатые отдавали весь заработок отцу⁴⁵.

Собственность жены состояла из двух частей:

1. Личное девичье имущество, состоящее из подарков отца и родственников, полученных до и после замужества;

2. Приданое.

Эти части собственности различались по назначению, происхождению, правовому положению и выделялись из семейного имущества в отдельный разряд. Жена имела право распоряжаться ими по своему усмотрению. После смерти имущество и приданое ложилось вместе с ней в могилу, кроме небольшой их части (одежда, украшения), которая доставалась дочерям.

Власть отца во многих случаях продолжалась до тех пор, пока он был в состоянии работать. При утрате работоспособности его права переходили к старшему сыну. Тем не менее старики вплоть до смерти оставались самыми уважаемыми людьми и без их согласия не предпринимались никакие важные акции. В начале XX века исследователь аянских эвенков (Охотское побережье) Э. К. Пекарский писал о них:

...Стариков почитают: при встрече с ними в знак почтения подают две руки, а не одну, как остальным. Во время перекочевок за стариками ухаживают: в случае болезни старика, останавливаются до тех пор, пока он не выздоровеет...»⁴⁶

2.2. ОБЫЧАИ НАСЛЕДОВАНИЯ

С развитием имущественных отношений все большую роль в жизни эвенков стали играть обычаи, регулирующие наследование.

Определяющая тенденция в этой области обычного права выражается в движении от отсутствия наследования к возникновению его, в ограничении круга наследников (от всех сородичей до ближайших

Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. — Хабаровск, 1916. С. 43.

⁴⁶ *Пекарский Э. К., Цветков В. Г.* Очерки быта приайнских тунгусов // Сб. музея антропологии и этнографии. — СПб., 1911–1913. Т. I. 2. Вып. 1 — С. 354.

кровных родственников) от наследования по материнской линии до замены его по отцовской, от стремления сохранить имущество в рамках общинно-родовой группы до рамок семьи. У эвенкийского населения институт наследования в подобном виде не успел полностью сложиться. Переход собственности по наследству регулировался не судебными правовыми установлениями, а обычаями. Обычное право различало личную и семейную собственность.

К личной собственности мужчины относились: верховой олень; приплод от самки, подаренной в день рождения сына; нож; одежда; ружье и т. д., т. е. то, что изготовлялось или использовалось им в повседневной жизни. Личная собственность жены, как указывалось выше, состояла из двух частей: приданого и личного девичьего имущества, состоящего из подарков отца и родственников (полученных до и после замужества). Только часть личной собственности подлежала наследованию, ввиду того что другая часть ее уходила в могилу с хозяином (хозяйкой). У женщин часть имущества доставалась матери, дочерям и близким подругам, все остальное переходило ближайшим родственникам мужа⁴⁷

Основным объектом наследования являлась семейная собственность. В нее входили: олени, собаки, жилище, крупный промысловый и транспортный инвентарь. У оседлых эвенков — лошади, рогатый скот и т. д. У охотников-рыболовов входили также промысловые орудия и транспортные средства, но, в отличие от других групп, по наследству передавались и промысловые угодья. Такие общинные угодья были разбиты на участки и передавались в наследство только ближайшим родственникам, пользование ими было запрещено другим семьям. Наследование таких территорий письменно не оформлялось и делилось на три категории:

1. Территории, наследуемые родом.
2. Территории, наследуемые стойбищем.
3. Территории, наследуемые семьей.

Причем наследование двух последних категорий было возможно только после общеродового закрепление, обычно раз или два в году (переделы), необходимым условием которого было постоянное пользование и освоение⁴⁸. Кроме самой земли, объектом наследования являлись и небольшие речки. Охотничьи и рыболовные участки передава-

⁴⁷ У маньчжурских эвенков олени считались личной собственностью женщин, а лошади — мужчин. (*Широкогоров С. М., Широкогорова Е. Н.* Отчет о поездках к тунгусам и орочонам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // ИРИКСВА. — Птр., 1914. — Сер. 3. — № 3.).

⁴⁸ ГАИО. Ф. р. 538. Ед. хр. 74. Л. 9. (Материалы по научному обследованию северных окраин и общего характера).

лись только по мужской линии. Если сыновей было несколько, то наследовал младший сын, старшие же отправлялись искать свободные земли. В том случае, если наследников не было, то пользователя определял Совет рода⁴⁹

Характер наследования у кочевых и оседлых эвенков был различен. Так, если у первых в большей мере это право касалось всего стойбища, то у оседлых в основном нескольких семей. Например, порядок пользования усадьбой с утугом, пашней и сенокосом был подворно-наследственным. Причем были выделены сенокосы индивидуального пользования. Однако это не было массовым явлением, даже у оседлых. Были хозяйства, которые не различали семейного наследования на землю⁵⁰

Таким образом, у эвенков данной группы было частично распространено право наследования не только на движимое, но и на недвижимое имущество. У охотской группы нет как такового наследования территории, но есть наследование построек. ...У тунгусов, живущих при устье..., жилые барабары, построенные из выкидного лесу. У некоторых семей тунгусов наследованы барабары от дедов: но они еще так свежи и крепки, что, по всему вероятно, перейдут во владение к правнукам нынешних владельцев...»⁵¹

В общем, право наследования разработано достаточно детально, вплоть до нестандартных ситуаций. Право определялось кровным родством по мужской линии и принадлежностью к семье как трудовому коллективу. Соответственно и статус наследников не был однороден и зависел от пола, возраста, степени родства и семейного положения. Предусматривался различный порядок наследования: между женой и мужем, сыновьями и дочерьми, близкими и дальними родственниками. Так, например, если оставалась трудоспособная вдова или она выходила замуж за брата мужа (левират), то имущество не делилось, но подлежало разделу между родственниками мужа в случае замужества за человеком из другого рода. Если вдова не была трудоспособной и не выходила замуж, то ей доставалось только личное имущество, все остальное имущество и дети переходили в род мужа. В свою очередь, дети уравнивались в правах со взрослыми, но не могли воспользоваться наследством, не достигнув совершеннолетия. У части забайкальских

⁴⁹ *Петри Б. Э.* Охота и оленеводство у тугурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйств. — Иркутск, 1930. — С. 73; *Сирина А. А.* Катангские эвенки в XX в. — М. 1995.

⁵⁰ *Копылов И. П.* Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края по данным статистико-экономического обследования 1927 г. — Новосибирск, 1928. — С. 25.

⁵¹ *Ленже А. З.* Описание устья реки Улы и впадающих с нею в Охотское море тем же устьем рек Нодгана и Нюдмала // Вестник П. РГО. СПб. 1853. — Ч. 7. Кн. 1. — С. 6.

эвенков в роду мужчин имущество распределялось следующим образом: весь скот в равной степени переходил к мужчинам, а все остальное — к женщинам. У большинства групп в наследовании участвовали только мужчины — продолжатели рода отца и хранители имущества семьи. Со временем у некоторых групп тунгусов мужские наследственные права стали ограничиваться со стороны вдов — матерей и незамужних сестер. Например, у эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски они получали равную с мужчинами долю наследства, а не только приданое⁵².

Посторонние лица, при наличии родственников, не считались наследниками, даже если бы на то была воля умершего. В данную категорию не входили воспитанники, которые наравне с сыновьями получали равную долю наследства, потому что получали фамилию рода и считались членами семьи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наследование определялось по нисходящей линии. Ближайшими наследниками считались: сыновья, братья отца, сыновья брата отца, т. е. племянники, и двоюродные братья первой и второй степеней и т. д. до самых отдаленных степеней родства. Прямыми наследниками являлись сыновья. Если после смерти отца семья не делилась, то права переходили к старшему сыну, либо просто к сыну, если он был единственным. Если семья была разделена, то имущество делилось поровну, и на попечение сыновей переходили мать, сестры, нетрудоспособные члены семьи, которые так же распределялись поровну между ними. В основном никто из сыновей в своем статусе не выделялся, но, как правило, мать передавалась под опеку младшему сыну. Зато у нерчинских эвенков после смерти отца старший сын наследовал «лучшее оружие», что служило символом его обязанности доставать пропитание для оставшейся семьи⁵³. У ороحوнов большая доля имущества передавалась тому, кто вносил за умершего отца ясак⁵⁴.

В наследовании могли участвовать как женатые, так и неженатые сыновья при условии совместного проживания. Помимо наследования по отношению к отцу, сыновья являлись наследниками и в отношении друг к другу, как братья. В данном случае сохранялся принцип оставления имущества в своем роду — в роду отца. Братья умершего признавались бесспорными наследниками, если тот был холостым или бездетным. В этом случае имущество делилось между ними поровну.

⁵² *Суслов И. М.* Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев реки Таймура. (Из материалов Чуанской экспедиции 1926 г.) // *Северная Азия*. — 1928. — № 1. — С. 61.

⁵³ *Буссе О.* Список слов бытового значения у некоторых кочевых народов Восточной Сибири // *Записки И. РГО*. — СПб. 1880. — Т. 6. — С. 223.

⁵⁴ *Соляровский В. В.* Указ. соч. — С. 47. *Штернберг Л. Я.* Указ. соч. — С. 14.

Если после смерти брата — главы семьи — в ней оставался хоть один взрослый сын или подросток, то семья сохраняла свое самостоятельное существование.

Но в том случае, если не было прямых наследников, то в права наследования вступали его братья, причем в порядке, регулируемом обычаем левирата. Вдова с детьми переходили к одному из братьев — тому, который получал права и обязанности отца — как опекуна их наследственного имущества до достижения детьми зрелого возраста. После чего дочери получали приданое, а сыновья — свою долю наследства. На первоначальном этапе братья отца обладали некоторым приоритетом перед сыновьями. Впоследствии их права были ограничены и они становились наследниками только в том случае, если после покойного не оставалось ни детей, ни жены или вдова была бездетной. Однако им всегда принадлежало преимущественное право опеки над вдовой и малолетними детьми. Таким образом, явно прослеживается тенденция постепенного уменьшения прав братьев отца в пользу сыновей, что характеризует процесс перехода от патронимии к семье.

Следующими наследниками были сыновья брата покойного вплоть до двоюродных, троюродных и четырехродных и т. д. При передаче прав наследования по отцовской линии не было необходимости в поддержании каких-либо связей между семьями агнатных родственников⁵⁵

Положение вдовы в наследовании в процессе времени тоже менялось. В XVI—XVII веках, когда широкое распространение получил левиратный брак, одинокая вдова вместе с имуществом переходила к брату покойного, который становился ее мужем. Если она была трудоспособной и у нее были сыновья, то она становилась опекуншей под присмотром родственников мужа. Вдова жила в отдельном чуме со своими детьми и кочевала вместе с ними. Если вдова была нетрудоспособна, то сама попадала под опеку вместе со всем имуществом. Имущество всегда находилось под присмотром родственников вплоть до достижения совершеннолетия сыновей. После чего имущество переходило к ним. Впоследствии, если создавались новые семьи, то получалось, что имущество все равно оставалось в роду отца.

В XIX веке вдова и замужние сестры стали получать равные доли, а сестры овдовевшие, но не отделенные от семьи, — разные части от этих долей. Очевидно, ограничение в стремлении удержать имущество в роду мужа связано не с проявлением матриархата, а с влиянием пришедшего русского населения, так как изменение имеет более поздний

Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). — М, 1982. — С. 138.

временной порядок, — при условии, что вдова все-таки не обладала полной личной и имущественной правоспособностью. Данный обычай не распространялся на вдов-мачех, которые не получали ничего, кроме обязанности пасынков их кормить.

Помимо имущества, наследованию подлежали и долги, которые независимо от величины и давности времени признавались обязательными. Долги подразделялись на: 1) личные и 2) казенные, но, независимо от этого, платились и детьми, и внуками, и правнуками и т. д. В случае бездетности должника, долг выплачивался родственниками. Выморочное имущество распределялось следующим образом: две трети делились между всем стойбищем или селением, а одна треть уходила тем, кто не являлся родственником, но проживал совместно (нерчинские тунгусы). Либо оно распространялось следующим образом: «...треть имущества — на поминование, треть — в церковный или кумирный приклад, а последняя треть, с кем жил... У гантимуровских — «...одна половина имущества — в кумирный приклад, а остальная четверть тому, с кем жил...»⁵⁶ Передача наследственного имущества происходила по обычаю, без особого юридического акта, так как у эвенков, живущих в России, письменность появилась только в годы Советской власти. Поэтому письменных завещаний в то время не было, но иногда оно передавалось в устной форме с целью предупреждения ссор между родственниками. Завещания впервые упоминаются в группах более развитых в экономическом плане и в ситуациях, когда имущество завещалось неродственникам — ввиду отсутствия родни.

Все подобные завещания строго регулировались обычным правом и касались не прав, а распределения имущества между родственниками и неродственниками, которое тоже происходило на основе обычая.

Право наследования было одной из наиболее традиционных и консервативных отраслей обычного права в архаических обществах, и в этом эвенки не были исключением. Однако в течение времени их право было подвержено значительному влиянию со стороны государственного права России. Свою роль в этом процессе сыграли и новые социально-экономические отношения, борьба двух линий наследования — родовой и семейной. Результатом чего явилось увеличение прав сыновей и частичное признание прав за матерями-одиночками. Наследование, помимо перехода имущества и обязательств, предусматривало и переход функций по управлению, в единичных случаях — должностей старост народных управ и родовых управлений⁵⁷

⁵⁶ Буссе О. Указ. соч. — Т. 6. — С. 218–219

Зибарев В. А. Юстиция у алых народностей Севера (XVII–XIX вв.). — Томск, 1990. — С. 170.

В отличие от земледельческих народов, основным объектом наследования были предметы, обеспечивающие наличие средств существования, таких как одежда, жилище, орудия труда и т. д.

2.3. ОБЫЧАИ ОПЕКИ

Помимо обычаев наследования, обычное право предусматривало и опеку. Опека была проявлением родственных и дружеских чувств и в большинстве случаев считалась обязанностью родственников. «...Неизвестно еще случая, когда тунгус погиб бы из-за того, что не нашел своевременной поддержки у родственников или сородичей...»⁵⁸ Этот обычай опеки помогал сохранению детей и имущества, окружал уважением стариков, оказывал помощь немощным и принимался добровольно в силу обычаев.

Различалось несколько видов опеки: 1) над круглыми сиротами; 2) над детьми с матерью; 3) над детьми, имевшими или не имевшими имущество; 4) над детьми, в зависимости от пола; 5) над пожилыми и нетрудоспособными сородичами; 6) временная опека над бедными сородичами.

После смерти главы семьи над его несовершеннолетними детьми, вдовой и семейным имуществом учреждалась опека с выявлением опекуна и установлением общественного контроля. На этапе развитого левиратного брака опеку над имуществом брал дядя — отчим, который по отношению к детям получал права и обязанности отца и опекуна. Он был обязан содержать и воспитывать подопечных детей, хранить и вести учет имущества с последующей его передачей. Опекуны имели право частично тратить имущество на содержание детей. Также была предусмотрена возможность передачи прав опекуна другому родственнику, в случае неполного или ненадлежащего исполнения им своих обязанностей. Срок опеки действовал либо до совершеннолетия подопечных, либо до их женитьбы или замужества. Опека осуществлялась бескорыстно.

Как и все право, данный обычай со временем не избежал деформации, в частности — моральной. Известны случаи, когда опекун стремится соединить свое и опекаемое имущество, а затем, покинув вдову, уйти к своим родным и таким образом присвоить все имущество себе. Например, ученый-этнограф И. М. Сулов сообщал, как даже в

⁵⁸ Пекарский Э. К. Цветков В. Г. Указ. соч. — Т. 1 — С. 232.

советское время в Эвенкии бывший староста Чучана Панкагир предложил вдове и приемышу перейти в его семью. Затем он взял у нее 600 рублей золотом, три десятка оленей и имущество, после чего откопчал в другой район.⁵⁹

По мере ослабления традиций, право опеки получила и трудоспособная вдова. Она стала выполнять обычные функции опекуна-попечителя. Однако ее право было неполным и частичным. Наиболее характерна опека вдовой под контролем родственников умершего или общества в целом. Все это было возможно только когда она имела малолетних сыновей — будущих наследников. Контроль осуществлялся с позиции невозможности нанесения ущерба имуществу. Вдова-опекун не имела права передавать имущество в свой или иной род, не являющийся родом мужа, брать с собой имущество при повторном выходе замуж. В противном случае срок попечительства прекращался, и все права и обязанности переходили родственникам умершего.

Наряду с опекой родственников отца и вдовы-матери, существовала и опека родственников. Если дело касалось детей, то в таком случае, как правило, у них были живы родители, которые были настолько не состоятельны, что не имели возможности их содержать. Чаще всего передавали девочек, так как мальчики уже в 9—11 лет начинали охотиться и становились кормильцами. При этом опекунам предусматривалось вознаграждение. Так, аянские эвенки давали одного оленя сразу, а когда девочка подрастала, то еще добавляли мзду. Опекаемая девочка, по сути, проходила процесс удочерения и получала новое имя, фамилию и общественную защиту новых сородичей. Как и у большинства народов, у эвенков существовали обязанности старших женатых сыновей либо просто женатых и неженатых сыновей безвозмездно кормить и содержать своих престарелых родителей и малолетних братьев. Опекун в этом случае определялся возрастом и семейным положением.

Наряду с другими обычаями был обычай постановки на иждивение больных, престарелых одиночек, нетрудоспособных бедняков, которых именовали «итэмны». Существовало следующее разделение опеки по временному характеру: 1) безвременная; 2) временная; 3) кратковременная.

Итэмны прикреплялись Сугланом (общим собранием) на прокорм одному из сородичей. В этом случае Сугланом определялись сроки кормления, так как покровители постоянно менялись, дабы их сильно не объедали. Бедняки вели полусамостоятельный образ жизни и постоянно кочевали рядом с покровителем, чтобы иметь возможность восполь-

⁵⁹ Суслов И. М. Указ. соч. С. 62

зоваться их помощью. Два раза в год (весной и зимой) на Суглане итэмнам указывались возможные пути кочевков. ...Они следуют за хорошим промышленником и всегда могут рассчитывать на получение своей доли из их добычи... (ничего не отдавая взамен)...»⁶⁰

Разовая помощь оказывалась посредством обычая «киляды», когда к вконец обедневшему сородичу приходили от 5 до 10 родственников и, торгуясь, покупали у него оленя по цене в 5–6 раз превышающую реальную стоимость, после чего садились и вместе съедали животное. Обычай помощи и взаимопомощи характерны для многих народов. Очевидно, что их появление обусловлено экстремальными условиями жизни и огромной зависимостью человека от природы. Поэтому то же гостеприимство у эвенков было обязательным и, вероятно, в истории народа спасло от голодной смерти не одного человека или семью. «...Сколько бы к нему не пришло званых и незваных гостей, он их обязательно примет и угостит, хотя бы ему пришлось издержать при этом весь свой запас провизии, а потом голодать. Но он и не думает на это жаловаться, зная, что в последнем случае он может перекочевать дальше и, в свою очередь, подобным образом сесть кому-нибудь на шею...»⁶¹. Необходимо подчеркнуть, что, на первый взгляд, обычай гостеприимства не является юридическим. Но у эвенков основной санкцией был позор, и нарушивший этот обычай строго наказывался, исходя из позиций оставления человека в беде. Постоянная опека была над стариками и вдовами, когда мужчины, приходящие с охоты, отдавали часть добычи этой категории лиц. Точно так же, если в рыбной ловле принимали участие старики, то независимо от своего улова они получали часть добычи.

В литературе встречаются описания взаимопомощи на самом деле не являющейся таковой. Например, С. К. Патканов пишет «...Некоторые зажиточные тунгусы добровольно и совершенно безвозмездно уплачивают за своих сородичей ясак»⁶². Очевидно, исследователь не знал, что, во-первых, царское Правительство взимало ясак с человека очень короткое время, а впоследствии перешло к платежам с рода. Во-вторых, анализ источников позволяет предположить, что на ясак и некоторые другие нововведения, которых эвенки до этого не знали, не распространялось обычное право. ...Уклоняющихся от платежа <ясака>... лежащих на целое родовое общество, которое, внеся положенный на него ясак, старается отыскать неуплатившего его, если только

⁶⁰ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31. — Ч. 1 — Вып. 2. — С. 271.

⁶¹ Патканов С. К. Там же. — С. 272.

Патканов С. К. Там же. — С. 273.

они ушли не очень далеко, а найдя, неупустительно взыскивают следующую с них повинность...»⁶³ Таким образом, один человек становился должником другого. По обычному праву, эвенк не то что бы искать неуплатившего, а при встрече даже намекнуть о долге не имел права.

Забота о благополучии людей была общепризнанной нормой поведения, которая отражала традиционные отношения, характерными чертами которой были коллективизм и взаимопомощь. У эвенков никогда не было нищих и обездоленных. Дети, оставшиеся без родителей, больные, инвалиды, престарелые-одиночки и просто очень бедные люди всегда находились на общественном попечении.

2.4. ОБЫЧАИ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

У эвенкийского народа, как и у других народов Сибири, имелся целый ряд юридических обычаев, регулирующих отношения в хозяйственной сфере деятельности. Важнейшее место в экономике народа занимал охотничий промысел, который давал не только пищу и одежду, но и пушнину, служившую основой меновой торговли. Существовал «институт» права, нормировавший все существенные стороны охоты, в том числе и право на охотничью территорию. Очевидно, что самая древняя норма первоначально не признавала не только право частной собственности на землю и тайгу, но и право исключительного ими владения. Такая норма первоначально была характерна для всех групп тунгусского населения, но с течением времени положение вещей стало меняться, причем у разных групп по-разному. В первоначальном виде данная норма долго сохранялась у эвенков Охотского побережья, которые считали, что главное не угождать, а охотничье счастье⁶⁴

Охотиться на таких участках можно было при условии, что охотники не должны мешать друг другу. Вместе с тем у жителей каждого стойбища имела своя территория, право пользования которой принадлежало им как первооткрывателям данного уголка. Со временем на таких территориях стали выделяться места, право охоты на которых принадлежало отдельным семьям, поставившим там свои ловушки. Однако это право не являлось правом собственности или владения, а лишь

⁶³ Баунтовские и Ангарские бродячие тунгусы поручика Орлова // Вестник И. РГО. — СПб., 1857. — Ч. 21. — Кн. 6. — С. 189.

⁶⁴ Зибарев В. А. Из истории обычного права альных народностей Севера // Советская этнография. — 1986. — № 2. — С. 79.

правом пользования. На такой территории могли охотиться и другие, но с согласия хозяина.

В свою очередь, такие определенные территории подразделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Человек, нарушивший его и не отдавший половину добычи хозяевам, считался вором и подвергался наказанию. Впрочем, наказание не применялось, если охотник убивал волка, медведя или добывал дичь или рыбу для собственного ежедневного пропитания. Воспользоваться чужим участком в полной мере можно было и по договоренности с хозяином.

У эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски границами участка служили ручьи, овраги и другие природные объекты. Участком могли пользоваться как одна, так и несколько семей. Охотиться на чужом участке дозволялось в том случае, если охотник ранил зверя на своей территории, а добывать приходилось на чужой. Но тогда он должен был отдать половину добычи хозяину. Если это был пушной зверь, то еще и шкуру.

У эвенков Кларской и Тунгиро-Олекменской группы убивший мог всецело пользоваться мясом, но шкуру все равно должен был отдать хозяевам участка. «...Проходя по грани своей дачи, охотник заметит только что перебежавших в чужую соседнюю соболя, лисицу, куницу, белку — может преследовать, а убивши пользоваться только мясом, шкуру же передает владельцу дачи, где убил зверя...»⁶⁵ Обычай регулировал различные сложные ситуации, которые могли порождать споры относительно того, кому принадлежит добыча. Так обеспечивались интересы охотника, который преследовал зверя, перебежавшего на чужой участок и там убитого другим человеком.

У забайкальских эвенков добыча доставалась тому, кто, ранив зверя, не прекращал погони даже в том случае, если его добывал другой охотник. Эвенки, живущие на территории современной Якутии, в пользу этого обычая приводили такие доводы — «...человек этого соболя выслеживал; он на него ставил стрелы, он его поджидал, надеялся; другой человек этого самого соболя встретил случайно, он ему даром дался, и было бы несправедливо отдать зверя случайному ловцу...»⁶⁶ Строго регламентировались правила добычи и в других ситуациях. Охотник, ранивший, но прекративший погоню, получал половину добычи⁶⁷, причем добивший зверя оставлял себе шкуру и голову⁶⁸

⁶⁵ Мордвинов А. Орочны и оленные тунгусы // Современник. — СПб., 1851. — № 6. — С. 129.

⁶⁶ Майнов И. И. Указ. соч. — №2. — С. 180.

⁶⁷ Самоковасов Д. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. — Варшава, 1876. — С. 61, 62.

⁶⁸ Шкура имела денежную ценность, а голова считалась большим лаком

Запрещено было брать из чужой ловушки зверя или рыбу. Ловушкой коллективного изготовления могли пользоваться только члены семьи, все остальные же, даже если они были из одного рода, такого права не имели. Человек не считался воров, если во время нужды он взял добычу из ловушки для собственного питания, но не больше половины. Он был обязан оставить шкуру и голову, укрыть от хищников остатки туши зверя и обязательно известить об этом хозяина. Невыполнение этих условий приводило к спорам и наказаниям.

Из-за того что «струя кабарги» была очень ценной, ее можно было взять только в случае самой крайней нужды, то же самое относилось к голове и передним лапам зверя. Каждый эвенк в период нужды мог зайти в первый попавшийся на его пути лабаз и взять оттуда необходимое количество продуктов. При встрече с хозяином он опять-таки должен был сообщить об этом и договориться о сроке возмещения. По обычаю, если человек не был в состоянии вернуть долг, то хозяин не имел права его требовать (илимпейские эвенки).

Очевидно, что у отдельных групп эвенков основным условием честного поведения считалось, скорее, само по себе предупреждение о взятии в долг, чем отдача долга. Такая позиция характерна для всех тунгусов, живущих в сложных климатических зонах, что, очевидно, было обусловлено суровыми условиями жизни⁶⁹. Обворовывание лабазов было случаем редким, но все же имело место и поэтому на Сугланах рассматривалось с особой тщательностью. Обычай позволял взять с лабаза продукты питания, если у человека отсутствовали олени или случалась болезнь в семье, но только в тех случаях, когда хозяин и нуждающийся принадлежали к одному роду, в противном случае это было воровством, позорным преступлением. К концу XIX века с лабазов уже ничего нельзя было брать.

Существовал порядок, обязывающий охотника делиться первой добычей с другими. В отличие от других народов Севера, такой обычай действовал только тогда, когда лицо присутствовало при добыче белки, лисицы и соболя. ...Савелий Дюлюпчин рассказывал, что он дал соболя Момоль Эмидак, так как он пришел в момент, когда Савелий убивал соболя...»⁷⁰ Получить зверя можно было только один раз, но если во время добычи появлялось другое лицо, то процедура повторялась. Пушного зверя отдавали в первую очередь чужеродцу, потом старшему по возрасту и т. д. по нисходящей. Нарушение обычая порицалось, счи-

⁶⁹ Например, у забайкальских эвенков было строго регламентировано сроки и возможные пути отдачи долга.

⁷⁰ *Никульшин Н. П.* Указ. соч. С. 44

талось, что оно ведет к утрате охотничьего счастья. В отличие от нимата получивший должен был впоследствии отдать охотнику оленя. Интересно то, что не было определенных сроков, и оленей иногда отдавали через 8–10 лет, когда хозяин уже давно забывал об этом случае. Тем не менее получивший был обязан помнить и при первом удобном моменте отдать оленя.

Обычаями регулировалось и распределение добычи. Так, существовал обычай «нимат» (трансформированный эвенкийский глагол «нимадув», т. е. «я отдаю»). Этнограф Г. М. Василевич писала о непских эвенках (Катангский район Иркутская область): «...Что добудут один или двое, то сразу съедается по стойбищу... наделяют мясом не только своих по стойбищу, но и тех, кто пришел в гости... охотнику достается целиком только шкура да сердце съест на месте...»⁷¹

Этот обычай первобытно-общинного распределения охотничьей добычи состоял в том, что охотник, добывший зверя, отдавал его другому лицу, а тот делил мясо между всеми присутствующими⁷². По этому обычаю охотничья добыча не принадлежала самому охотнику, независимо от того, добыл он ее индивидуально или вместе со всеми. Более того, если на стойбище находилось несколько охотников, то охотник даже не решал, кто будет делить его добычу. Это делали за него другие.

Добычу отдавали в нимат в первую очередь постороннему человеку, чужеродцу, не связанному отношениями родства с добытчиком. ...Издrevле вошло у них в обычай и почитается священным долгом, чтобы тот, кому удастся убить оленя, не считал его собственностью себя одного, но принадлежностью всех кочующих с ним родовичей. Таким образом, убьет ли один из его сородичей сто оленей, а другой ни одного, или даже ничего не добудет в течение года, раздел добычи между ними бывает равен... Независимо от того, присутствовали ли при разделе только сородичи или среди них были чужеродцы, нимат давали старшему по возрасту или главе семьи⁷³. Деливший зверя человек брал себе шкуру⁷⁴. Если это был медведь и его убивали коллективно, то нашедший след получал нимат и к тому же еще и голову.

В случае, когда добыча состояла из нескольких животных, каждый был обязан поделиться со всем обществом, причем лучшими кусками туши. У эвенков Мямяльского рода нимат был обязателен только внутри

⁷¹ ГАРФ. Ф 3977 Д. 81. Л. 122.

⁷² *Расцветаев М. К.* Тунгусы мямяльского рода. — Л. 1933. — С. 31

⁷³ Первоначально нимат отдавался старшему чужеродцу.

⁷⁴ Впоследствии чужеродцы могли взять только шкуру медведя.

семьи. Лишались нимата и не участвовали в общем угощении все женщины, кроме хозяйки, которая резала и разносила мясо по чумам.

У различных групп эвенков обычай не был однороден, так как у одних нимату подлежала дичь, у других — нет. У эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски шкуру бурого медведя отдавали чужеродцу или старшему по возрасту, причем было не обязательно его присутствие на промысле.

У эвенков Охотского побережья шкуру медведя отдавали самому уважаемому из сородичей участнику промысла, а мясо — в нимат, при условии того, что охотник нашел раненного зверя и добил его. Впоследствии в подобных случаях (когда добивался раненый медведь) у этой группы обычай трансформировался и мясо зверя уже не шло в нимат⁷⁶. Охотские эвенки проживали на территории морского побережья, поэтому у них в нимат шли и морские звери. Более того, в разделе участвовали также свидетели охоты, причем делил добычу тот, кто подошел последним. Единственное, что было неоспоримой собственностью убившего, так это голова добычи (считалось, что в голове удача)⁷⁷.

У забайкальских эвенков обычай нимат в течение времени претерпевал изменения. Так, если раньше разделу подлежало абсолютно все, то в XVII — начале XX века — только лесные звери⁷⁸.

В литературе встречаются и сведения о наличии артелей у эвенков. Очевидно, охотничьи артели были временными производственными объединениями и они не зависели от степени кровно-родственных связей, а добыча делилась поровну. К концу XVIII века исследователь И. И. Георги сообщал об эвенках: «...Собравшись побольше людей в артель, странствуют по всем лесам обширных своих пустынь, по большей части как особенные семьи, которые, когда встретятся случайно в своем округе с другими поколениями своего семейства, остаются, правда, на несколько времени в соединении, однако ж вскоре без дальних околичностей паки разлучаются, кочуют вместе с другими и так далее...»⁷⁹, «...Тунгусы, поодиночке или по две-три семьи, возят имущество на оленях на нартах, а сами и жены их верхами...»⁸⁰, «...Очень редко тунгусы ходят на охоту в одиночку, но большей частью со своими

Расцветаев М. К. Указ. соч. — С. 31

⁷⁶ Зибарев В. А. Из истории обычного права малых народностей Севера. — №2. — С. 79.

Херсонский С. О звериных и птичьих промыслах в Охотском округе Приморской области // Записки Приамурского отд. И. РГО. — Хабаровск, 1898. — Т. 4. — Вып. 1 — С. 17

⁷⁸ Туголуков В. А. Вити-Олек эвенки // Труды института этнографии — М., 1962. — Т. 78. — С. 76.

⁷⁹ Георги И. И. Указ. соч. Ч. 3. — С. 40

⁸⁰ Степанов А. П. Указ. Ч. 1. — 205

ближайшими родственниками. Точно так же занимаются и рыболовством... ..Армакские тунгусы <и буряты> ходят артелями и на крупную дичь, устраивая облавы <“ургечень”>»⁸¹ ...Охотники делились на артели, и каждая из них, на привале, собиралась около одного огня <огнища> отдельно от другой...»⁸²

Такие производственные объединения имели самое широкое распространение у народов Севера. В более позднее время, по данным Приполярной переписи 1926—1927 годов, 98,3% всех кочевавших хозяйств жили в подобных объединениях, т. е. из 9814 хозяйств только 165 кочевали отдельно. Это объясняется особым хозяйственным циклом оленеводства. Особыми климатическими территориальными условиями определялась охота на пушнину, количество участников которой варьировалось от 2 до 10 человек. Артели имели ряд особенностей. Можно выделить два вида эвенкийской артели: 1) «байкальский» и 2) «енисейский».

Первый вид имеет четко выраженный характер артели на паях. Второй — лишь совместное кочевание. Указанное разделение на виды, по-видимому, явилось следствием влияния, в большей или меньшей степени, пришлого населения, а до этого вся пушнина была коллективным достоянием, это и подтверждается сохранявшимся в это время обычаем отдавать часть пушнины старикам, вдовам. Отличие состоит и в том, что у «байкальской» артели был один руководитель, четкие коллективные кочевки. «...Вся добыча разделялась поровну, и тогда хозяин посылает от себя одного или трех работников, присовокупляет их к артели, снабжает припасами и выделяет им часть добычи. В каждой артели один должен знать хорошо избранную местность и назначается вожатым, тот, кто не так метко стреляет или идет в первый раз на промыслы, или же, что считается за самое важное в промыслах, неудачен, назначается кочевником. Его дело состоит в том, чтобы смотреть за вещами и лошадьми...»⁸³ (нерчинские эвенки).

У «енисейской» артели единого руководителя не было, а был лишь старший и более опытный, к советам которого прислушивались охотники. Сами же коллективы не были постоянными объединениями и добыча делилась поровну; «...на белку и соболя охотятся обыкновенно артелями в 2—6 (до 10) человек, которые делят всю добычу поровну, а остальных животных бьют как придется...»⁸⁴

⁸¹ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31. — Ч. 1 — Вып. 2. — С. 226.

⁸² Буссе О. Указ. соч. — Т. 6. — С. 226.

⁸³ Путешествие по долине реки Нерчи поручика Усольцева // Вестник И. РГО. — СПб. 1857 — Ч. 20. — Кн. 6. — Отд. 2. — С. 103—104.

⁸⁴ Патканов С. К. Там же. — С. 259.

В связи с изменением хозяйственных занятий менялись и правовые обычаи, большая часть которых регулировала отношения в новой сфере. Например, у забайкальских эвенков, перешедших к скотоводству и отчасти к земледелию, объем промысловых обычаев вообще и охотничьих, в частности, сократился до минимума. Зато появились новые нормы предохраняющие скот от попадания в охотничьи ловушки (не копать ямы для ловли зверей, не ставить самострелы ближе определенного расстояния от стойбища и т. д.), а также нормы, предусматривающие большую компенсацию ущерба⁸⁵. Сначала пушнина находилась в коллективном достоянии рода, потом — только та, которая в ловушках, впоследствии пушнина стала принадлежать только семье.

Обычаи рыбной ловли включали в себя нормы, регулирующие владения рыболовными угодьями и снастями, распределение добычи, а также меры наказания за нарушение рыболовных правил. Общий объем этих обычаев меньше охотничьих. Рыболовные угодья делились на мелкие и крупные. В мелких — это небольшие речки и озера, где водилась малоценная рыба, — лов рыбы был свободным, всякий мог добывать ее там, где хотел. Однако у каждой семьи имелись свои постоянные, привычные места. Действовало правило: «Где остановился, там и добывай»⁸⁶. Крупные рыболовные угодья больших рек принадлежали ближним селениям и находились на общинных территориях. Крупные ловушки (морские, речные), соорудившиеся с общим трудом, находились в коллективной собственности и использовались для совместной добычи рыбы. В семейной собственности находился промыслово-транспортный инвентарь (снасти), которым мог воспользоваться каждый, предварительно предупредив хозяина. Хозяин в свою очередь не имел права отказать, кроме случая, когда снасти были нужны ему самому.

Добыча велась как индивидуально, так и коллективно. Рыбная артель обычно включала в себя двоих-троих, троих-пятерых или восемь человек, если ловля происходила в широком месте реки. Объединения тоже были непостоянными, и не зависели от родовой принадлежности.

Раздел добычи происходил дважды: на месте ловли и в стойбище. На месте ловли собственником становился тот, кто вынимал рыбу из сети, причем добыча не учитывалась и не делилась на равные части, кроме случаев, когда в деле участвовали старики. Никаких преимуществ не имел и собственник промысловых орудий. В стойбище рыба раздавалась всем соседям независимо от степени родства. До опреде-

⁸⁵ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. — С. 34–38, 59–62; Зибарев В. А. Юстиция у малых народностей Севера. — С. 177

⁸⁶ Карлов В. В. Указ. соч. — С. 30. Зибарев В. А. Там же — С. 177

ленного момента считалось, что рыба — это не объект купли-продажи, поскольку принадлежит всему коллективу.

С развитием экономических отношений обычное право изменилось, и лучшие рыболовные места у некоторых групп стали распределяться ежегодно⁸⁷. Существовали так называемые смешанные артели, которые занимались сразу несколькими промыслами. Такие артели зависели от времени года. Например, в этой артели люди могли одновременно заниматься и охотой, и рыболовством. ...Эти промыслы начинаются вместе с белкованием <т. е. с Покровом> и распределяются обыкновенно так, что в артели <4 или 5 человек> трое промышляют, а другие белкуют...»⁸⁸.

Юридических обычаев, регулирующих отношения в оленеводстве, было немного. Это прежде всего обычаи, определяющие отношения между владельцами крупных стад и пастухами, условия найма которых никогда не оговаривались. Обычаи определяли меру ответственности пастуха за сохранность стада. Их сущность заключалась в ограждении от захвата и похищения оленей (нерчинские тунгусы). Конфликты из-за пастбищ, охватывающих огромные территории, как правило, не происходили, и всем хватало места для выпаса⁸⁹. Тем не менее это не означало отсутствие каких-либо правил. Пользование пастбищами регулировалось правом, в основе которого был заложен принцип: никто не должен мешать другому.

В рассматриваемый период был широко распространен совместный выпас, при котором одновременно паслись олени бедняка и богача. Обычно в роли пастуха выступал бедняк, которого богатый оленевод «одаривал» за выпас. В более ранний период пастух имел право сам закалывать чужих оленей в «долг», в случае необходимости и без предупреждения. С течением времени это стало возможным только после извещения хозяина.

В связи с этим, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на то что хозяйство и имущество (олени, охотничье снаряжение, чум и т. д.) бедного и богатого на некоторое время смешивались, они всегда полно и безраздельно принадлежали своему хозяину. Об этом, например, свидетельствуют индивидуальные метки, наносимые на оленей.

⁸⁷ *Туголуков В. А.* Эвенки Охотского побережья. Дис... канд. ист. наук. — М., 1958. — С. 15.

⁸⁸ Известия о занятиях Сибирской экспедиции (Донесение поручика Усольцева о путешествиях в верховьях Витима) // Вестник И. РГО. — СПб. 1856. — Ч. 12. — Кн. 4. — С. 19.

⁸⁹ Так, например, еще в 20-х годах на территории современного Эвенкийского АО, которая составляет 764 тыс. кв. км, проживало чуть больше 4 тыс. человек

Во время войны, согласно обычному праву, у противоборствующей стороны имущество можно было захватить⁹⁰, после чего оно считалось принадлежащим победителю. Этим объясняется и то, что у сонингов (воинов, искусных охотников), их потомков и верховных вождей были самые большие хозяйства⁹¹

Юридических обычаев, относящихся к оленеводству, было сравнительно немного, и их общий смысл главным образом заключался в охране прав хозяина оленей, его самостоятельности в сфере распределения и потребления. Небольшая значимость коллективных начал в данной группе обычаев свидетельствует не только о более позднем происхождении оленеводства, но и о более высоком уровне отношений собственности у оленеводов.

2.5. ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Обычай, касающийся договоров, изучен крайне слабо. Основой в экономических взаимоотношениях между людьми выступали обычаи взаимопомощи, дарения, гостеприимства и равного распределения. Как уже упоминалось, каждый мог занять, в случае необходимости, нужное количество продуктов с обязательным извещением хозяина об этом и с обязательством о возвращении взятого. Поэтому первоначально обмен имел форму одаривания и носил случайный характер.

С развитием обмена все большее значение приобрели отношения, построенные на основе договоров и сделок. Однако натуральный потребительский характер хозяйства и появившаяся с приходом русских сфера товарно-денежных отношений вызвали рост соответствующих отраслей обычного права. Эвенки совершали такие сделки и договоры, как обмен, купля-продажа, личный наем, залог. С большой степенью уверенности можно заключить, что обмен существовал задолго до прихода русского населения. Регулярный обмен совершался не только с соседними народами (бурятами, якутами, эвенками и т. д.), но и с даурами, китайцами и монголами. ...Следует заметить, что часовня Инноканская близ р. Средняя Мынь... и Буруканская при р. Тугур уже с давних пор служат местами сборищ для тунгусов этого района. Здесь они обменивают у прибывших сюда якутских и русских торговцев меха, шкуры на порох, свинец, железные товары и т. д... ...кроме того они

⁹⁰ После битв захваченное имущество делилось ровно поровну.

⁹¹ Бойко В. И., Костюк В. Г. Эвенки бассейна Е — Новосибирск, 1992. — С. 27

находят выгоду в сношениях с бродячими инородцами, посещающими Оленек... Немногие из них имеют прочные сношения с единоплеменниками по Вилюю, от которых получают или домашних оленей для присмотра и употребления, или для меновой торговли некоторое количество товаров, имеющих ход у инородцев по р. Анабар, а далее на северо-запад у долган...»⁹²

Существовали своеобразные «ярмарки», в которых участвовали объединения из нескольких семей (территориальные общины). Как правило, подобные ярмарки проводились весной во время религиозных праздников, например иконипка (пер. с эвенк. яз. — обновление, продвижение жизни)⁹³, в октябре — ноябре во время сдачи ясака, либо просто в удобных для обеих сторон местах по обоюдной договоренности. Одну из таких ярмарок застал геолог А. Л. Чекановский в 1873 году на р. Нижняя Тунгуска у устья Илимпеи (эвен. Лимты); в ней участвовало сразу 200 хозяйств. Вероятно, первоначально ярмарки были единственно возможным местом приобретения предметов, которых у данной семьи не было, или возможностью отдачи ясака для групп, населяющих территорию бедную пушниной. ...Сюда они пригоняют и стада оленей, выращенных на острове, и привозят продукты оленеводства для обмена на предметы первой необходимости...»⁹⁴ (Удская группа).

Известна так называемая форма «молчаливого обмена» в установленных местах, «...а торг у них, Чулюдеев, с ними, тунгусами, такой: приносят-де тунгусы на их дороги, по которым дорогам они, Чулюди, ходят, дятельные птичьи перья, и то де перья втыкают около лиственного дерева в лиственную кожу, а те-де, Чулюдеи пришедь, то перье емлют без них, тунгусов, а те-де тунгусам вместо того перья кладут на то же место всякие птицы и посуду своего дела...», «...дикие люди за то перье против того кольца малого положат кольцо большое и то-де против того положат котел малой...»⁹⁵

Сделки с русскими происходили словесно, но осуществлялись через «друзей», т. е. посредников, либо напрямую. Эвенки никогда не торговались, у них это не было принято. Должно быть, особенно интенсивно и давно обмен шел с якутами. Так, официально подобные контакты

⁹² Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31 — Ч. 1 — Вып. 1 — С. 51, 74.

⁹³ Подобные празднования происходили, как правило, когда жители Севера начинали чаще всего, заканчивали охоту на промыслового зверя

⁹⁴ Патканов С. К. Там же. — С. 32.

Гёздокко-Голомбневский. Из сибирских актов о Демьяне многогрешном и диких людях Чулюдеех // Чтение в обществе любителей истории и древностей Российских — М., 1888. — Кн. 1 — С. 18

известны с 1668 года⁹⁶. Появление же самих посредников связано с тем, что в определенных местах стали проводиться регулярные распродажи и некоторые из торговцев оставались жить здесь постоянно. Например, на Ниманской ярмарке, близ о. Орель и о. Чия, вместе с 118 эвенками постоянно проживало около 30 посредников⁹⁷. Обмен через посредников, вероятно, был самой распространенной формой обмена, он зафиксирован даже на северо-восточном побережье Сахалина. Также необходимо заметить, что на подобных ярмарках был достаточно большой товарообмен, например, в Приамурском крае, особенно на месте Ниманского инородческого собрания, оборот достигал более 50 тыс. руб., а на Учурском — до 60 тыс. руб.⁹⁸ Данные цифры весьма приближены, ввиду того что по большей части это была мена, а не торговля. «...Торговля с тунгусами на ярмарках почти не имеет денежных оборотов, а производится преимущественно меной товаров на шкуры...»⁹⁹

Распространение получила торговля через посредников, при которой определялся пользующийся доверием «друг», он и производил закупки товаров, за что щедро вознаграждался. Иногда посредники доставляли товары на место кочевки. У оседлых эвенков отмечены и факты торговли без посредников. «...Многие из тунгусов, которые записаны в мещане, ведут торговлю или от себя, или от других нерчинских купцов. Они по несколько раз в год отправляют выюками...»¹⁰⁰.

Можно выделить три самых распространенных типа договора:

1. Обмен вещи к определенному сроку («...Постоянные промышленники, доставляют здешним тунгусам для промена разные товары... но все это привозится по заказу. Заказ же делается тамошними тунгусами по соображению их потребностей в упомянутых товарах...»)¹⁰¹;

2. Доставка обмениваемой вещи к сроку («...Олекменские тунгусы имеют хороший заработок от перевозок на прииски, расположенные в самых глухих местах тайги, разных товаров...»)¹⁰²;

3. Мена на заказ.

⁹⁶ Дьяченко В. И., Ермолова Н. В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. — СПб., 1994. — С. 23.

Гапанович И. И. Амгуньские тунгусы и негидальцы, их будущее. — Харбин, 1927 — С. 23.

⁹⁸ Павловский А. Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку // Записки Вост. Сиб. отд. И. РГО. — 1863. — Кн. 6. — Отд. 1. — С. 1–23.

⁹⁹ Баунтовские и Ангарские бродячие тунгусы поручика Орлова. — Ч. 21 — Кн. 6. — С. 190.

¹⁰⁰ Известия о занятиях Сибирской экспедиции — Ч. 12. — Кн. 4. — С. 111

¹⁰¹ Ленже А. З. Указ. соч. — Ч. 7 — Кн. 1 — С. 7

Патканов С. К. Ук. Т. 34 — Ч. 1 — Вып. 2. — С. 238.

Необходимо заметить, что всяма ценилась честность, аккуратность. Невыполнение условий сделки зачастую влекло к тому, что тунгус переставал иметь какие-либо дела с посредником.

Впоследствии с развитием товарно-денежных отношений появляются и прямые обменные отношения между эвенками и торговцами. По всей видимости, у охотника не было понятия о реальной ценности его товара и деньги выступали в виде необычного эквивалента или определенной меры расчета в обмене пушнины на товары. Поэтому существовали произвольные цены, регулируемые конъектурой рынка. С развитием товарных отношений цены стабилизировались. Так, пушнина была в среднем «пяти копеек на двугривенный», т. е. на 25 % ниже городской (в трудно доступных местах на 30—40 %), а стоимость завозимых товаров выше на 30—100 %.

Обмен производился не только на ярмарках, но и непосредственно в местах кочевания. Прежде чем товар доходил напрямую до потребителя, он мог пройти через руки массы посредников. «...Мена пушнины на харчевые припасы в Удском крае происходит в стойбищах... Мена в Удском крае рухляди замечательна тем, что здесь рухлядь переходит из рук промышленника в руки торгующего, который уже на Учуре перепродает ее в третьи...»¹⁰³.

Причем интересно само объявление о желании обмениваться. Тунгусы вешали на дерево шкурку соболя или лисицы, в зависимости от того, чего было больше, а около шкуры укрепляли ветку. Ветка показывала в какой стороне искать кочевников, и если конец был загнут или завязан, то это означало: хозяин кочует неподалеку, если прямой, то это показывало только направление предполагаемого движения¹⁰⁴. Если дело происходило зимой, то в снег ставилась палка или любая ветка, и при увеличении расстояния их наклон увеличивался. При повороте прежний путь перегораживался другой палкой¹⁰⁵.

В XIX веке предметом купли-продажи становится и рыба. «...Нам известно, что глубокой осенью и зимой сюда стекаются для рыбной торговли тунгусы с Нижней Тунгуски...»¹⁰⁶. Частота подобных сделок у разных групп различна, что определялось объемом природных запасов и процентом пришлого населения. «...Рыбные промыслы незначительны,

¹⁰³ *Свербеев Н.* Сибирские письма (Поездка с Учурской ярмарки до Удского острога) // Вестник И. РГО. — СПб. 1853. — Ч. 8. — Кн. 4. — Отд. 7 — С. 109.

¹⁰⁴ *Занадворов П.* На отдаленном Востоке // Древняя и Новая Россия. — СПб. 1880. — № 7 — С. 473.

¹⁰⁵ *Майнов И. И.* Указ. соч. — № 2. — С. 206—207

¹⁰⁶ *Патканов С. К.* Указ. соч. — Вып. 2. — С. 165.

ограничиваясь только добыванием рыбы для собственного своего про- довольствия и весьма редко продажей избытков...¹⁰⁷ ...неводят ее сами, причем иногда добывают рыбы почти на 3 тысячи рублей...»¹⁰⁸ В основном рыбу меняли русским (если на муку, то, соответственно, 1 кг рыбы на 1,5 кг муки или 1 кг икры на 3,5–4 кг муки)¹⁰⁹

Сделки с соседними северными народами заключались ради получения продукта, которого у эвенков не было. Например, якутской юколы — ...а также приготавливают юколу <сушеная и подкопченная рыба> для промена прикочевывающих сюда оленных тунгусов...»¹¹⁰ Известны закупки, которые производили главы родов для всего рода в период подготовки к охоте. ...Недели за две перед отправлением собираются деньги для закупок пороха и свинца...»¹¹¹ Подобные сделки известны только у оседлой части населения, чему способствовал особый хозяйственный цикл. Кочующим родам это было неудобно, так как род в полном составе собирался только в особых случаях.

Широко распространен был и заем, предметом которого, как правило, выступали продукты, охотничьи припасы и другие материальные ценности. Первоначально заем был эквивалентным, но с течением времени появилось такое понятие, как процент. Так, Якуня Гаюльский на территории современного Байkitского района Эвенкии сколотил существенное состояние завозом продуктов и снаряжения в тайгу. При чем он увеличивал в несколько раз цену, брал процент, а долги забирал пушшиной, оленями и молодыми женщинами. Иногда предусматривалась и отработка долга — рубка дров, выпас оленей и т. д. «...Попав к ним <к якутам> в неоплаченные долги, всю свою жизнь принуждены бывают работать...»¹¹² (Якутская группа).

Но все же первыми, кто начал торговать в кредит, были русские торговцы-скупщики, а не сами эвенки. В XIX веке появились записи долгов с помощью деревянных бирок. Бирки представляли собой узкую продолговатую дощечку, на которой вырезались различные фигуры, обозначавшие предметы и сумму долга. После записи долга дощечка

¹⁰⁷ Известия о занятиях Сибирской экспедиции. — Ч. 12. — Кн. 4. — С. 110.

¹⁰⁸ *Врач Кириллов*. Поездка в Нижне-Ангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск. 1886. — Т. 17. — № 1–2. — С. 1–83.

Амурские орончоны поручика Орлова // Вестник И. РГО. — СПб. 1857. — Ч. 21. — Кн. 6. — С. 196.

¹⁰⁹ *Ленже* А. З. Указ. соч. — Ч. 7. — Кн. 1. — С. 10.

¹¹¹ Известия о занятиях Сибирской экспедиции. — Ч. 12. — Кн. 4. — С. 105–106.

Патканов С. А. Указ. соч. — Т. 31. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 73.

раскалывалась по длине на две части. Одну половину брал себе должник, другая оставалась у кредитора. При уплате долга обе половины складывались вместе и сличались. Поэтому если на дощечке была вырезана фигура соболя, то это означало, что, например, эвенк должен купцу одного соболя. Счетные знаки были следующими: горизонтальная черта означала 1 рубль; наклонная черта — 5 руб.; косой крест — 10 руб.; горизонтально перекрещенный косой крест, верхние концы которого были соединены прямой линией, — 100 руб.¹¹³

Таким образом, купцы искусственно вовлекли широкие массы инородцев в кредитную торговлю. Для этого была выработана особая система, которая состояла в том, что торговец, воспользовавшись всевозможными трудностями, стремился отпустить товары в кредит. Обязанность кредитуемого состояла в том, что он предоставлял кредитору к определенному сроку пушнину или что-то еще, что мог добыть в этом сезоне. Долги отдавали по цене кредитора, а не по колеблющейся рыночной, характерной для этого времени года. Дело часто сводилось к тому, что должник оставался чуть-чуть должен, либо он отдавал весь долг, но был не в состоянии взять товар на следующий сезон. Поэтому возникала необходимость в очередном кредитовании. В случае несвоевременного погашения долга на остаточную сумму начислялся высокий процент. При этом человек, не рассчитавшийся с продавцом, не имел права торговать с другими.

Хотя подобные сделки и заключались словесно, тунгусы, как правило, отличались честностью и старались заплатить. Такое отношение исходит из норм обычного права. «...Долговые обязательства выплачиваются добросовестно, если есть возможность их выполнить...»¹¹⁴; «...Если кто-то взял в долг и назначил время платежа, то сдержит свое слово непоколебимо твердо...»¹¹⁵ Выплата долга не всегда происходила в местах торговли. Порой, по взаимной договоренности, могли назначить место и дату, удобную для обеих сторон. «...Он за три дня должен явиться в условленное место, и если купец замедлит, то вешает шкуры на дерево и зарубает на нем метку, а потом уходит на промыслы...»¹¹⁶ Подобное отношение к долгам поддерживалось религиозными верованиями,

¹¹³ Дидешкалиани К. Н. Описание части Амурской области между реками Буреей и Амгуньей // Сб. географического и статистического материала по Азии. — СПб., 1888. — Вып. 32. — С. 280–281. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири в XIX – начале XX в. — М., Л., 1954. — С. 125.

¹¹⁴ Шестин С. Указ. соч. — Т. 4. — Вып. 3. — С. 76.

¹¹⁵ Известия о занятиях Сибирской экспедиции. — Ч. 12. — Кн. 4. — С. 111

Донесение начальника Вилюйской экспедиции кандидата Маака // Вестник И. РГО — СПб. 1855. — Ч. 13. — Кн. 2 — С. 122.

считалось, что если вовремя не отдать долг, то на детей и родителей будут обрушиваться несчастья. Возможно это касалось не только долгов, но и любого обмана в договорах. ...Подделка шкур под более высокие сорта промышленниками практикуется очень редко. Это дело главным образом скупщиков...»¹¹⁷

Но для того чтобы быть до конца объективным, нужно заметить, конечно же, эвенки понимали, что их обманывают. Поэтому в конце XIX века, хотя и редко, стали появляться случаи, когда эвенки набирали у торговцев товары на суммы, которые точно не могли отдать, а также скрываться и торговать на других ярмарках, порой не внося ясака. Такие ситуации возникли не потому что изменилось обычное право, а скорее вследствие того, что коренное население явно оставляли без средств к существованию и, чтобы выжить, люди шли на обман. Подобных случаев, однако, не было во взаимоотношениях внутри эвенкийских групп. Со временем появились и долговые записи. «...Также свято тунгус хранит свои долговые обязательства; он бережно хранит бумажки, на которых записаны его долги или долги его отца и деда, и никогда не отказывается их платить...»¹¹⁸.

Таким образом, к концу XIX — началу XX века среда торговцев состояла из двух типов:

1. «Тунгусники»-продавцы, доставляющие товар в тайгу и на ярмарки, торгующие напрямую либо через посредников (торговали всеми продуктами).

2. «Зимовщики» — содержатели зимних «магазинов» на путях многочисленных кочевков либо дорог, соединяющих прииски с административными центрами (основное место в торговле занимали спиртные напитки, обмениваемые на пушнину). «...Некоторые берутся за перевозку на оленях груза в глухие части тайги... заводят для приезжающих в этих местах постоянные дворы, с продажей сена и кое-каких припасов...»¹¹⁹.

Данное положение вещей не могло не вызвать обеспокоенность властей. Поэтому 20 июля 1748 года появился манифест «О нечинениях на инородцев и новокрещенных никаких долговых писем». Стремительное развитие экономических отношений изменило обычное право. Сложилось юридическое понятие о долговых обязательствах и договорах. Основными положениями манифеста были: ограждение от закупа-

¹¹⁷ Стефанович Я. В. Река Чуя // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1899. — Т. 30. — № 1–2. — С. 163.

¹¹⁸ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31 Ч. 1 — Вып. 2. — С. 271

¹¹⁹ Патканов С. К. Там же. — С. 66.

ления инородцев со стороны торговцев, а также предоставление гарантий по исполнению обязательств аборигенов. Это достигалось установлением требования, при котором при заключении договора требовалось обязательное засвидетельствование со стороны старшины.

С договором о долговом обязательстве было тесно связано и возникновение договора предварительного залога, который гарантировал выполнение условий долгового обязательства. Указ о вольной торговле соболями и другими «заповедными товарами» стимулировал появление договора купли-продажи, заключаемого между русскими и коренными жителями Севера.

Как уже упоминалось выше, обмен требовал массовых перевозок большого количества товара на дальние расстояния, что обусловило появление договора-подряда. ...Из Охотска кладь вывозится на собаках, но уже на первой станции она перегружается на оленей, с которыми следуют возчики тунгусы: эти возчики препровождают кладь до станции Уланых... На Уланых происходит вторичная перегрузка товаров; возчики — тунгусы или квитанции ¹²⁰ — немедленно возвращаются восвояси...» ¹²¹. Необходимо заметить, имеющиеся обрывочные данные позволяют с большой долей вероятности предположить, что подобные договорные отношения у эвенков существовали достаточно давно в той или иной форме.

Что касается денежной единицы, то первоначально ее заменяла пушнина, потом в оборот вошли деньги. Однако не совсем понятен вопрос: являлся ли олень объектом купли-продажи или денежной единицей? В источниках и литературе присутствуют противоположные мнения. Отношение к оленю было различным у разных групп эвенкийского населения, но всегда оно выражало важность и необходимость этого животного в жизни эвенков. «...Так как число наших оленей для такого продолжительного пути было весьма ограниченным, да и вообще этих животных чрезвычайно трудно приобретать от тунгусов, то я принужден был везти на них только припасы...» ¹²².

Можно проследить характерную черту — крайнее нежелание продавать оленя присуще малооленным эвенкам с «эвенкийским» типом хозяйствования и наоборот — продажа оленей была частым явлением

¹²⁰ Платить ясак можно было и квитанцией, в которой Вилюйский комиссар заверял о платеже старосты рода определенной суммы. Введенное платежное средство было obviously выгодно, так как за крещеного делалась скидка в размере 1 руб. 49 коп.

¹²¹ Майнов И. И. Указ. соч. — № 2. — С. 23.

¹²² Донесение начальника Вилюйской экспедиции кандидата Маака. — Ч. 13. — Кн. 2. — С. 27

у многооленных эвенков с «орочонским» типом хозяйствования. Возможно, исследователи не совсем правильно определяют понятия «продажа», «мена», «подарок» и «отдарок», и у похожих с виду сделок в понимании эвенков была различная суть. Очевидно, расширение архивных источников и специальные исследования помогут в недалеком будущем дать ответ на поставленный вопрос.

Что касается найма, то договор имел форму совместного выпаса оленей (умундэ эндэрэ). В научной литературе сложилось мнение, что это была форма совместного выпаса и вознаграждение она не предусматривает. Тем не менее анализ источников и документов позволяет предположить, что это было не совсем так. «...Чаще всего они это достигают тем, что поступают в батраки к своим более богатым сородичам..., выговаривая за пастьбу оленьего стада известное количество живых оленей...»¹²³. Дело заключается в том, что обычаи регулировали определенное количество оленей в качестве оплаты труда пастуха. Эвенки не всегда это уточняли, так как считали такую оплату вполне обычным делом.

Когда же в вопросах найма фигурировала сторона, принадлежащая другой этнической группе или народу, то условия тщательно оговаривались, потому что обычно-правовые системы или законы работодателя могли предусматривать разные условия. «...Получая вместо платы за лето двух и за зиму трех живых оленей...» <сделки с чукчами>; «...нанимается в работники к богачу и пасет его стадо на особых маховищах. Содержанием работник пользуется от хозяина и за летний период получает вместо жалования двух оленей, что считается равным... 20 рублям; а за зимний период... три оленя...»¹²⁴ (Якутская группа).

Помимо такого вознаграждения работник получал еще и питание. Он мог резать любое количество оленей для угощения своих гостей с согласия либо без согласия хозяина. Животные могли использоваться только для собственных нужд пастуха, поэтому оленей нельзя было продавать, обменивать и т. д. А также ему оставались все шкуры съеденных животных. «...Может резать <оленей> на пищу и на угощение для своих гостей сколько пожелает, но не смеет их продавать. Так же шкуры съеденных оленей идут в пользу пастуха...»¹²⁵ С русскими казаками оплата труда исходила из общего количества животных либо была фиксированной за год¹²⁶.

¹²³ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31 Ч. 1. — Вып. 2 — С. 66–67

¹²⁴ Патканов С. К. Там же. — С. 146, 245.

Патканов С. К. Там же. — С. 240.

Патканов С. К. Там же — С. 136–137

Чаще всего причинами найма служило либо отсутствие оленей (болезни животных, война, крайне небольшое количество и т. д.), либо, как это было в XIX веке в связи с активным вытеснением эвенков с родовых земель, неимение земель под пастбища. По этой причине зачастую богатый оленевод не только числился пастухом и пас совместное стадо, но и сам приплачивал работодателю за право пользования землей для своего стада (тунгусы Онгонцовской и Кужертаевской управы). Несмотря на то что работник и работодатель имели неравноценную по объему собственность, имущественная дифференциация в то время еще не так сильно проникла во взаимоотношения людей. Поэтому были нередки браки бедного и богатого не только между эвенками, но и у представителей других народов. Во взаимоотношениях с якутами существовало правило: продукты покупать только у них, в случаях когда эвенки в холодные зимы приезжали с подарками и жили подолгу.

С течением времени стали появляться новые формы найма. Например, известно, что ленские эвенки, ведущие полуоседлый образ жизни, в течение года снабжали русских под сенокос мясом, за что те косили сено как для себя, так попутно и для них. Кроме того, по окончании сенокоса русские получали за свой труд еще и кожаные, и меховые изделия. «...Русский работать умеет — тунгус промышлять умеет...» — говорили исследователю Б. Э. Петри эвенки¹²⁷

Были случаи, когда русские нанимались к эвенкам и наоборот. Зачастую это было взаимовыгодно. Так, например, русские вносили «ужны» в пушную артель, т. е. полностью обеспечивали боеприпасами, что зачитывалось как половина стоимости добытой пушны, которую при дележе и отдавали. А бывало, эвенки нанимались к русским, когда теряли своих оленей. «...Они нанимаются у русских промышлять в тайге. Русский дает порох, свинец, а тунгус, что убьет, приносит русскому...»¹²⁸.

Существовал и так называемый скрытый найм, когда ясачный усыновлял работников, которые помимо оплаты получали еще и питание. Это не противоречило обычному праву. К усыновлению прибегали для того, чтобы не платить работнику очень много, что и вызывало раздражение властей. Например, губернатор Саймонов велел расследовать, почему некоторые тунгусы «...усыновляют ясачных и во услугах и в пастухах и в прочих работах у себя содержат... и потом за работу

¹²⁷ Петри Б. Э. Указ. соч. — С. 75.

¹²⁸ Григоровский Г. Поездка на Верхнюю Ангара // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1890. — Т. 21. — № 2. — С. 12.

необыкновенно малую цену платят... Данный способ найма был самым распространенным.

Первоначально нанимали только родственников, например, тунгусы Сафронов и Куваченок имели двух работников, являющихся им родственниками. Потом стали усыновлять, затем нанимали уже не родственников, а впоследствии даже передавали рабочую силу за плату. Н. Ковязин в начале XX века наблюдал ситуацию, когда по предписанию Байкитского РИКа (Эвенкия) разбирался вопрос об изъятии за побори у кулака Сафронова батрачки, и тот, дабы этого избежать, предложил ее за определенную плату шаману Гильдыеву¹³⁰ Данный подход не нарушал обычного права, и поэтому председатель Революционного комитета поддержал Сафронова, что и вызвало порицание русских партийных работников.

Аренда средств производства отмечается только у эвенков Забайкалья, Байкала и бассейна Подкаменной Тунгуски. Некоторые ученые считают, что подобный договор не был как таковой арендой, а являлся одной из форм взаимопомощи. «...У богатых тунгусов до 100 оленей, так как они отдают их в картом бедным...»; «...так что оба упомянутых хозяина отдают ежегодно внаймы бедным тунгусам... 1 или 2 лошадей...»¹³¹

Аренда земель встречается только в сделках с русскими и оседлыми якутами. Это связано с тем, что если эвенк не получал разрешения хозяина на ее освоение, то он мог откочевать в другое место, так как свободных земель было много. Русские же, проживающие в основной своей массе оседло, как правило, такой возможности не имели, либо земля их чем-то не устраивала. Часть подобных договоров заключалась на ежегодных пушных ярмарках¹³². Для заключения подобного договора требовалось разрешение, но не отдельного человека или семейства, а всего рода. Плата вносилась, собственно, не за землю, а за разрешение, например, построить жилое или торговое помещение, что было своего рода переуступкой. Господствовало представление, что земля ничья, но на ней есть временный пользователь и ему можно доставить этим некоторые неудобства.

Это касалось также и промысловых угодий. Так, в 1794—1795 годах были зафиксированы три подобные сделки: князь тунгус Мазуда Кызы-

¹²⁹ Шерстобоев В. Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 603.

¹³⁰ Ковязин Н. Указ. соч. — № 7—8. — С. 131

¹³¹ Врач Кириллов. Указ. соч. — Т. 17 — № 1—2. — С. 25; Радде Г. Письмо с Дауро-монгольской границы Забайкалья // Вестник И РГО. — СПб. 1858. — Ч. 21. — Кн. 1—4. — Отд. 5. — С. 128.

¹³² Туголуков В. А. Витимо-Олек.

Т. 78. — С. 72.

гыгин отдал киренскому мещанину Пономареву на три года «...свои звероловные урочища по р. Чае за 15 руб. в год»; старшина одного из родов сдал тому же мещанину «...три реки...» за 10 руб. на три года. еще один тунгус дал другому мещанину письмо «...в продаже моего урочища...» в вершине р. Черепанихе на 10 лет за 10 руб., из которых 5 руб. были получены сразу, а остальные вносились «погодно»¹³³ Подобные отношения были характерны не только для звероловных, но и для рыболовных территорий. «...Вдоль Байкала от Ангары до св. Носа живут “приморские” тунгусы Шамагирского рода, так же отдающие в аренду некоторые рыболовные статьи, например, р. Сосновку — 1100 руб. в год и Шивиркуй — 500 рублей в год...»

С течением времени у части эвенков права арендодателей стали передаваться инородным управам. Но это не было изменением обычного права под влиянием государственного, потому что у этих групп административные единицы состояли полностью, либо почти полностью, из одного рода. Другой причиной было отсутствие орудий труда для промышленной добычи, а части угодий хватало для удовлетворения собственных нужд. «...Озеро Баунт... находится в пользовании тунгусов; местное инородное управление сдает это озеро с некоторыми другими в аренду... что же касается самих тунгусов, то у них нет ни неводо́в, ни сетей...»¹³⁴.

В договорах земельной аренды XIX века с якутами существует некоторая неразбериха. Поэтому необходимо вкратце осветить предысторию вопроса. Дело в том, что якуты стали осваивать промысловые угодья позже эвенков, но их мобильность, многочисленность и участие в управлении инородными управami и управлениями позволили им достаточно быстро потеснить эвенкийское население с обжитых мест. В результате чего власти стали признавать их основными пользователями земель по праву постоянного освоения. В конечном итоге эвенки были вынуждены арендовать прежде принадлежащие им территории на условиях пришлого населения.

Появились письменные договоры на крайне невыгодных для эвенков условиях, которые принимались последними ввиду незнания тонкостей юридических законов. Так, И. И. Майнов в 1832 году приводит случай, когда крещеный эвенк Павел Мартынов договорился арендовать у якута три лесных участка на 20 лет с обязательством провести в

¹³³ Шерстобоев В. Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 605.

¹³⁴ Крюков Н. А. Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае // Записки Приамурского отд. И. РГО. — СПб. 1894. — Т. 1 — Вып. 1. — С. 34.

них расчистку и платить по 20 копеек в год с каждого пуда земли¹³⁵. Но в расписке не указывались сроки аренды и размер оплаты, а обозначался задаток в 50 рублей наличными при сохранении права на неотвизированный отказ арендатору и компенсации только излишне перетбранных земель.

В это же самое время известны случаи и субаренды. Так, якут Иван Идельгин, староста 1-го Нюрельтейского наслега, предъявил иск против тунгусов за то, что они сдали в аренду 12 речек и примыкающие к ним лесные пространства русским. Он потребовал возмещения убытков в размере 1260 рублей, основываясь на давности пользования спорными участками. На что эвенкийский староста, в письменном виде, отвечал, что якутский род осваивал данную территорию без их согласия, но обещал удовлетворить истца доходами от других еще имеющихся 100 речек.

Скорее всего, тунгусы пошли на уступку, ввиду того что до этого в 1821 году те же самые роды, в лице князьцов Платона Корнилова и Василия Малышева, уже подавали иски комиссару Миллеру. Комиссар в свою очередь предложил Иркутскому Правительству: «...крестьянам и разного рода людям...» арендовать места непосредственно у тунгусов «...а покупали бы, когда оные будут проданы с общего согласия тунгусов и якутов,... и то с за свидетельствованием местного начальства и со взятием в казну установленных пошлин...»; «...А ежели кто... отважится... купить звероловные места, помимо якутов, то тем письмам веры не давать,... чтобы они <якуты> всегда могли тем изыскивать достаток... т. е. юридически признать якутов и эвенков равноправными пользователями.

Правда, на это правительство не пошло, но возникает вопрос: зачем основные пользователи платили с человека 10 рублей в год людям, не имеющим отношения к их земле? (1821, 1835, 1854) Когда же наконец эвенки Якутии стали добиваться и добились признания своего права безвозмездного владения землями, якуты тут же обложили соседний род арендной платой (картомью) сначала в размере 3 рублей, а потом 15 в год¹³⁶.

Очевидно, ответ заключается в том, что, во-первых, вошли в противоречие две обычно-правовые системы. Эвенки оставляли на временно оставленных стойбищах свои знаки, обозначающие, что это территория занята, пользоваться ею можно было только по разрешению, но другой

¹³⁵ Пуд земли — земельное измерение площади (100 сажень). Чаще всего в форме четырехугольника, в котором стороны равны 25 сажням.

¹³⁶ Майнов И. И. Указ. соч. — № 2. С. 28–29, 31–32, 173.

народ этого не знал. Во-вторых, земельные отношения на данном этапе у них оставались традиционными, а у якутов уже подверглись трансформации в сторону общегосударственного права. Поэтому эвенки понимали такие договоры несколько иначе. Возможно, когда они были на позициях арендодателя, то это понималось как компенсация неудобств за разрешение пользования (с точки зрения обычного права), когда в роли арендатора — как компенсация за мирное сосуществование на чужой земле. Поэтому появились спорные территории, как следствие полного непонимания эвенками чуждых им отношений.

Примерно так же развивались отношения и у байкальской группы с пришедшими бурятами. В отличие от Якутской группы, где конфликты продолжались вплоть до советского времени, в 1882 году на Байкале был заключен договор, по которому эвенков признали равными в своих правах с бурятами¹³⁷. Что касается ситуаций, когда тунгусы сами выступали в роли пришлого населения, как, например, на Сахалине, то там заключался словесный договор, поскольку местное население выделило эвенкам часть земель без каких-либо конфликтов. «...Районы внутренних частей острова, которые они все время посещают... отчасти зависят от условий, которые они заключают с местными жителями...»; «...Чтобы сохранить за собой свои ближайшие и наиболее важные места, эти последние заключили с тунгусами словесное условие, в силу которого пришельцы имеют право ловить зверя по правым притокам... левые же, находящиеся к ее устью, отданы в их полное распоряжение...»¹³⁸.

Договоренность, впрочем, не мешала нарушениям со стороны эвенков так же, как нарушали подобные договоры с эвенками буряты и якуты. Договоры пользования землей не были постоянными и в течение времени часто пересматривались более слабой стороной. «...Путем сделок с местными сельскими общинами, они <эвенки> с 1890 года приобрели право спускаться далее на юг...»¹³⁹

Помимо различий и особенностей договоров у различных групп эвенков можно провести разграничение по степени их активности или предприимчивости. Так, к первой группе относились почти все бродячие эвенки. Особенность заключалась в том, что эта группа вступала в договорные отношения только по мере необходимости.

Вторую группу составляли все оседлые эвенки и эвенки Байкала и Забайкалья, которые достаточно интенсивно развивали отношения и

¹³⁷ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 24.

¹³⁸ Патканов С. К. Там же. — С. 32, 42.

¹³⁹ Патканов С. К. Там же. — С. 32.

применяли договоры. ...Они сбывают заготовленное сено, часть которого продают на прииски... Но судя по данным переписки, главнейшая часть тунгусов (40% коренных жителей Олекменского округа) кормится за счет рабочих на приисках... главное значение имеет чернорабочий труд (30–53%); извоз, звероловство и лесопромышленность играют незначительную роль...»¹⁴⁰

К третьей группе относились эвенки Монголии и Китая, у которых, в силу исторических и географических причин, подобные отношения были развиты настолько, что у путешественников складывалось впечатление об их неразборчивости в получении прибыли и непорядочности. «...Так с путешественников, оставшихся без пищи, они запрашивают 5 рублей за барана, при рыночной 2,50 р.; ...чтобы вытащить ее <телегу> из воды на берег, тунгус взял 1 рубль. За починку колес от этой же телеги взял три рубля...»¹⁴¹

Можно сделать вывод, что, несмотря на внешнее проявление отношений, обычное право эвенков не выработало норм, касающихся земельных договоров, но это могло произойти, так как земля ничья. Поэтому даже во времена советской власти еще долго сохранялось мнение, что на земле не существует пользователя больше того времени, пока он ею пользуется. В изучаемый период под воздействием интенсивного развития товарно-денежных отношений, стимулируемых государственным правом России и пришлого населения, договорные отношения эвенков приобрели определенную форму и правовое содержание, что стало качественно новым явлением в жизни населения, привело к усовершенствованию договорных отношений и усилению их влияния на хозяйственную жизнь.

2.6. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Земельные отношения у эвенков до сих пор остаются одной из самых неизученных областей обычного права. Хотя русские исследователи неоднократно отмечали, что у народа есть некие границы земель, а также постоянные места кочевков. Одним из первых это наблюдение делает ученый К. М. Рычков, который замечает, что перекочевки енисейских тунгусов остаются неизменными с XVII века¹⁴². А также исследователь Н. Ф. Крюков в отчете производственных работ пишет:

¹⁴⁰ Патканов С. К. Там же. С. 245–246.

¹⁴¹ Шестин С. Указ. соч. — Т. 4 Вып. 3. С. 76.

¹⁴² Рычков К. М. Указ. соч. Кн. 1–2. С. 3–4.

...Находясь в экономической зависимости от прииска, подолгу живут на одном месте в своих конусообразных юртах, перекочевки их невелики, и они придерживаются своего прииска...» (Тунгокоченская и баунтовская группы)¹⁴³ Сами же тунгусы давали такое объяснение: ...чтобы кто другой не наткнулся на стрелы...» (расставленные пользователем территории)¹⁴⁴.

Дореволюционные исследователи давали землям вольные названия различных категорий — «заимщи», «ухожья», «покати», «дачи», «соболиные речки», «боа», «пади», «выселки», «булуки» и т. д. Зачастую разные термины относились к одной и той же территории, а часть других вообще никак не обозначалась.

Для человека, живущего в суровых климатических условиях, хозяйство было основным фактором при формировании обычного права. Исходя из этого, земельные юридические обычаи оседлых и бродячих эвенков были непохожи. Так, у оседлых эвенков социально-экономические отношения развиваются несколько интенсивнее, нежели у бродячих. Поэтому исследование отношений землепользования следует разделить на две части. Необходимо заметить, несмотря на то что обычное право у тех и других весьма различно, оно имело и общие черты. Одна из них состояла в том, что у всех эвенкийских групп, несмотря на разность хозяйствования, разбросанность и оторванность друг от друга, никогда не было землевладения, а существовало лишь землепользование. Данная установка исходила из того, что земля, по представлениям эвенков, не могла быть чьей-то личной собственностью, поскольку принадлежала высшему духу — Буга (одинаковый термин «дух», «место», «территория», «мир»)¹⁴⁵

2.6.1. Земельные отношения кочующих эвенков

В настоящее время вопрос землепользования эвенков остается открытым. Поэтому не существует как таковой системы разделения земель по правовому статусу. Единственное разделение по временному характеру предлагается А. А. Сириной¹⁴⁶.

¹⁴³ *Туголуков В. А.* Витимо-Олекменские эвенки. — Т. 78. — С. 75; *Мухеев В. С.* Традиционные области природопользования эвенков: обоснование территорий природопользования Читинской области. — Новосибирск, 1995.

¹⁴⁴ *Майнов И. И.* Указ. соч. — № 2. — С. 179.

¹⁴⁵ *Shirokogorof S. M.* Social Organization of the Northern Tungus. — Shanghai. China, 1929. — P. 294.; *Майнов И. И.* Там же. — С. 79.

¹⁴⁶ *Сирина А. А.* Указ. соч. — С. 68.

1. Постоянные земли;
2. Временные земли;
3. Случайные земли.

Мы предлагаем иное деление, так как действовавшие земельные отношения были более сложными, хотя временной характер действия здесь присутствует. Поэтому мы предлагаем новое деление с учетом регулирования территориальных отношений. В большинстве случаев у народов, ведущих кочевой образ жизни, понятие о территории весьма неопределенно, но это не означает, что эвенки кочевали и добывали средства пропитания там, где им это было удобнее. Освоенные территории, хотя и не имели точного определения, но примерные границы все же признавались при условии постоянного освоения. Таковыми границами служили речки, овраги, скалы, горы и т. д. Устраивались также завалы в удобных для этого местах. Подобные сооружения, помимо того, что выполняли хозяйственные функции, служили и границами одного или нескольких хозяйств. Границы были не постоянны и не имели широкого распространения, так как принадлежали наиболее обеспеченным эвенкам, имевшим значительные стада оленей: «...тунгусы Оймяконской дороги делают в ущельях завалы и загораживают моховища для 100 оленей приблизительно на 100 верст...»¹⁴⁷

Таким образом, промыслово-охотничьи участки делились на «отдельные дачи» с правом владения рода или одной или нескольких семей, а не с правом собственности. Специфическая особенность землепользования у охотников и собирателей состояла в коллективном и временном владении территорией, пространственные границы которой отличались некоторой размытостью¹⁴⁸. Несмотря на это, право пользования, использования и получения земель было строго регламентировано обычным правом. Исходя из этого, можно выделить пять категорий земель:

1. Временно-безусловные участки земли;
2. Земли, не подлежащие использованию;
3. Земли, эксплуатация которых подлежит обязательному санкционированию со стороны высшего органа рода (переделы);
4. Свободные или освободившиеся земли;
5. Временно-отчужденные земли.

¹⁴⁷ Патканов С. К. Указ. соч. — Т. 31. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 239.

¹⁴⁸ Шнирельман В. В. От единства к многообразию: смена парадигм в изучении охотников, рыболовов и собирателей (По материалам международной конференции) // Советская этнография. — 1990. — № 6. — С. 140.

Такое земельное разделение в той или иной мере характерно для всех групп эвенкийского населения. Единственным исключением из правил была охотская группа, у которой отсутствуют границы рода, а тем более семьи.

Временно-безусловными землями считался участок земли, на котором в данный момент стояло стойбище. Безусловность заключалась в том, что таким участком земли можно было временно пользоваться по своему усмотрению, ни с кем при этом не договариваясь и никого не оповещая. Но безусловность была ограничена территориально. В связи с тем что кочевое хозяйство достаточно подвижно, существующие границы были весьма условны и не имели четкой симметрии, а зависели от ландшафта. Исключением из правил было несколько групп, у которых существовало точное определение границ. Об этом свидетельствуют многочисленные войны, причиной возникновения которых было нарушение границ (илимпейская группа).

Иногда люди останавливались на территории, которой пользовались другие роды. Например, для того чтобы сократить путь или если они сами того не зная оказывались на чужой территории, они в рамках стойбища временно пользовались природными ресурсами. Данные факты, а также то обстоятельство, что роды стали распадаться, ввели в заблуждение некоторых исследователей, которые посчитали, что нет четких границ охотничьих территорий (Б. Э. Петри; В. А. Туголуков и др.). На самом деле таковые границы хотя и условные, но были. Земля, при особых условиях, на которой останавливались во время перекочевков, временно обладала особым статусом, если она находилась на чужой территории.

Не подлежали использованию территории и соответственно земли из-за каких-то культовых соображений или в связи с особыми событиями. Например, после падения Тунгусского метеорита территория современного Тунгусско-Чунского района Эвенкии, некогда широко заселенная эвенками, обезлюдела. Впоследствии кочевники старательно обходили данный район. По прошествии времени религиозные установления забылись, но осталось убеждение о невозможности эксплуатации данного района. Поэтому на вопросы первых исследователей, почему никто не ходит охотиться, рыбачить или пасти оленей на отдельных землях, эвенки не могли ответить, но все же такие места никогда не посещали, утверждая, что боятся испортить «здоровье родо-вичей».

У части групп установление табу на использование территории означало переход в область обычного права, выделилась особая категория земли, которая не использовалась, но считалась в постоянном

пользовании конкретного рода. Таковыми являлись места, в которых находилась могила шамана. Подобные территории сохранились вплоть до сегодняшнего времени, причем соблюдается это табу не только эвенками, но и охотниками других национальностей.

Допускалось наследование и переделывание земель на основе коллективных соглашений: ...Каждая семья хорошего тунгуса-промышленника заинтересована в сохранении за ней и ее детьми своего угодья...» — отмечал исследователь Суслов¹⁴⁹ Поэтому сложилась особая система землепользования, которая отличалась значительной устойчивостью, при которой пастбища, маршруты кочевания закреплялись в длительное пользование на основе обычного права. Создание подобной системы было обусловлено тем, что позволяло в экстремальных ситуациях отдавать и забирать коллективным решением часть земель.

Как правило, передел земель происходил на Суглане раз в год. Если не было чрезвычайных ситуаций, то право пользования подтверждалось при условии постоянного освоения. Территория же считалась занятой, если на покинутых стойбищах оставались какие-либо вещи, имелись специальные знаки, метки или были установлены ловушки. Земля считалась занятой и не могла быть использована другими без согласия пользователя, т. е. территория признавалась в пользовании не исконным правом или традицией, а по праву освоения. Санкция рода была необходима семье, которая собиралась наследовать землю (звероловные места и соболиные речки).

Подобного передела не было в районах, отличающихся богатством природы, их угодья переходили по праву захвата на охотничий сезон (например, в районе проживания самагиров)¹⁵⁰ Исключение составляет часть родов, проживающих в Якутии, которые объясняли отсутствие у них передела тем, что могут быть злоупотребления со стороны более богатых эвенков.

2.6.2. Свободные и освободившиеся земли

Территории проживания эвенков в изучаемый период были достаточно обширны и малонаселенны. Поэтому основным способом приобретения земель было освоение никем не занятых. Земля отходила пользователю по праву первооткрывателя, об этом свидетельствовали установленные им «плашки» или метки.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. р. 538. Оп. 1. Ед. хр. 74. Материалы по научному обследованию северных окраин и общего характера

¹⁵⁰ *Солярский В. В.* Указ. — С. 41

Можно было занимать и освободившиеся земли, если предшественники ушли на другую территорию или умерли от эпидемии. ...Достался муринским тунгусам <в смысле земля>, после того как нотайские тунгусы вымерли. Теперь, в свою очередь, в связи с уменьшением муринцев этот угол ими не осваивается и его постепенно занимают новылейские тунгусы... Они <туркинцы> тоже претендуют на свое право, на эти уголья и фактически там промышляют...»¹⁵¹

Временно-отчужденные земли — это территории, в основном хребты, на которых охотился местный род, но его права могли ограничиваться в весенний период зимней охоты, т. е. в период охоты с помощью ловушек. Во все остальное время местные люди могли охотиться там, где было им удобнее. «...Раньше Ленские тунгусы с Чанчура и Дудовки приходили промышлять в Тутурское место <район>... Теперь Тутурские ходят промышлять на Лену и Киренгу — запрета нет... наш закон — где плашки поставил, там его земля...»¹⁵² В противном случае, если ловушки не оставляли на следующий год, потеря права пользования происходило с момента окончания охоты. Подобные ситуации совершались тогда, когда на территории своего рода охотничьи места были заняты, либо чем-то не устраивали охотника. Таким образом, временно часть земель одного стойбища могла отойти другому, на что, правда, требовалось разрешение эвенков, фактически пользующихся угольями.

Помимо прямого указания, подтверждением этому служат и косвенные факты. Скажем, у нерчинских эвенков — «...заранее назначают для промыслов главное место, скрывая это от других, чтобы они не могли предупредить и прийти прежде перестрелять белку...»¹⁵³. В связи с тем что такая территория временно отходила другой группе, были разработаны и имущественные правоотношения. Так, без разрешения нельзя было весной охотиться на занятой территории не только с ловушками, но с и ружьем, а за каждую, например, убитую белку полагалось отдать 20 шкурок. По объяснению тунгусов, каждая самка белки, «женка», привлекает к себе самцов «мужичков» из других хребтов.

Фактически, пользователи могли вернуть себе право, если только уголье было занято наполовину, и с обязательного разрешения нового хозяина. Территория могла считаться занятой до следующей весны, но только при наличии нахождения на ней ловушек. Соответственно она

¹⁵¹ *Петри Б. Э.* Указ. соч. — С. 70.

¹⁵² *Петри Б. Э.* Там же. — С. 73.

¹⁵³ Путешествие по долине реки Нерчи поручика Усольцева. — Ч. 20. — Кн. 6. — Отд. 2. — С. 105.

могла наследоваться по мужской линии от отца к сыну и т. д. В том случае если у отца было несколько сыновей, то территория отходила младшему, а старший отправлялся искать новые земли. Необходимо подчеркнуть, что право наследственного пользования, при наличии ловушек, возникало только весной, во все другое время на этой территории могли промысливать все желающие члены рода фактического пользователя. Со временем такими территориями стали считаться не только места добычи пушного зверя, но и места охоты на лося (катангская, подкаменно-тунгусская и забайкальская группы).

Что касается рыбных угодий, то к концу XIX века существовавшие обычаи пользования ими были распространены в большей степени, чем в области охоты. Места рыбалок становились традиционно постоянными, что закреплялось по праву постоянного освоения. Известны случаи, когда такими пользователями становилось не только коренное население, но и пришлое. Например, казаки, хотя и жившие по рекам Инготы и Шилки, считались пользователями р. Нюкж и р. Балыктах так как добывали рыбу там постоянно. Интересно и то, что эти же права они делили и с тунгусами Урульгинского ведомства, которые так же не проживали в местах лова.

Хозяйственные циклы людей, ведущих кочевой или полuosедлый образ жизни предполагали, что освоение земель и присутствие людей на территориях подвластно временам года. Поэтому, в зависимости от промыслов, люди могли находиться в разное время на различных территориях. Земли считаются занятыми, если на них есть знаки, метки, оставленные орудия труда и т. д., обозначающие, что эта территория занята. Вместе с тем в источниках встречаются описания земель, на которых нет ничего подобного, но территория считается занятой. Возможно, исследователи были неточны или не понимали смысла увиденного.

Но почему тогда у последующих авторов отсутствуют какие либо упоминания об этом, и все они едины во мнении, что территория принадлежит конкретной группе? Почему это же подтверждают и сами эвенки? При этом все ссылаются на то, что эта группа там зимует, а не промысливает, как следовало бы. Таким образом, если земля принадлежит кому-либо, в то время как отсутствуют на это указания, ее использование резко снижается. Вероятно, у части групп места зимовок были постоянными и не нуждались в закреплении прав пользователя. Возможно, именно этот «пробел» в обычно правовой системе и служил причиной бесконечных войн, поскольку нарушение границ рода было одной из основных причин возникновения конфликтов. Очевидно, рас-

ширение имеющейся архивной базы, позволит ответить на поставленные вопросы и разобраться во всех тонкостях.

Появление и увеличение объема отношений, определяющих конкретного пользователя, бесспорно, было стимулировано ясачным обложением, когда постоянно требовалась пушнина. Действительно, для эвенков пушнина стала представлять большую ценность, чем до этого. Например, в XVII веке первопроходцы были шокированы тем, что у эвенков лыжи подбиты соболями. Так, еще в XVII веке рыба не была объектом купли-продажи, а уже в XIX веке ведется активная торговля, поэтому и происходит выделение рыбных угодий. ...Для ловли рыбы... известные семьи в известных местах и городясь <т. е. перегораживая Ангару> наследуют это право от своих предков...»¹⁵⁴ Право пользования рыбными угодьями, так же как охотничьими, возникает по праву постоянного освоения. Что касается разделения родовых и семейных угодий, то, вероятно, до XIX века как такового разделения не существовало, но в конце XIX и начале XX века права семьи начинают проявляться на местах пушной и рыболовной охоты.

2.6.3. Земельные отношения оседлых и полуоседлых групп эвенков

Эвенки, занимающиеся земледелием, в изучаемый период составляли небольшую часть эвенков, живущих в России. С течением времени их численность постоянно растет, и к началу века составила примерно 28%. В разных регионах их количественный состав сильно колебался (Енисейская губерния — 1,4%; Забайкальская область — 54,1% и т. д.)¹⁵⁵, но это не умаляет значимости и важности сложившихся юридических обычаев этих групп. Внешние факторы, безусловно, способствовали трансформации права и приспособлению к новым условиям, но традиция продолжает иметь важнейшее значение.

Земельные отношения у оседлых и полуоседлых групп эвенков, в связи с особым типом хозяйствования, были более развиты по сравнению с кочующими соплеменниками, но, несмотря на это, в изучаемый период институт землевладения так и не был оформлен. Поэтому отношения во многом сводились лишь к землепользованию. Исходя из этого, земли оседлых, полуоседлых и кочевых групп эвенков можно разделить на три категории:

¹⁵⁴ Григоровский Г. Указ. соч. — Т. 21. — № 2. — С. 15.

И. И. С. Земледельческая Сибирь. К вопросу о численности сельскохозяйственного населения Сибири // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1910. — Т. 41

1. Подворно-наследственные земли;
2. Земли, подлежащие ежегодному закреплению прав пользователя (переделы);
3. Неделимые земли.

Подобный тип хозяйствования устроен так, что особую ценность представляли собой территории для земледелия и животноводства, хотя пушная охота оставалась еще одним из важнейших источников дохода. Поэтому обычное право таких групп в части охотничьих участков лишь формально предусматривало разделение. По сути своей, земли родов хотя и обозначались, но не предусматривали исключительного пользования. Люди из других районов могли свободно заходить на «чужие земли», охотиться, заготавливать корм для скота, рубить дрова и т. д. В течение охотничьего сезона группе, получившей тот или иной участок, не возбранялось охотиться на территории другой.

Тохоминские тунгусы говорили так: ... Для каждой группы населения в пределах наших охотничьих угодий устанавливается охотничья площадь, но если зверя здесь недостаточно, то охотиться могут на соседней площади. Недоразумений на этой почве никаких не бывает...»¹⁵⁶. Тем не менее разногласия по земельным вопросам возникали, но только не среди эвенков, а между ними и представителями других этносов. «...Тунгусы считают окружающие леса и реки своими старинными зверопромысловыми дачами, которые якобы когда-то были предоставлены в их исключительное пользование. Многие тунгусы сообщали даже, что в старое время ни один русский не мог зайти для охоты на территорию, находящуюся в пользовании тунгуса...»¹⁵⁷ Подобное состояние земельных вопросов было обусловлено тем, что несмотря на раздел земли в целом такие части территорий относились к людям, принадлежавшим либо к одному роду (а так чаще всего и было), либо к родам, состоящим в тесных кровнородственных отношениях.

К этим территориям относились следующие земли:

1. Подворно-наследственные земли — усадьба с угодом, пашни и сенокосы. «...Лучшая обеспеченность угодий, находящихся в оседлых стойбищах Кичегировском и Тыркинском, самое малое — в Тутурском и Чанчури... Из числа угодий, находящихся в пользовании, наибольшее значение имеют сенокосы. Пашни имеются у одних тыркинцев...»¹⁵⁸.

2. Земли от ежегодных переделов. Появление такого вида земель достаточно интересно, так как ежегодное закрепление земель, несом-

¹⁵⁶ Ковязин Н. Указ. соч. — № 7–8. — С. 137

Копылов И. П. Указ. соч. — С. 25.

¹⁵⁸ Копылов И. П. Там же. — С. 25.

ненно, идет из юридических обычаев более позднего периода, но при этом за основную единицу разверстания берется одна взрослая (охотничья) душа. По сути, таким образом выделяются права семьи на землю. У других групп, например нерчинской, количество засеиваемых земель определялось не по численности членов семьи, а по числу имеющихся лошадей (обычно от 2 до 10 десятин)¹⁵⁹ Впрочем, на одной небольшой территории могли находиться и подворно-наследственные, и делимые земли, как это было на Кичегировском, Тутурском стойбищах в Дудовке и Чанчуре.

3. Неделимые земли расчистки — таковыми являлись отдельные сенокосы — выделялись как индивидуальные. Подобные земли были, как правило, разбросаны небольшими кусочками в разных местах. Если говорить о поселениях, в которых наряду с эвенками проживали представители других народов, то похожие селения представляли собой нечто подобное колониям аборигенов. Данные поселения характерны для эвенков, переходящих к оседлости, либо ведущих полуседлый образ жизни. Селения оседлой группы не были разделены на отдельные районы, в которых проживали люди преимущественно одной национальности. А постройки и хозяйства были равно распространены по всей площади.

Анализ источников и специальной научной литературы позволяет предположить, что состояние традиционных отношений было оправданно сложившимися условиями. Таким образом, когда появились первые переселенцы, взаимоотношения строились на основе сложившихся веками традиций и обычаев, а когда их число стало подавляющим, то главенствующее положение стали занимать государственное право и обычаи пришлого населения. Логика земельных отношений у эвенков в XVII—XX веках была нарушена. Вот почему этот период отмечен процессом вытеснения эвенков с обжитых территорий и появлением отношений, которые совершенно не были понятны северянам. Существующая власть пыталась юридическим путем оградить коренное население от притеснений. Примером тому служит Указ Екатерины II в 1779 году, подтверждающий права тунгусов на землю. ...Речки Курлыч, Куенгу и Олов со впадающих в оные речушками и падами отдать под кочевье ваших ясачных и под скотский выпуск, как и на перед сего оные отданы были вам, и с оных отнять со своими родами некуда не перекочевывать, и оные места из русских вперед к поселению и обзаводству домами и зимовьями отнять никому не позволять... Иногда тунгусы сами

¹⁵⁹ Путешествие по долине реки Нерчи поручика Усольцева. — Ч. 20. — Кн. 6. — Отд. 2. — С. 61–112.

добивались положительных решений в суде. В подтверждение тому — решение Олекменского Земского суда в 1800 году, по которому эвенкам Жиганского рода отводилась вся местность и левый берег р. Витим. Тем не менее все решения носили формальный характер. В результате чего к началу XX века практически во всех регионах эвенки пользовались самыми экономически невыгодными землями, что и послужило началом сокращения населения, которое продолжается и до сих пор.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что у оседлых и полuosедлых групп эвенков землепользование для целей сельского хозяйства находилось еще в зачаточном состоянии. Большое значение продолжало сохранять использование лесных и водных территорий для охотничьего промысла. Но, несмотря на это, явно виден прогресс в подобных отношениях. Первым его результатом явилось то, что фактически кровные роды данных групп в течение XIX—XX веков стали распадаться, и на одной территории проживали и занимались промыслом представители разных родов. Более того, начинали выделяться подворно-наследственные и даже индивидуальные земли. Таким образом, в изучаемый период если еще не было земельной общины в полном смысле слова, то, во всяком случае, явные зачатки таковой уже имелись. Можно сделать вывод и о том, что, несмотря на явное изменение земельных отношений, право постоянного освоения оставалось отправной точкой в определении собственника. Поэтому все предпринимаемые попытки очертить картографически земли эвенков были изначально неправильны¹⁶⁰

В более позднее время начинает оформляться тенденция к началу владения участками. В одних группах изменение обычного права происходило под влиянием пришлого русского населения. В других группах эвенков царское правительство само стало разбивать территорию на участки, чтобы оградить эвенков от вторжения новых поселенцев и не подорвать поступление ясака. У этих групп территория разбивалась не только на охотничьи, но и на рыболовные и другие угодья. У третьих — русские уже застали разделенные участки. Такие участки принадлежали конкретному роду, и никто другой не имел право вести на них промысел. Появилось понятие своего и чужого участка.

В заключение можно сделать вывод, что у эвенков в XVII — начале XX века не было землевладения, а существовало лишь землепользова-

¹⁶⁰ Сведения о результатах первой экспедиции по исследованию колонизированных земель в юго-западной части Верхо-Ленского и юго-востока Балагановского уезда Иркутской области в 1908 г. // Известия Вост. Сиб. отд. И РГО. — Иркутск, 1910. — Т. 40.

ние. Наиболее развитыми в этом смысле были отношения у оседлых и полуоседлых групп, у которых появились первые признаки земельной общины. Но таковая еще до конца не была сформирована, поэтому при переуступке приусадебного участка плата взималась только за постройки на нем, а земельный участок не оплачивался, ввиду того что земля не являлась земельной собственностью.

2.7. «ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ»

Основными причинами начала боевых действий у эвенков были:

1. Случайное убийство на промысле представителя другого рода;
2. Захват женщин во время отсутствия мужчин;
3. Недостаток и невыдача женщин;
4. Кровная месть;
5. Неудачное сватовство;
6. Агрессия (например, захват мест переправ оленей через реки на время промысла, во время угрозы голода, т. е. борьба за обладание промысловыми местами);
7. Многократное унижение одной из сторон.

Независимо от причины возникновения войны, группы, связанные кровнородственными связями, могли объединиться и вести войну совместно¹⁶¹. Союзы с другими народами происходили несколько реже. Единственной характерной чертой являлось то, что во время войны действовали другие правоотношения¹⁶².

Как правило, боевые схватки заканчивались тем, что одна из сторон отдавала победителям одну или нескольких женщин либо подростков или происходил их обмен¹⁶³. Причем если происходил обмен, то он был равноценным, что, впрочем, не мешало победителям иногда нарушать старый обычай¹⁶⁴. В этом случае судьба плененного складывалась по-разному, он мог стать членом рода победителей (при особых условиях) либо на них работать, пока родственники за него не заплатят. ...Взяли те тунгусы в полон маленка и жил яз у них в холопстве... и ныне меня,

¹⁶¹ ЦГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Ст. 235. Л. 103.

¹⁶² ЦГИА России. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 9. Л. 11, 15–16 и т. д.

¹⁶³ Бойко В. И., Кустюк В. Г. Указ. соч. — С. 200; Титов З. Д. Указ. соч. — № 1 — С. 70.

¹⁶⁴ ЦГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Ст. 235. Л. 95–96., Ермолова Н. В. Эвенки Приамурья и Сахалина. Формирование и культурно-исторические связи XVII — начала XX в. Дис... канд. ист. наук. — Л., 1984. — С. 48.

сироту вашего, достатительные мои родственники и братья родны из тех тунгусов ис полону ис холопства выкупают...»¹⁶⁵

Разумеется, не всегда войны заканчивались заключением мира. Известны случаи, когда не сдавшаяся в плен сторона подвергалась полному уничтожению мужчин, а женщин и детей увозили победители. Когда же мужчин не убивали, а уводили с собой как военнопленных, то они получали статус «введенных» представителей других родов. Подобная категория людей именовалось «ибдэри». Такой статус не был несменяемым и со временем эвенк мог благодаря своим личным заслугам и качествам получить принадлежность к роду победивших. Более того, ему могли даже вернуть его оленей при условии отработки, благодаря чему он мог снова вести самостоятельное хозяйство. Но, так или иначе, это было возможно только с принятием его в род как полноправного члена. Для этого требовалось решение всего рода. Таким образом, понятия «гражданство», «принадлежность к роду» исходили не с позиции совместного проживания на отдельной территории, а с позиции совместного хозяйствования. Очевидно, что такая позиция была характерна для многих северных народов с другой системой обычного права. Например, якуты требовали от перешедших на оседлость эвенков Якутии картонную плату за право жительства на их местах: за покосные места, пахотные земли, леса под расчистку, выпас оленей и лошадей. Дело доходило до того, что с кочевников стали брать плату, если те останавливались на Суглан в том месте, где ходят якутские табуны¹⁶⁶.

Отношения людей во время войны были неразрывно связаны с правоотношениями как внутри сообщества, так и вне его. Прослеживался демократизм, стремление к справедливости и универсализм в плане приспособления к существовавшей жизни общества.

Данная область обычаев рассматривается лишь в общем контексте, ввиду того что наиболее полная картина и нюансы требуют специального изучения исследователей.

2.8. ОБЫЧАИ ПРИРОДООХРАННОГО ХАРАКТЕРА

В современной научной литературе практически нет упоминаний об области отношений эвенкийского общества к собственной среде обитания. Несмотря на это, многие исследователи подчеркивали, что тунгусы очень осторожно и даже трепетно оберегали свою природу, прав-

ЦГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. С. 235. Л. 93.

АРАН. Ф. 47. Оп. 1. № 1098. Л. 37.

да, при этом путешественники не особо вдавались в подробности. Однако нельзя предполагать, что подобных отношений не было. Напротив, таковые существовали и источником существования была сама природа. Жизнь эвенка сильно зависела от ее состояния. Попытаемся собрать воедино крайне немногочисленный материал об обычаях природоохранного характера, ввиду его особой ценности. Во-первых, ценность этих обычаев заключается в том, что они являются самыми древними и мало изменились с приходом русскоязычного населения. Во-вторых, в связи с изменением отношений, обычное право эвенков подверглось сильнейшей деформации и сегодня существует лишь в остаточном цикле, а обычаи природоохранного действия сохраняются до сих пор и передаются не только в среде населения, занимающегося традиционным образом жизни.

В XVII — начале XX века общий смысл экологических обычаев сводился к стремлению наименьшего нанесения ущерба природе, к запрету брать из среды более того, чем это было нужно человеку, семье. Например, нельзя было добывать животных и рыб более того количества, которое человек может сохранить и доставить в стойбище. Существовали строгие сроки охоты на отдельных животных. Подобные сроки существовали и на лов рыбы, сбор дикоросов и коры. Всегда было запрещено убивать стельных важенок и молодняк, хотя и допускались некоторые отклонения в безвыходных ситуациях¹⁶⁷. Известен случай, когда в XVII веке манягры узнали о применении русскими «кулешей» (давящая ловушка), после этого отношения между ними сохранялись враждебными вплоть до конца XIX века, так как в ловушки очень часто попадался «молодняк». Помимо этого, охотские эвенки не добывали нерпу (мутаку)¹⁶⁸. Существовал запрет на загрязнение воды отбросами. Более того, эвенки амурской и охотской групп следили за состоянием рек — очищали нерестовые ямы в период хода лососевых рыб, после чего старались без необходимости не появляться в нерестовый период в тех местах¹⁶⁹. Независимо от обстоятельств стойбище должно было быть чистым, а именно: все отходы от жизнедеятельности закапывались. Отдельно складывались кости оленей, а рога и черепа животных вывешивались на ветках деревьев.

Что касается растительности, то разрешалось снимать кору именно в то время, когда это могло нанести наименьший ущерб и последствия

¹⁶⁷ Гурвич И. С. Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. — М., 1985. — С. 125.

¹⁶⁸ Ермолова Н. В. Указ. соч. — С. 150.

¹⁶⁹ Таксами Ч. М. Культурные традиции рыболовов и морских звероловов Приамурья, Сахалина и Охотского побережья // Культурные традиции народов Сибири. — Л. 1986. — С. 165.

для дерева — во время появления листвы. Находило осуждение в обществе и рубка кустов и деревьев без необходимости¹⁷⁰ Эвенки никогда, даже в случае острой необходимости, не разоряли птичьих гнезд. Не убивали и некоторых птиц, например, орла или журавля. Но, скорее всего, это уже область табуитета, а не обычного права¹⁷¹ То же самое касается и запрета на добычу волка (в мифологии он считался одним из помощников творца)¹⁷²

Как уже отмечалось, описаний природоохранных обычаев крайне мало. Но можно выделить их главную черту — разумность в использовании природных ресурсов. Основной же мерой воздействия на правонарушителей было порицание и позор, а это, как известно, было более сильным наказанием для эвенка, чем физическое воздействие. Возможно, открытие новых источников и специальные исследования помогут представить полную картину данной области права, а также помогут современному населению в нахождении общего языка с людьми, ведущими традиционный образ жизни.

¹⁷⁰ *Алексеев Е. А.* Промысловая культура коренного населения Туруханского края // Культурные традиции народов Сибири. — Л. 1986. — С. 85.

¹⁷¹ Киран (орел) хозяин всех птиц и один из главных духов-помощников.

Ермолова Н. В. Эвенки: проблема этнических различий и локальных групп // Этнос и этнические различия. — М. 1993. — С. 103.

Способы разрешения конфликтов и споров у эвенков в XVII – начале XX века

3.1. «РОДОВОЙ СУД»

В XVII – начале XX века у эвенков, наряду с туземными судами, введенными Российским правительством (инструкция Владиславича-Рагузинского 1728 года, Устав об управлении инородцами 1822 года), существовали традиционные методы разрешения конфликтных ситуаций. Данные методы в этом параграфе будут определяться как родовой суд. Нельзя с точностью утверждать, что такие мероприятия до XVII века не видоизменялись, но, очевидно, то, что увидели русские с приходом на Север и в Сибирь, у тунгусов имело многовековую историю.

В связи с широчайшим расселением эвенков по Сибири и Северу народ не был однороден в образе жизни, типах хозяйствования, соседстве и влиянии на другие народы. Это и вызвало некоторые различия в обычном праве у разных этнических групп. Частота проведения данных «заседаний» не всегда зависела от типа хозяйствования. Так, у отдельных групп родовое собрание собиралось ко времени языческих религиозных праздников¹ У других совмещалось с обычным временем схода. Родовой суд у групп с бродячим типом хозяйствования происходил раз или два в году, а у оседлых — несколько чаще. Так же различны и определения высшего органа (Суглан, Сухлэн, Сагдагул, Зургань). Анализ источников дает возможность предполагать, что первоначально места сборов на родовой суд были двух разновидностей:

1. Постоянные — места религиозных праздников, конечные пункты кочевания после охоты на пушного зверя, сбора ясака и т. д. Удская группа — р. Кугулунь при устье Кобали, Бурукань, слияние в Бурею р. Дольникана и р. Гимунгда, устье р. Уды; Баунтовская группа — р. Нижняя Ципа; Куркугирская — правый приток Ангары, р. Иркинева; эвенки Енисейской губернии — слияние р. Нижняя Тунгуска и р. Кочучум (совр. п. г. т. Тура) и т. д.,

¹ Евдокимов В. С. Амурские эвенки. — Благовещенск, 1967

2. Случайные — любые удобные места в момент острой необходимости. В течение времени такие места стали постоянными и чаще всего были связаны со сбором ясака.

Существовало множество отличий, вызванных разным пониманием справедливости, а также оторванностью одних групп от других. Цель настоящего параграфа — не показ данных отличий, а лишь попытка выявить общие и характерные.

При проведении «судебных» мероприятий число возможных участников варьировалось. Так, молодежь и основная часть женщин не присутствовали на родовом суде², хотя при решении других вопросов находились³. Исследователь С. Г. Рыбаков сообщал, что армакские тунгусы ведут судебные дела «с бывшим головой»⁴. Эта норма встречается вплоть до 30-х годов XX века. Так, в протоколе родового собрания эвенков Чунского района (современная территория Эвенкийского автономного округа) в 1926 году было записано: «...Согласно обычному праву, присутствующих женщин лишить права голоса, допустить на Суглан с совещательным голосом... В протоколе собрания на Есее в 1931 году зафиксировано, как молодые люди отказывались от участия в собрании: «...Мы раньше жили и подчинялись советам стариков. Я молодой и совершенно... темный, ничего не знаю...»⁶.

Для ведения суда общим собранием выбирались специальные люди, трое из которых были «говорильщики», а один «наблюдатель». В обязанности последнего лежал надзор за порядком во время суда, он сидел на возвышенном месте, вооруженный луком и стрелами с тупыми наконечниками. В данную группу автоматически входил военный вождь (к концу XIX в. у большинства эвенков суд вершился единолично вождем или князьцом)⁷, а также общим собранием избирался исполнитель

² ГАРФ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18.

³ Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). — М. 1982. — С. 63.

⁴ Рыбаков С. Г. Армакские тунгусы Селенгинского уезда Забайкальской области // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — СПб., 1903. — Т. 6. — Вып. 1. — С. 70.

Анисимов А. Я. Космологические представления народов Севера. — М., Л., 1959. — С. 68–70. В. Spencer, F. J. Cillen. The Native Tribes of Central Australia. — London, 1899 и The Northern Tribes of Central Australia. — London, 1904; R. J. Olson. Clan and moiety in Native America. — University California Publication. 1933. Vol. 33. № 4. W. H. R. Rivers. The history of Melanesian society. Cambridge. London, 1914. Vol. 2.

⁶ Никульшин Н. П. Первобытныe производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. — Л. 1939. — С. 71

⁷ Рычков К. М. Енисейские тунгусы // Землеведение. — Кн. 3–4. — 1922. — С. 146.

наказания, который никак не мог отказаться от выполнения возложенных на него обязанностей (эвенки бассейна Подкаменной Тунгуски).

Также в литературе встречаются упоминания о «посредниках». У приамурских эвенков существовал «суд стариков» под председательством старшины. Параллельно с таким судом действовал и суд схода, который рассматривал менее важные дела. Даже дела о кражах, отнесенные к деятельности суда схода, рассматривал «суд стариков»⁸

Суд происходил следующим образом: все сородичи садились в круг, а истец — в середину. Истец обстоятельно излагал судьям жалобу, при этом, изредка останавливаясь, он обращался к ответчику и говорил: «Не так ли?». Последний должен был лаконично ответить, так или не так, после чего истец продолжал свою жалобу. Затем вставал ответчик и, обращаясь ко всем присутствующим, излагал обстоятельства дела со своей точки зрения. Опровергая доводы истца, он в свою очередь спрашивал истца: «...Не так ли?..», тот так же должен был коротко ответить: да или нет. После чего начиналось обсуждение, в ходе которого выявлялись мельчайшие подробности дела и определялись условия примирения сторон. В ходе обсуждения каждый взрослый мужчина мог высказать свои соображения, обвиняя или оправдывая виновного. Когда вопрос был выяснен, следствие, которое вели суд или князь в присутствии всех членов рода, считалось законченным. Суд обращался к собранию и спрашивал мнение сородичей. Решение считалось принятым только с согласия большинства, после чего официально объявлялось.

Интересен тот факт, что если у сородичей закрадывалось подозрение о пристрастности или неумении вести дело судьями, судьи тут же переизбирались. А также то, что в тех местах, где традиции были слабее или рассматривались мелкие дела, участие всех членов рода было необязательным. Так, например, у амурских эвенков староста собирал ясачных своего рода, кочевавших поблизости, а не ждал общеродового собрания.

Тем не менее обязательным было присутствие обвиняемого, но не обязательным личное присутствие свидетелей, за них могли выступить их ближайшие родственники. Свидетельствовать за родственников могли только люди «хорошего поведения», не являющиеся малолетними, душевнобольными и не находящиеся между собой во вражде. Перед дачей показаний судьи должны были лично увещевать обвиняемого

⁸ *Солярский В. В.* Современное правовое и культурно-историческое положение инородцев Приамурского края. — Хабаровск. 1916. — С. 9.

быть справедливым и беспристрастным, после чего произносилась клятва перед огнестрельным или холодным оружием.

Если дело было достаточно серьезным, то клятва произносилась у священного места. Так, у забайкальских эвенков клятва давалась у Шаманского камня (находится на середине р. Ангары при стоке в оз. Байкал). Данная группа интересна тем, что, во-первых, у них существовало разделение клятвы в зависимости от характера разбираемого дела; во-вторых, существовали места для клятвы, выбор которых зависел от сути тяжбы, т. е. менялась не клятва, а место присяги; в-третьих, клятва давалась по требованию истца, но присягал не ответчик, а его родственники, по выбору истца⁹.

Таким образом, в зависимости от характера разбираемых дел клятвенные места разделялись.

1. При разборе тяжбных дел клятва давалась в Обне (ритуальная шаманская часовня). В этом случае к месту присяги приводил шаман, призывающий духов, правителей стихий, засвидетельствовать. Если оказывалось, что родственники обманывали, то они были должны лишиться счастья и плодородия.

2. При разборе следственных — клятва давалась перед заряженным ружьем или обнаженным холодным оружием. В этом случае оружие являлось поручителем и по тем представлениям должно было выстрелить или поранить в ответ на ложь.

3. При разборе маловажных и семейных дел клятва давалась перед религиозными святынями, в связи с чем духи принимались как свидетели показаний и должны были покарать клеветника.

Вероятно, процесс и ритуал присяги были заимствованы или видоизменены под воздействием обычного права бурят и других народов, так как ничего подобного еще не встречалось у других групп. Подтверждением тому является то, что у ангарской группы клявшийся вонзал нож под левую ногу собаки и сосал кровь из нее до тех пор, пока та не умирала. Исследователь В. А. Туголуков считал, что этот обычай заимствован у ассанов и коттов, которые употребляли собак в пищу¹⁰. Если свидетелей не было, то такое дело предавалось «воле божьей».

Судьи не имели права рассматривать дела в трех случаях:

1. Если дело касалось их самих;
2. Если подсудимый являлся их ближайшим родственником;
3. Если подсудимый объявлял их подозрительными.

⁹ Буссе О. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири // Записки И. РГО. — СПб. 1880. — Т. 6. — С. 210, 228–229.

¹⁰ Туголуков В. А. Тунгусы Средней и Западной Сибири (эвенки и эвены). — М. 1985. — С. 64.

Впоследствии, к концу XIX века происходит ряд изменений в правилах, принятых для решений в суде. У енисейской группы эвенков, а в начале XIX века и у амурской группы становится уже необязательным знать мнение большинства, а достаточно выяснить мнение «лучших людей». ...Тяжбы между ними решаются старшиной, выбранным из их среды и обыкновенно имеющим титул князя. ...»¹¹ У катангских эвенков суд собирался постоянно выбранными на три года «князьями»¹²

У Енисейской группы князья так же перешли от наследования к выборности поста. Данные изменения — скорее всего, тенденция, связанная с переходом от родового-общинного строя к феодальному, нежели отход от обычаев. В этом смысле можно выделить только Амурских эвенков и несколько разбросанных групп в труднодоступных местах, у которых суд почти полностью сохранил традиционные черты и почти не был подвержен влиянию извне. «...Никому не подвластны и даже избегают между собой начальников...»¹³. А большую часть преступлений совершали в состоянии алкогольного опьянения¹⁴.

Совершенно обратная ситуация была у Забайкальских эвенков: «...У самых коротких приятелей редко обходится, чтобы один в чем-нибудь не жаловался на другого и не просил суда...»¹⁵. Все остальные группы были как бы между двумя этими полярными отношениями к суду. «...Споров и тяжб среди тунгусов не бывает, а мелкие недоразумения разрешаются или полюбовно, или советом ближайших родовичей, и только в редких случаях — постановлением старшины...»¹⁶.

Проведение родового суда не записывалось и велось безо всяких юридических формальностей. Не существовало ограничений ни в количестве участников, ни во времени проведения. Освобождались от ответственности дети до 16 лет (отвечали родители), женщины (наказывали мужей на том основании, что не научили жену соблюдать обычаи, в эту категорию не попадали трудоспособные вдовы), глухонемые и душевнобольные (данные категории вообще не допускались на разбор дел). Состояние опьянения было неотягчающим обстоятельством, а

¹¹ Маак Р. К. Путешествие на Амур в 1855 г. — СПб., 1859. — С. 47

¹² Сирина А. А. Катангские эвенки в XX в. — М., 1995.

¹³ Спасский Г. М. Сведения русских о реке Амур в XVII столетии // Вестник И. РГО. — СПб., 1853. — Ч. 7 — Кн. 2. — С. 37

¹⁴ Маак Р. К. Там же. — С. 83.

¹⁵ Путешествие по долине реки Нерчи поручика Усольцева // Вестник И. РГО. — СПб. 1857 — Ч. 20. — Кн. 6. — Отд. 2. — С. 109–110.

¹⁶ Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1898. — № 2. — С. 186.

смягчающим, так как считалось, что преступление совершено не специально, а случайно (убийство в состоянии опьянения считалось неумышленным преступлением). Учитывалась репутация и общественное мнение, а также наличие «судимости» в прошлом.

Охотский земской исправник в 1823 году отмечал, что родона начальники руководствовались «собственными суждениями» и существующими обычаями, а также «порядком, оставленным от прежде бывших родоначальников», что можно обозначить как прецедент. Характерно и то, что зачастую дела материального ущерба рассматривались как моральный ущерб.

Помимо уже перечисленных неподсудных категорий населения существовали убийства, за которые никого не судили, а именно: за уничтожение каннибалов¹⁷. Причем сказания и легенды представляли их как членов отдельных родов, которые не имели оленей, редко охотились и не рыбачили, а все свои силы использовали для того, чтобы выследить и убить человека. Люди, которых они убивали и потребляли в пищу, были самыми слабыми членами своего рода (старики, дети)¹⁸. По нашему мнению, таких отдельных родов или групп не было, а были представители различных родов, по тем или иным причинам перешедшие к каннибализму. Соответственно не существовало родов, чьи обычнo-правовые установления в корне отличались от обычного права основных групп эвенкийского населения.

Обычное право тунгусского народа на протяжении XVII—XIX веков трансформировалось и стало постепенно вливаться в общую судебную систему России. Так, если еще в XVII веке оно различало, кем и против кого было совершено то или иное преступление (своими, чужими, против своих, против чужих), то уже к концу XIX века обнаруживается качественно иное правосознание¹⁹. Если до этого споров относительно владения угодьями не существовало, то уже в начале XX века их число резко возросло. Причиной этому, помимо влияния государственного права, было изменение быта эвенков — безработица, влияние товарно-денежных отношений и разрушение института «князей»²⁰.

К началу XX века право «судебных» обычаев эвенков представляло собой весьма пеструю и противоречивую картину. В той или иной мере

¹⁷ «Аваты» и «бэеты» переводится с эвенкийского как «враги» и «людоеды».

¹⁸ *Туголуков В. А.* Указ. соч. — С. 174

¹⁹ У енисейских эвенков, например, воровство не считалось таковым, если было совершено у человека из другого рода

²⁰ ГАРФ. Ф. р. 538. Он. 1. Ед. хр. 74. Л. 9 (Материалы по научному обследованию северных окраин и общего характера).

в нее входили элементы суда и права самых различных эпох, начиная от первобытно-общинной. На протяжении данного времени четко видны влияние соседних народов и постепенный уход от традиционного права. Основное место видоизменений и ухода из традиций принадлежало России, которая как бы ускорила процесс перехода от доправной культуры к государственному суду и праву. Государство внесло серьезные коррективы в начавшийся, но так и не завершившийся процесс естественного исторического развития. Отдельным признакам судостроительства и судопроизводства, отличительной чертой которых в изучаемый период являлось совмещение нового и старого, был свойственен примитивизм. Порядок расследования и судебного разбирательства имел архаичные формы, а также характерные для начала периода оформление и становление процесса, правовой основой которого являлся обычай, хранящийся мудрыми и опытными старшими мужчинами рода. Происходило постепенное усиление суда туземной администрации, наметился переход к сельскому суду, усвоению русских процедур, правил и государственных законов.

3.2. САНКЦИИ «РОДОВОГО СУДА»

Как и у большинства народов, находящихся в периоде родового строя, у эвенков уголовные преступления не разделялись с гражданскими преступлениями. Поэтому само преступление рассматривалось не как подрыв морально-нравственных устоев общества, а как нарушение частных интересов, как вред, причиненный члену рода, а через это и всему роду. Подобные правонарушения не могли не вызвать со стороны потерпевшего равного или не равного возмездия за жизнь и имущество виновного, выражением которого была первоначально кровная месть, а впоследствии выкуп.

К началу XX века такое явление, как кровная месть, потеряло свое значение и встречалось достаточно редко. Причем в значительно позднее время это явление обычного права действовало у части групп не вне рода, а внутри его. Причиной тому явился распад родовых отношений и разделение населения на экономические организмы, а также крайняя малочисленность подобных групп. Комовские тунгусы говорили: ...лет 200 тому назад каждый род у нас был весьма многочисленным, все роды имели свою землю и жили обособленно. Бывали случаи и столкновения между родами по разным причинам... В XVII веке русские первопроходцы отмечали многочисленные межплеменные войны, но со временем они прекратились. ...В числе разных преданий о

прежней воинственности тунгусов сохранился рассказ о бывших кровопролитных боях между их собственными ордами, особенно Чапогирской, Илимпейской и Таймурской, на берегах речек Убойной и Канальчихи, впадающих в Нижнюю Тунгуску. Причинами битв были: неудачное сватовство рода, недостаток женщин и оскорбление самолюбия», «...да и существовали тогда главные богатыри, которые сделались родоначальниками своих родов, дав некоторым из них свои имена, желали померяться силами...»²¹ Причем причины столкновений не зависели от рода или национальности враждующих²².

Свою роль сыграла и политика, проводимая царским правительством. Кровная месть заменялась выкупом (головщиной), в который входили женщины, олени и имущество. Кроме того, виновный должен был заплатить двойной ясак — за себя и за убитого. В 1702 году ясачный тунгус Хандинской волости Кунча Канбалов неумышленно убил тунгуса Усольской волости Ивашку Онучина²³. Помимо двойного ясака, он, по обычаю, отдал братьям убитого «трех девок и шесть оленей». У удской группы подобный выкуп равнялся 6—8 женщинам, либо 40—50 оленям²⁴. Известны случаи, когда русские сами провоцировали кровную месть. Например, в 1683 году в Якутском остроге эвенки жаловались, что енисейский приказчик повесил «их лутчего мужика» за то, что «будто их мундиря хотел изменить». В результате чего, тунгусы напали на острог и убили 11 служивых людей, забрав при этом с собой всех аманатов²⁵.

Специфичность в определении наказаний как у эвенков, так и у многих народов Севера заключалась в том, что конечная цель была не в том, чтобы покарать правонарушителя, а в том, чтобы показать обществу неотвратимость наказания за неправомерные действия. И главное — предупредить повторение подобных ситуаций, убедить людей в недопустимости такого поведения. Таким образом, санкции в обычном

²¹ Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник И. РГО. — СПб., 1860 — Ч. 28. — Отд. 2. — С. 38.

АРАН. Оп. 4. Д. 21. Л. 204; Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане. М., Л., 1952. С. 276—278; Гурвич И. С. Этническая история Северо-восточной Сибири. — М. 1966; Миллер Г. Ф. История Сибири. — М., 1937—1941 — Т. 2. — С. 215; 221, Туголуков В. А. Указ. соч. — С. 300.

²³ Окладников А. П. Курейские тунгусы в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. — Новосибирск, 1968. — Вып. 3. — С. 109—110

²⁴ Золотарев А. М. Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII в. // Историк-марк — М. 1938. — Кн. 2. — С. 76.

АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 91. Л. 59. Об. ДАИ. Т. 10. — С. 344—346; Т. 11 — С. 66—67

праве эвенков были не карательные, а скорее носили воспитательный характер.

Тем не менее это не обозначало отсутствия каких-либо правил. Пользование пастбищами, например, регулировалось правом, в основе которого был заложен принцип: не мешать друг другу. Конфликты возникали не из-за пользования пастбищами, но и в вопросах краж и похищений оленей.

У одних групп существовало возмещение эквивалентного ущерба, у других — возмещение в четырехкратном размере (очевидно, влияние обычного права соседних скотоводческих народов, у которых ставилась зависимость от количества ног у животного). Если по вине пастуха происходила потеря оленей, то хозяин имел право взыскать с него часть или половину убытков, в зависимости от степени вины, причем иногда такой пастух лишался доверия на долгое время.

В конфликтах, связанных с охотничьими угодьями, на первом месте фигурировали споры из-за добычи. Например, у баргузинской группы эвенков, если человек охотился без разрешения или пая хозяина, то забиралось половина добычи, а впоследствии и вся добыча. Кроме того, в XIX веке старшины стали начислять еще и пени²⁶. У нерчинской группы на временно-ограниченных землях, помимо того, что забирали часть добычи, санкционированию подлежало и будущее потомство животных. Так, за одну убитую белку следовало отдать 20, т. е. как бы с ее будущим потомством.

Обычное право разделяло кражу и присвоение. Например, наказание за присвоение прилудных оленей было несколько слабее, чем за кражу, а зачастую ограничивалось простым возмещением ущерба. О прилудных оленях полагалось известить соседей, иначе это рассматривалось как присвоение. Независимо от того, имелся долг или нет, самозахват животных был наказуем. Так же было наказуемо использование старых остовов чума без разрешения хозяина. Причем был важен сам факт пользования, а не срок, когда хозяин ставил чум в последний раз. Интересно и то, что принятие этого советом рода во внимание происходило только в том случае, если нарушителя ловили с поличным²⁷.

²⁶ *Добромыслов Н. В.* Заметки по этнографии баргузинских орочей // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — М., 1902. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 78; *Титов Е. Д.* Заметки по этнографии тунгусов // Вестник Азии. — 1924. — Харбин. — № 52. — С. 297–298.

²⁷ *Добромыслов Н. В.* Там же. — С. 79.

Неподсудно было убийство «плохого человека» (кровная месть, насилие и т. д.). Также, без последствий для себя, можно было убить жену и любовника во время измены. В том случае если муж оставлял в живых соблазнителя, то он имел право требовать «замены» женщины, а если к тому же бывшая жена еще оказывалась беременной, — то еще и имущество развратника (удская группа).

Правомерными были и действия, когда тунгус во время голода или эпидемий бросал в тайге приемышей и обессиленных родителей и сестер. «...При появлении их <болезней> они спешат оставить свои обычные места жительства и спешат куда-нибудь далее в глубь тундры, и нередко заболевшего оставляют одного на произвол смерти; снабдив лишь пищей...»²⁸. Причем данный обычай касался всех без исключения, в том числе и шаманов, коих положение было усугублено тем, что их могли бросить и в обычное время. Для этого было достаточно болезни шамана, причем не обязательно эпидемического характера. В обществе существовало мнение, что нездоровый шаман может «не правильно камлать» и тем самым может навредить всему роду. Поэтому его оставляли в тайге, а род перекочевывал в другое место. С переходом на оседлость эвенки выделили специальные места, где оставляли больного шамана. Известен случай, когда уже в 1978 году шаманку просто вынесли во двор ее же дома²⁹. Однако наряду с этим наказывалось бездействие к погибающему человеку.

У всех групп тунгусов не было такого наказания, как смертная казнь. Высшей мерой наказания было изгнание из рода, хотя данный приговор в большинстве случаев означал более или менее быструю смерть и выносился только за особо тяжкие преступления. Таковыми считались: нарушение экзогамии и убийство сородича («свою кровь пролил»). Существовала особая традиция оглашения приговора, при которой весь родовой совет обращался к подсудимому и говорил: «Иди в чужие земли».

Существовали наказания за преступления, не являющиеся таковыми в современном понимании. Такие наказания, очевидно, связаны с нарушением определенных правил поведения, запретов, суеверий. Например, считалось, что если человек из другого рода, не спрашивая разрешения, заходил в чум к больному и тот, не выздоровев, умирал, то он был виновен в его смерти. Человека судили за то, что он «наступил на здоровье» больного. В других случаях возмещался ущерб, если один

²⁸ Мордвинов А. Указ. соч. — Ч. 28. — Отд. 2. — С. 36.

²⁹ Гурвич И. С. Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. — М., 1985. — С. 107

из эвенков аргишил (кочевал) по следу другого и у второго начинался падеж оленей или заболевали члены рода³⁰. Если человек из другого рода кружил вокруг как жилого, так и не жилого чума, лабаза и т. д., и у хозяев заболевал ребенок, он тоже считался виновным. Абсолютно доказанным считалось, если это дело касалось стариков (кружение — знак вредоносной магии).

Для того, чтобы подобные ситуации не возникали, существовали предупреждающие меры. Скажем, если в семье кочующего кто-то болел, то к месту следования на дереве делался затес, на котором углем изображался лежащий на боку или навзничь человек. Если человек недавно умер, то поза была ничком. Иногда подобные предупреждения делали из бересты. Если была разбросана отрава на лис, то на видном месте висело изображение берестяной собаки (т. е. нужно было привязать собак, чтобы они не отравились).

Как и у большинства народов мира, у эвенков существовало табу, нарушение которого могло повлечь за собой наказание. Например, считалось, что если что-то взять из шаманского лабаза, то можно заблудиться в тайге, а также бытовал целый ряд других представлений о религиозных запретах³¹, которые в работе не будут освещены подробно, ввиду специфики темы.

Заковывание в колодку встречается только у амурских, забайкальских и эвенков Охотского побережья. У всех остальных групп подобных или иных форм лишения свободы не было. А также у этих групп существовали публичные телесные наказания по большей мере лозами. Предположительно, данные наказания были заимствованы у других народов. Более древним наказанием было привязывание виновного голым к дереву³², в результате чего тело от комариных укусов распухало и сильно зудело, причиняя боль днями или неделями, в зависимости от продолжительности наказания. А еще сажали на горячие угли.

Четкое разделение мер наказания отмечено только у забайкальской группы, что, очевидно, связано с большим процентом оседлости и степенью социально-экономического развития. Так, наказание лозами имело самый широкий диапазон и зависело от степени вины. «...Тунгусы судятся своим судом и главное наказание — розги. Провинившийся

³⁰ *Мордвинов А.* Там же. — С. 36.

³¹ *Симонов М. Д.* Материалы по шаманизму сымских эвенков // *Известия Сиб. отд. АН СССР*. — 1983. — № 11. — Вып. 3. — С. 108.

³² Применялось только летом.

³³ *Григорьевский Г.* Поезда на Верхнюю Ангара // *Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО*. — Иркутск, 1890. — Т. 21. — № 2. — С. 16.

жестоко наказывался при всем обществе...»³³ У эвенков Жиганского улуса уличенных в нескольких кражах, помимо возмещения ущерба, секли до четырех обмороков³⁴

Основными же мерами наказания были общественное порицание, выговор и позор. Так, у илимпейской группы виновного привязывали к дереву на срок от 6 до 12 часов и на протяжении всего времени стыдили и ругали. Материальное возмещение осуществлялось посредством возвращения украденного или заменой его равноценным. Иногда, по степени вины, — порка. У тех же тунгусов Жиганского уезда украденное взыскивалось в четырехкратном размере (в этом случае сказывалось соседство обычного право скотоводческих народов).

Возвращение ущерба применялось и по делам, не связанным с материальными исками (оскорбление, изнасилование и т. д.), и трактовалось как возмещение морального ущерба. Родовым судом определялось время возвращения и объем убытков. Время варьировалось от месяца до нескольких лет, в зависимости от образа жизни. В том случае, если истец требовал немедленного возмещения ущерба, а ответчик не мог отдать, его пороли жестоко. И это избавляло виновного от платежей. Помимо материального возмещения, существовала и отдача в работу (забайкальская, охотская группы). В большинстве случаев так происходило, когда человек не мог заплатить ясак и за него платили другие. У енисейской группы существовал своеобразный кодекс, по которому особо строго каралось оскорбление старших по возрасту. Например, за оскорбление словом полагалось 30 розг и штраф, величина которого зависела от экономического состояния виновного. Столь же строго каралось самоуправство и насилие. За это связывали ремнями и пороли «...сколько кто пожелает...». За угрозу полагался «херкем» (виновного привязывали к шестам чума так, чтобы невозможно было сесть или повернуться, и оставляли на всю ночь)³⁵ В такой ситуации преступник по истечении ночи из-за дыма практически переставал видеть.

Преступление, касающееся нескольких родов, рассматривалось совместно. В подобных случаях род обращался к своей фратрии, а затем ко всем родам для сбора Совета. К таким проступкам относились:

1. Преднамеренный или ненамеренный поджег тайги, частично или полностью повредивший охотничьи угодья нескольких родов;

³⁴ *Хитров Прокопий*. Описание Жигановского уезда // Записки Сибирского отд. И. РГО. — СПб., 1856. — Кн. I. — С. 55–84.

Рычкова К. М. Указ. — Кн. 3–4. — С. 147

2. Насильственное вторжение или нарушение границ рода;

3. Поломка или уничтожение ловушек чужого рода и т. д., т. е. все дела, касающиеся ни одного, а нескольких родов.

По мнению исследователя Н. В. Сушила, эвенки могли сознательно уничтожать часть своих территорий в случае общей опасности. Например, он считал, что тунгусы бассейна Подкаменной Тунгуски сознательно сожгли тайгу от фактории Верхняя Контора (современный п. Чемдальск, Эвенкия) до Ангары для того, чтобы остановить продвижение ангарских промышленников и торговцев, ввиду навязывания некачественных товаров, больших процентов по кредитам и недобросовестной охоты на чужих землях. Известно, например, что купцы подмешивали в водку махорку и сушеные мухоморы, из-за чего распития заканчивались многочисленными преступлениями³⁶ Возможно, эта версия имеет под собой основание и фратрии вполне могли договориться об уничтожении части своих угодий, так как в сохранившихся протоколах собраний эвенков (Эвенкия) в 20–30-х годах XX века постоянно поднимался вопрос об ограждении их от произвола ангарских торговцев. Предлагалось построить чуть ли не государственную границу, со всеми вытекающими последствиями.

Эвенки никогда не скрывали своих правонарушений, чаще всего виновные первыми сообщали об этом и не отрицали свою вину, если им не удавалось сообщить об этом первыми³⁷ «...Людь сей многоречистый и говорливый... между ними никакой тайности не хранится и секретов содержать не могут...»³⁸. Истцы и ответчики не оспаривали решение суда, если таковое было по обычному праву. В связи с особыми географо-климатическими условиями в психологии тунгуса было заложено убеждение о несуществовании оправдательных причин отхода от обычаев, подкрепляемое невозможностью жить вразрез с коллективом, родом, с которыми он был в единой органической целостности. Складывалось сознание, при котором человек не мог жить без рода, а род не хотел жить без него. Поэтому изгнание из рода и было высшей мерой наказания, а на провинившегося смотрели, в первую очередь, как на человека, попавшего в беду, спутавшегося со злыми духами, а потом

³⁶ ГАКК. Ф. 796. Оп 1 Д. 8060. Л. 2, об.

³⁷ Реферат О. М. Августыновича. О племенах, населяющих Колымский округ // Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — М., 1878 — Т. 70. — Прилож. С. 43–56.

³⁸ Колачев И. В. Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г. // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО — Иркутск, 1871 — Т. 2. — № 3. — С. 43.

уже — как на преступника. Это в основном способствовало тому, что человек подвергался моральному наказанию. И даже во время интенсивной экспансии пришлого населения, когда стали меняться и видоизменяться устои эвенкийского общества, а также увеличился объем физических наказаний (конец XIX в.) — моральная сторона дела оставалась господствующей.

Со временем подвергались трансформации и меры наказания. Так, почти перестали применяться розги. Редко стали применяться принудительные работы, появился арест, но основной мерой наказания остается компенсация ущерба. Появилась ответственность за обман, мошенничество, клевету и ложное доноительство, что объясняется ослаблением традиционных условий жизни.

Подтверждением тому стало усиление наказания за причиненную обиду у тунгусов ведомства князя Гантимурова, где сила ответственности по-разному разделялась на простых людей, засулов, лам, шуленг, зайсанов³⁹, а также увеличение ответственности при повторном нанесении обиды. Так, если «родович» нанес обиду словом или действием, в первый раз он платил 5 рублей, во второй раз — 10, а в третий — 15 рублей и т. д. За увечье штраф увеличивался пропорционально в 2 раза плюс лечение за счет виновного. Отдельно выделены наказания за обиду, нанесенную пожилому человеку: матери, отцу; в этом случае штраф резко возрастал.

Тем не менее, несмотря на появившиеся изменения в наказаниях, моральная сторона оставалась господствующей, цель которой была не в наказании виновного, а во внушении ему необходимости соблюдения правил, сложившихся столетиями. Поэтому, например, кража не была кражей в нашем понимании, а была нанесением морального ущерба.

Однако к концу XIX века психологический аспект юридических обычаев трансформируется. ...Заказать можно, но скорее не дождешься, потому что дай ему пуд муки и жди год; орочон обрусел совсем, стал мошенником...»⁴⁰ Появляется ответственность за недонесение. Мало того, человек, не сообщивший вовремя о преступлении, уравнивается с пособником преступника и с самим преступником. Отягчающими обстоятельствами считались групповые преступления и преступления, сделанные по злему умыслу, т. е. сознательно.

³⁹ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. — Варшава, 1876. — С. 43.

Добромыслов Н. В. Указ.

Т. Вып. 1 — С. 80.

У забайкальских эвенков нормы права, охраняющие личное имущество, проработаны более детально и предусматривают более строгие меры наказания по сравнению с соседними группами эвенков (северобайкальских, баунтовских и киренских). Их правовые обычаи отразили деление эвенков не только на простых и знатных людей (туземная администрация), но и на бедных и богатых. Например, несостоятельный должник отдавался не просто в работу, за счет которой погашался долг, а работал определенный срок до погашения долга, что говорит об одной из начальных форм зависимости. Нормы права в некоторых случаях фиксировали отход от отношений коллективизма и взаимопомощи в пользу собственнических отношений. По правилам 15 нерчинских тунгусских родов, бедный человек, убивший и съевший, в связи с голодом, скотину у другого, подлежал судебной ответственности. Причем если он при этом оповещал общество, то наказывался телесно и возмещал ущерб, если же нет, то с ним поступали, как с вором. У этой группы отмечено и появление пени за воровство скота — «ель»⁴¹

Что касается эвенков Амурской области Удского и Охотского округов, то известно о почти полном отсутствии у них убийств, грабежей, краж и т. д., а также о неукоснительном соблюдении обычаев и обязательств, что выражалось в крайней традиционности. «...О кражах между ними не слышно, проезжающий свободно пускает коней своих без надзора...»⁴².

Таким образом, можно заметить, что санкции у эвенкийского населения в XVII — начале XX века разделялись на традиционные и заимствованные. К традиционным относились — позор, общественное порицание, изгнание из рода, «херкем» и т. д. К заимствованным — скорее всего, телесные наказания и заковывание в колодку.

Исходя из выше перечисленного, можно сделать вывод, что на данном этапе происходит генезис санкции по двум направлениям:

1. Санкция сохраняется и развивается самостоятельно и внешнее влияние и заимствование либо отсутствуют, либо играют второстепенную роль.

2. Обычно-правовые наказания у эвенков постепенно заменяются наказаниями, заимствованными у других народов, и их роль становится определяющей.

⁴¹ Буссе О. Список слов бытового значения у некоторых кочевых народов Восточной Сибири // Записки И. РГО. — СПб., 1880. — Т. 6.

⁴² Шестин С. Тунгусы, обитающие в верховьях реки Иро и ее притоков // Записки Приамурского отд. И. РГО. — Хабаровск, 1898. Т. 4. — Вып. 3. — С. 73–93.

3.3. САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

В настоящее время до конца не ясен вопрос о внутреннем самоуправлении эвенков. Исследователь Г. М. Василевич считала, что существовали временные объединения из двух-трех родов, связанных между собой брачными отношениями и взаимопомощью. Другой исследователь В. А. Туголуков, напротив, считал, что нельзя говорить о племени эвенков как об едином целом — с вождем, Советом, общим диалектом и религиозными церемониями. Он считал, что такая система управления в свое время была утеряна эвенками, сразу же после того как они вышли за пределы своей исторической прародины. При этом ученый признавал наличие признаков самоуправления в XVIII веке. Цель же этого параграфа — попытаться реконструировать внутреннюю систему управления и меру компетенции рода, племени и их членов на той стадии, которую застали русские первопроходцы, а также выявить полномочия их членов во время боевых действий, проследить процесс принятия в род.

Высшим органом власти был Совет рода, который ведал следующими вопросами:

1. Выборы и смещение гражданского вождя рода;
2. Выборы и смещение военного вождя рода;
3. Выборы и смещение родового шамана;
4. Вынесение решения об объявлении или прекращении кровной мести за убийство сородича;
5. Разбор всех дел, связанных с родовым хозяйством, организация промысла и вынесение соответствующих решений;
6. Объявление войны или мира;
7. Решение о выкупе члена рода;
8. Принятие в род чужеродца;
9. Решение всех конфликтов и споров, наказание нарушителей обычно правовых норм (раздел имущества, опека, брачные дела и т. д.).

На некоторых пунктах ведения этого органа необходимо остановиться чуть подробнее. Дело в том, что зачастую первые три пункта достаточно иллюзорны. Потому что должность военного вождя носила временный характер, т. е. только во время проведения военных действий. Как правило, временными военачальниками становились шаманы, которые и объединяли отряды по 40—100 человек. А также они зачастую играли роль вождя рода. Подтверждением тому стали многочисленные предания, сказания, рисунки, их семантика. Это также под-

тверждают всевозможные подвески шаманского костюма, характер поведения и смысл во время камлания⁴³, что, однако, не обозначало какой-то особой роли шамана как духовного или другого лидера, как, например, у русского народа, потому что шаманы были на равных с другими членами рода. Шамана, не отвечающего требованиям и желаниям общества, могли наказать и даже побить, но в особых случаях они служили объединяющим началом. Тем не менее для того чтобы стать родовым шаманом, необходимо было получить общественное признание. В ритуале посвящения должны были иметь место следующие необходимые условия:

1. Публичность — посвящение происходило в присутствии всего рода и носило характер аттестации качеств, об этом и повествовал посвящаемый;

2. Официальность — т. е. после прохождения обряда общество закрепляло его особое положение;

3. Обряд совершался шаманом рода, который иногда являлся учителем неофита.

Помимо этого, существовал еще целый ряд этапов посвящения, которые как бы соответствовали определенным рангам шамана. Для доказательства своих полномочий шаман получал отдельные атрибуты (посох, бубен, шапка и т. д.)⁴⁴. Наличие общеродового собрания, утверждавшего шамана, подтверждало силу родовых демократических традиций, которые противопоставлялись социальной тенденции наследованного закрепления званий и постов.

У эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски выборы военного вождя фратрии (совокупность родов, находящихся в родственных отношениях) состояли из двух этапов. Для того чтобы стать вождем, было необходимо:

1. Первый этап — сначала стать вождем своего рода, для чего требовалось коллективное решение всех родовичей. Для того чтобы претендовать на это звание, нужно было пройти испытание, которое, в свою очередь, было также разделено на три уровня:

1. Илькоутын сонингмат (принималось родом).

2. Туруптынин (испытывал шаман).

3. Сонинг (дружинник).

⁴³ *Василевич Г. М.* К вопросу о тунгусах, кочующих к Западу от Енисея // Советский Север. — 1931 — № 10; *Иванов С. В.* Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978.

⁴⁴ Первоначально шаман получал кожаный головной убор, после чего железный, увенчанный изображением рогов оленя.

Необходимо заметить, что и данному испытанию предшествовал целый ряд рангов обучения, где человека именовали:

а) сонинг усилонин (обученный воин).

Внутренняя градация:

- сонинг хонгниматчериво (владеющий мечом),
- хонкоточедериво сонинг гарпатчэрэ (владеющий защитой от стрел),
- сонинг нальдисадяра (принимающий бой с военным вождем);

б) усилобдокорин (хорошо обученный воин).

Внутренняя градация:

- этэгвэ манасалендере (прошедший сложные условия),
- есальвы дялипчава гарпатчэрэн (первый этап),
- дюду бидериво гарпатчере (обученный сражаться в ограниченном пространстве),

в) сонинг (дружинник).

Внутренняя градация:

- оорорду тэгэчедеривэ гарпатчерен (обученный сражаться верхом на олене),
- хальчапдупки уючедеривэ гарпатчеран (сражение раненого в ногу),
- дявду дявратын аят давдугувэ (хорошо знающий управление лодкой).

Смысл всей системы заключался в том, что посредством всевозможного обучения и испытаний выявлялся наиболее сильный, ловкий, выносливый, находчивый и стойкий. Надо заметить, что так же, как и шаман, никто из руководителей не пользовался какими-либо привилегиями. Поэтому в случае каких-то неудач любого из них могли серьезно наказать⁴⁵. Таким образом, распределение обязанностей видится следующим образом:

1. Предводитель, военный вождь (соннинг, нерамки, иничэн);
2. Воины-охотники (основа военного объединения);
3. Старики и уважаемые члены рода (участвовали в переговорах и решениях военного Совета, ухаживали за ранеными);
4. Шаман, в случае если им не являлся военный руководитель (отвечал за помощь духов).

Что интересно, в ведении переговоров принимали участие пожилые женщины. Именно они первыми начинали вести переговоры, а их связанные шнуры унтов служили своеобразным «белым флагом» Роль

⁴⁵ Туголуков В. А. Указ. соч. — С. 117

⁴⁶ Народы Сибири / Под общ. ред. С. П. Толстова. М., Л., 1956. — С. 724

этих женщин заключалась в том, чтобы передать и выслушать условия противника и своего рода. После чего переговоры вели уже военные вожди, сидя спиной друг к другу⁴⁶

Военный вождь и шаман являлись двумя характерными фигурами в период распада родового общества и стояли в центре общественной жизни. Возможно, не произошли присоединение Сибири к России, то, следуя исторической логике, военные вожди переросли бы в князей, предводителей и т. д., а шаманы — в жрецов. Проводимая политика Российского государства нарушила естественную историческую перспективу и поэтому военные вожди перешли в разряд родовых старшин, а шаманы стали лекарями и хранителями религиозных воззрений.

II. Второй этап — необходимо было выиграть межродовое состязание, после чего человек признавался общеродовым военачальником. Такой вождь избирался временно, например, на период ведения боевых действий, в которых участвовала вся фратрия. Руководить несколькими родами имел право каждый из вождей, так как состояние войны было необязательным фактором, его роль как военачальника могла продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь еще не заявлял о своем желании стать им.

Состязание проходило публично в присутствии всего племени и происходило следующим образом. Старший из рода-инициатора заявлял другому роду о необходимости выборов. Принимающий вызов род должен был прийти первым и подготовить место для проведения выборов (сравнять землю, убрать деревья и поставить Онанги)⁴⁷ В помощь кандидату каждый раз выставлялось равное количество помощников. Помощники находились позади претендента и по сигналу бежали вслед за ним. После чего они устремлялись навстречу друг другу. Сначала соревнующиеся своими телами рвали покрывку чума, натянутую посредине и удерживаемую кожаными ремнями, которые привязывались к деревьям, потом соединялись в борьбе. Вождем становился сильнейший человек, обладающий хорошей командой. Несмотря на то, что избранник наделялся некоторыми полномочиями, это не давало ему каких-либо преимуществ в общественном положении. «...Никакими привилегиями, ни жалованием эти старшины не пользуются...»⁴⁸; «...своих князьцов и старшин чапогиры... слушались, если хотели, но в случае какой-либо провинности с их стороны “искореняли и убивали”...»⁴⁹ Так же путем

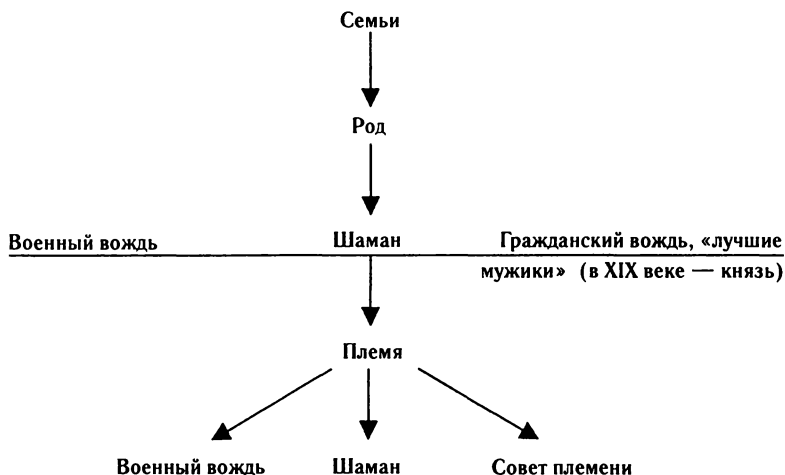
⁴⁷ Онанг — особое шаманское сооружение. Ставили Онанг лукучан (онанг лося) и Онанг хатала (онанг медведя).

⁴⁸ *Титов Е.* Заметки по этнографии тунгусов // Вестник Азии. — Харбин, 1924 № 52. — С. 298.

⁴⁹ *Туголуков В. А.* Там же С. 117

состязания выявлялись общеродовые шаманы, певцы, ораторы и т. д., которые выступали поочередно, после чего присутствующие решали — кто лучше.

По нашему мнению, система самоуправления рода и племени выглядела следующим образом:

Таким образом, племя не имело гражданского вождя, это объясняется тем, что эвенкийское население осваивало огромные территории при своей крайней малочисленности. Исходя из этого, регулярный сбор был весьма затруднителен. Тем не менее он осуществлялся, но не постоянно, а по мере возникновения чрезвычайных ситуаций (значительное уничтожение природных ресурсов, война и т. д.). В этом смысле несколько в стороне стоят манягиры (амурская группа). В советской и постсоветской научной литературе бытует мнение, что эвенкийские группы, населяющие р. Амур, были более традиционны во взаимоотношениях, что, впрочем, в большинстве случаев так и было. Но некоторые исследователи, например Маак, путешествуя по Амуру, отмечали, что у местных манягиров не было родовых вождей, но существовал единый, общеродовой, выбранный из их же среды, руководитель. Если учесть тот факт, что во время посещений путешественников тунгусы не вели активных боевых действий — соответственно речь идет не о военном вожде, а о гражданском. В таком случае мы имеем две версии данного факта:

1. Речь идет о руководителе, поддерживаемом царской администрацией, и население, в силу нового авторитета, признает в нем лидера.

2. Несмотря на внешнюю традиционность, у амурской группы самоуправления находится на ступени развития более высокой, нежели у большинства групп.

Данная форма решения спорных общественных вопросов не противоречила демократическим принципам родового общества, в котором приоритет был основан преимущественно на личных качествах. В условиях дуальной структуры племени социальные формы жизни общества (представительство родов, сборы, общие решения и т. д.) принимают дуальные черты, а вопросы приоритета равноправных по своему положению частей племени — характер соревнования родов. Подобные черты были достаточно характерны для целого ряда других народов, например, Австралии и Северной Америки

Элементы самоуправления были неотъемлемой частью жизни эвенкийского общества. С изучением этой стороны жизни эвенков становится понятно, что во многом отношения управления пересекаются с функционированием «родового суда» и в большинстве случаев осуществляются одним и тем же «органом».

3.4. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУДЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПРОЖИВАНИЯ ЭВЕНКОВ

Присоединение Сибири к России означало распространение на этой территории судебной системы царского правительства. Эвенки, как, впрочем, и другие малые народности Севера, оказались в сложной судебно-правовой ситуации. С одной стороны, наличие и функционирование традиционных способов разрешений конфликтов и споров, а с другой — они попали под юрисдикцию чужого для них суда, назначение, процессуальные формы и законодательные основы которого никоим образом не соответствовали общественно-экономическим связям и отношениям. Создалась дуальная система, которая в течение XVII—XIX веков претерпевала ряд изменений. Значение, этапы и другие воздействия государственного права неплохо изучены, поэтому нет смысла в подробном их рассмотрении. Тем не менее общий контекст необходим для понимания целостности и доказуемости задач, поставленных в работе.

На первоначальном этапе судебного разбирательства как такового не было, а поступление ясака обеспечивалось введением института заложничества, т. е. князьцы и прочие «лучшие люди» брались в аманаты.

⁵⁰ АРАН. Ф. 47 Оп. I. № 1098. Л.37

Так, в 1682 году в казенке Охотского острога сидело 64 аманата от 34 тунгусских пеших и оленных родов⁵¹. Создавшиеся разделения разбирательств по направлениям были незначительными, и в большинстве случаев основная прерогатива отдавалась воеводам.

В 70–80-х годах XVII века сибирским приказчикам предоставлялось право разбирать иски иноверцев, которые не превышали пяти — десяти рублей. Ясачные сборщики разбирали иски, не превышающие двух-трех рублей⁵². Все остальные дела, включая гражданские и уголовные, решались воеводами. Даже меры наказания, вплоть до высшей, не согласовывались с Москвой. Данное положение вещей не осталось без некоторого самоуправства, вызывавшего протест как среди эвенкийского населения, так и русского⁵³.

Необходимо отметить что, несмотря на произвол, творимый воеводами, правительство предписывало немедленно рассматривать все жалобы на русских и не притворствовать русским в их жалобах на ясачных. Правительство запрещало рассматривать иски на ясачных русским торговым и служивым людям, а приказчикам было велено на ясачных людей русским суда не давать. А также интересен тот факт, что впервые, с приходом русского населения, стали затухать, а потом и вовсе прекратились бесконечные междуплеменные войны. Судя по всему, в большинстве случаев конфликты решались в традиционном порядке.

Примерно к концу XVII века к разбору мелких гражданских дел ясачных сборщиков стали допускаться князцы и «лучшие мужики»⁵⁴. В 1728 году вводится инструкция Владиславича-Рагузинского и начинает действовать так называемый суд родоначальников, на который возлагались функции почти всех судебных конфликтов эвенков и малочисленных народов Сибири. Согласно инструкции родоначальники получали право разбирать все гражданские и мелкие уголовные дела. В малых делах (спору из-за калыма, побои и т. д.) полагалось судить в «каждому роду своему начальнику», в более значительных — собирав-

⁵¹ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. — М. 1928. — № 1 — С. 80–81.

⁵² Огородников В. Русская государственная власть и Сибирские инородцы в XVII–XVIII вв. // Сб. трудов Иркутского государственного университета. — Иркутск, 1920. — Отд. 1 — Вып. 1 — С. 19.

⁵³ Фирсов Н. Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве // Известия и ученые записки Казанского университета. — Казань, 1866. — Вып. 3. — С. 295–296.

⁵⁴ Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). — Якутск, 1978. — С. 114. Огородников В. Там же — С. 19.

ся суд из шести начальников от трех родов. Крупные же уголовные преступления преследовались в общем судебном порядке. В таком же порядке рассматривались апелляционные дела между русскими и эвенками.

В результате проведения ясачной реформы, сбор ясака и решение судебных дел перешли к князьям и старшинам. Также они получили полномочия на наказания своих сородичей с согласия лучших родовичей. Телесному наказанию эвенки подлежали не только за неуплату ясака, преступление и т. д., но и за неподчинение князьям и старшинам. Данные процедуры производились безо всякого делопроизводства в устной форме и на основе юридических обычаев.

В 70–80-х годах XVIII века была предпринята попытка введения нижней расправы (нижнего земского суда) с участием заседателей от народов Севера для участия в рассмотрении крупных уголовных и апелляционных дел. Однако они просуществовали недолго и с упразднением наместничества были ликвидированы. Данные реформы если не устраняли, то существенно снижали двойственность судебных процессов, а также максимально приближали две системы — судебную и административную. Однако полностью задача не была выполнена, и подтверждением тому являются «наказы» сибирских депутатов в Уложенную комиссию. Тунгусский князь Гантимуров предлагал участие в разборе дела как русских, так и эвенков, т. е. осуществлять разбор дела судьями, наполовину состоящими из эвенков, а также предлагал присутствие на процессе старшины и переводчика. Исполнение приговора и доставка преступника осуществлялись с помощью старшин.

В 1822 году происходит реформа судебной власти. По Уставу 1822 года вводится дифференцированный подход. Для оседлых эвенков, при соединении административной и судебной власти, вводится судебный порядок, как для государственных крестьян Сибири, т. е. преступление, сделанное ими в городах и русских селениях, разбирается по общим законам и в общих присутственных местах. Для бродячих и кочевых эвенков вводится институт старост, родовых управлений и инородных управ. Суд вершат, как и прежде, князья и старшины, а дела решаются на основе норм обычного права. Судопроизводство велось в устной форме при полном отсутствии ответственности за ошибочное решение.

Щербачев В. А. Высочайшее учреждение и учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: материалы // Исторические сведения. СПб. 1898. — Вып. 5. — С. 310.

Подавляющее число дел стало относиться к туземному суду. Под общую юрисдикцию попадали такие дела, как: преднамеренное убийство, грабеж, хищение, насилие, фальшивомонетчество и возмущение против власти, позднее — кормчество. Устав допускал и присутствие посредников. Решение считалось принятым при согласии большинства от обеих сторон и обжалованию не подлежало. Основная суть новых реформ заключалась в большем введении норм обычного права, дополняемых государственными законами лишь в случае необходимости.

Допуск посредников отражал способ решения конфликтов посредством примирения. Туземные суды позволили объединить разрозненный конгломерат людей, семей, общин и установить между ними связи, так как данные суды входили в специфическую часть судебно-правовой системы царской России.

В XIX веке и особенно в начале XX века влияние юридических обычаев начинало ослабевать. Больше всего данный процесс был замечен у забайкальских эвенков. Это обусловлено, во-первых, резким ростом оседлого населения, во-вторых, увеличением числа контактов с другими народами, а также стремлением к ассимилированию с бурятами. Последнее положение объясняется чисто экономическими интересами. Дело в том, что ясачных податей с эвенков брали в 5 раз больше, чем с бурят.

Процессы отхода от норм обычного права были известны в сибирской администрации и в верхних эшелонах власти, которые в то время несколько раз поднимали вопрос о новом судеустройстве и управлении. В 1896 году Государственный Совет поручил министрам внутренних дел и юстиции пересмотреть действующее законодательство в отношении туземных судов, но дальше этого процесс не пошел. И только в 40-х годах XIX века прекращаются попытки ввести в действие «Свод степных законов»⁵⁶ и отказаться от кодифицирования норм обычного права на основе судопроизводства. В 1898 году Енисейская и Иркутская губернии попадают под действие Временного положения о крестьянских начальниках, по которому управление переходит от полиции к крестьянским начальникам, уездным съездам этих начальников и губернским управлениям. На этих начальников возлагается разбор исков, превышающих подсудность волостных судов, но не свыше 2 тыс. рублей: конфликты по сдаче в аренду земельных угодий, найму на сельскохозяйственные работы и т. п. Уездные съезды стали второй апелляционной инстанцией по приговорам, вынесенным крестьянскими начальниками, т. е. они могли отменять решения туземных судов в порядке апелляции.

⁵⁶ ЦГНА России. Ф. 1265. Оп. Д. 63 Л. 39

Также съезды могли своей властью наказывать виновных арестом до 3 дней или денежным штрафом до 15 рублей.

В начале XX века у забайкальских эвенков вводится сельский суд. В данном начинании особенно выделились власти Приамурского генерал-губернаторства, у которых была составлена целая программа по изучению судебной части. В 1901 году Приамурское областное управление поставило вопрос о введении подобных судов, с некоторыми изъятиями, и у бродячих эвенков.⁵⁸

В заключение необходимо остановиться на том, как в разных системах эвенкийских групп избирались старосты. Так, у ороحوнов староста избирался родовым сходом. В совокупности — один староста от каждого рода, в полномочиях которого лежали не только административно-полицейские обязанности, но и сбор ясака и разбор мелких споров. У других групп староста избирался не от рода, а от определенного территориального участка, которому тоже полагался помощник. Управление ими происходило от инородных управ. Кочевые тунгусы Удского уезда объединялись в удский улус, управляемый главой. На нижней ступени иерархии рода управляли старшины. Еще ниже — частями рода управляли старосты, избираемые на три года, которые являлись, по сути своей, посредниками между тунгусами и царской администрацией. У части эвенков происходила передача по наследству титула князя. У других групп выбирали руководителей из почетных людей (доброго поведения, знающих порядок в суждениях и разбирательствах), как правило, зажиточных. В этом случае было необходимо утверждение губернской администрации. У остальных существовали начальники и исправники других родов, которые и присутствовали при рассмотрении дел земским исправником или начальником управления. Таким образом, разбирательство происходило по обычному праву, а не единолично. Когда инородным начальникам не удавалось склонить тяжбущих к примирению и согласию, истец и ответчик приглашали посредников из других родов, обычно двух-трех человек, которые решали дело на основе возмещения ущерба (суд посредников).

На самом деле заметен процесс постепенного соединения и растворения норм обычного права эвенков и других северных народов в судебно-правовой системе России. Процесс сложный, зачастую болезненный в силу понятных причин, а также неоднородности различных групп тунгусского населения. ...Второе появление русских в этом крае уже в большом количестве заставило тунгусов смириться, но из них

⁵⁷ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 78. Л. 402, 531–532.

⁵⁸ Солянский В. В. Указ. соч. — С. 4

все-таки многие не пожелали покориться и добровольно умертвили себя. Они сделали навес, на который насыпали земли и камней, затем собрались под навесом, подрубили столбы и заживо погребли себя...»³⁹ Это процесс, в котором явно прослеживается хроническое отставание и неповоротливость машины государственного управления России. Надо подчеркнуть, что преобразования судебной власти России не смогли ответить реалиям времени, так как, по сути, создавались применительно к бурятам, алтайцам, хакасам и якутам. Именно поэтому забайкальские эвенки годами не видели родовых старост, а те не могли рассмотреть дела, ввиду бездействия родовых управлений как суда первой инстанции. Родовые старосты же боялись единолично вершить суд или не могли собрать сородичей из-за их кочевого образа жизни. Часто народная управа работала в качестве первой судебной инстанции, а там, где ее не было (Туруханский край, Дальний Восток), разбирательства вообще не проводились.

Обычное право эвенков было создано самим народом. Обусловленное внутренними потребностями их исторического бытия, в XVII — начале XX века оно подвергалось в той или иной мере внешнему влиянию. При всей своей элементарности обычное право эвенков полностью отвечало требованиям самоуправляющегося общества, было его институтом и отличалось высокой эффективностью. Начиная с XVII века, главным фактором в изменении и эволюции обычного права стало воздействие российской государственности, ее суда, права и социально-экономических условий жизни. Тем не менее на этом этапе правотворчество народа не прекратилось, но основное место в нем заняла рецепция. Эволюция обычного права отражала собой интеграцию судебно-правовой системы России в движении от традиционных форм к государственным.

Совокупность доправных юридических установлений эвенков на разных этапах развития заимствовала ряд установлений соседних народов: якутов, бурят, монголов и т. д. Между тем обычное право эвенков не было единым целым с «судебно-правовыми» комплексами других народов, а было собственным, уникальным, характерным только для этого народа. Оно отражало предшествующий фазис развития как в плане общественно-экономического, так, в частности, и юридического строя и являлась конгломератом первоначальных зародышевых форм.

В социальном строе характерно преобладание общественной собственности на средства производства и социальное равенство. Сфера частной собственности не приобрела устойчивого характера и была незначительна. Из всех форм неравенства известно только имущественное, присущее главным образом оленеводству, как более высокой стадии хозяйственных занятий по сравнению с охотничье-рыболовным.

«Судебно-правовая система» тунгусов была приспособлена к ведению промыслово-оленьеводческого хозяйства, которое было присваивающим, а не производящим и находилось на ступени доклассового развития. У подавляющего большинства групп эвенков из круга правового регулирования выпадало такое средство производства, как земля. Объектом регуляции было не столько производство и обмен, сколько распределение и потребление материальных благ.

По отдельным признакам такую совокупность доправных норм можно разделить на две зоны, зависящие от территориального признака:

1. Восточная Сибирь,
2. Дальний Восток.

Для обычного права эвенков Восточной Сибири характерны два момента:

1. В этой зоне заметное влияние на суд и право оказали аналогичные институты бурят и якутов;
2. При рассмотрении юридических обычаев заметна более высокая степень имущественных отношений, что обусловлено переходом от добывающего к производящему хозяйству, от охоты и рыболовства к скотоводству и земледелию, от кочевого образа жизни к оседлому.

В суде органов туземного управления меньше традиционных черт. Он в большей мере был судом князьцов и старост. Суд по мелким делам у нерчинских эвенков вершили вместе с членами рода «шулэнги» — главами административных родов. Решения выносились либо по общему согласию, либо по большинству голосов, что свидетельствует уже об отсутствии единого мнения, характерного для традиционного суда. Часто суд проходил лишь в присутствии нескольких человек или вообще творился единолично князьцом или «шуленгой», который был обязан в случае затруднений пригласить ближайших стариков или старшин. Крупные дела рассматривал главный «судья» на Суглане и обязательно при наличии истца и ответчика.

В свидетели принимались не все, а только люди хорошего поведения. Если же свидетелей не было, а обвиняемый не признавался, то была предусмотрена особая клятва перед оружием или священным местом, в зависимости от серьезности дела. Донос не являлся аморальным поступком, поэтому при недонесении предусматривалось наказание, а при доносительстве — вознаграждение.

Судьи этой зоны обычного права иногда не пользовались доверием, поэтому существовал ряд ограничений и для судей. Очевидно, это увеличивало число недовольных решениями суда людей, поэтому была внесена особая статья об апелляции на решение суда в высшей инстанции. В родовых управлениях дела обычно начинались вследствие жалобы к родовому старосте, который вместе со своими помощниками или же с двумя-тремя «родовичами» в присутствии истца, ответчика и свидетеля разбирал конфликт. В таких случаях был известен и срок, установленный для обжалования. В изучаемый период санкция постепенно видоизменяется и заменяется наказаниями заимствованными от других народов.

Вероятно, в этой зоне обычное право зависело и от этнического происхождения и различий в этно-культурном развитии. Эвенки Уруль-

гинской степной думы, например, не составляли чего-то единого в этом отношении. Часть их (эвенки Оловской, Маньковской и отчасти Шундуинской управ) была аборигенами, другую часть составляли выходцы из Маньчжурии во главе с князем Гантимуровым. Более поздними были выходцы, которые составили Кужертаевскую и Онгосонскую управу. В последнюю управу вошли также эвенки-аборигены рек Онона и Ингоды, видимо, поэтому у них и существовали весьма разные юридические обычаи. Это подтверждает и тот факт, что «начальник тунгусского рода», князь Гантимуров, находил странными их обычаи, связанные с калымом и левиратным браком.

Что касается зоны Дальнего Востока, то источники свидетельствуют о почти полном отсутствии уголовных преступлений (убийств, грабежей, краж), ввиду изолированности людей друг от друга при кочевом образе жизни, мягкости характера и строгого соблюдения обычаев и личных обязательств (эвенки Амурской области, Удского и Охотского округов). Вероятно, что в охотничье-кочевом хозяйстве, где оленей, как предмет кражи, было немного, общение людей ограничивалось небольшим кругом лиц, преимущественно родственников. А редкие судебные конфликты сводились во многом к тяжбам по поводу наследования собственного имущества и имущества, входившего в калым.

В этой зоне преобладал суд-сход, который решал наиболее важные дела по обычному праву. В основе суда лежал компромисс — получение пострадавшей стороной каких-то материальных благ, ведущее к обоюдному удовлетворению сторон.

Для разбора судом дел посредников приглашался нейтральный человек из другого рода — красноречивый уважаемый человек, хорошо знавший порядок ведения суда и обычаи. Он ничего не решал, а лишь вел судебное разбирательство, имея задачу примирения сторон. В суде участвовали представители от каждой из заинтересованных сторон — старейшины, которые играли основную роль в принятии решения. Основными чертами такого рода суда были: согласие обеих сторон на такой суд; беспристрастность, которая гарантировала их репутацию и принадлежность к нейтральному роду; наличие четких, хорошо разработанных правил ведения суда; наличие шкалы преступлений и наказаний. Основной мерой наказания являлось моральное порицание и материальное возмещение ущерба. Из других наказаний применялись розги, изгнание из стойбища при повторных кражах и пощечины при мелких проступках.

В научных трудах преимущественно описывается суд по межродовым конфликтам, связанным с заменой кровной мести выкупом и почти ничего не сообщается о судебных делах между сородичами, т. е. внутри

родственных групп. Анализ суда и права подтверждает общие закономерности при переходе от доклассового общества к классовому.

Самоуправление эвенков не противоречило демократическим принципам родового общества при наличии некоторой дуальности, которая выражалась в приоритетности личных качеств человека. Таким образом, равноправные роды соревновались за право управления или исполнения ряда общеплеменных функций. Во многом функции «суда» и «органов управления» пересекались и осуществлялись одними и теми же людьми.

Земельные отношения эвенков представляли собой отношения землепользования, которые основывались на праве первооткрывателя и постоянного освоения. Тем не менее у ряда групп наметилась тенденция к началу владения земельными участками, обозначались зачатки формирования земельной общины.

Право наследование определялось кровным родством по мужской линии и принадлежностью к семье. Соответственно статус наследников зависел от пола, возраста, степени родства и семейного положения. Помимо перехода имущества и обязанностей, предусматривался переход функций по управлению. Как и другие направления права, право наследования было сильно подвержено влиянию со стороны российского государственного права и борьбы двух линий наследования — родовой и семейной.

Договорные отношения приобрели определенную форму и содержание только в период товарно-денежных отношений с русскими торговцами, что привело к их усовершенствованию и усилению влияния на хозяйственную жизнь.

Опека была общепринятой нормой поведения, главными чертами которой был коллективизм и взаимопомощь.

Основной чертой природоохранных обычаев была разумность в использовании природных ресурсов.

По признаку сохранения судебно-правовых установлений эвенков можно разделить на три группы:

1. Забайкальские эвенки и эвенки Якутии, сохранившие наименьшее число таких установлений, что связано либо с переходом к скотоводству и земледелию, либо с длительными контактами с бурятами, русскими и якутами.

2. Эвенки Амура и некоторые изолированные группы, у которых преобладал больше традиционный характер.

3. Все остальные эвенки.

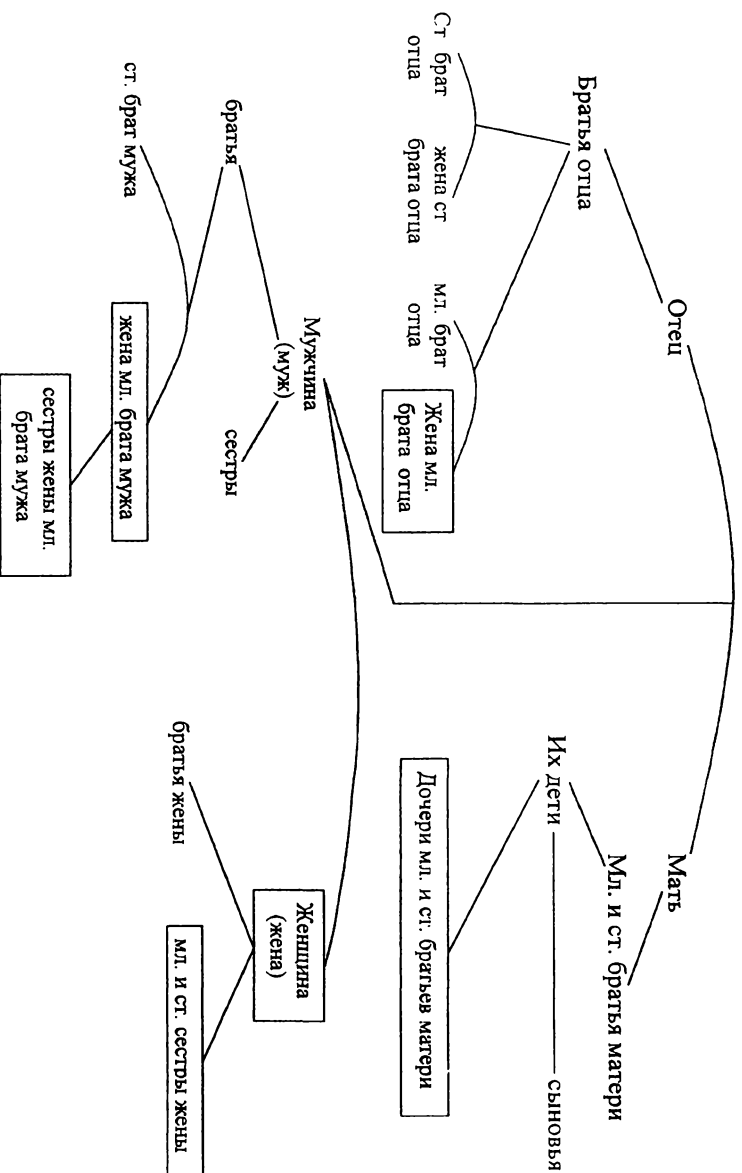
Отмечены обычаи, имеющие характер южного скотоводческого происхождения, такие как: дарить новорожденному самку оленя, кото-

рая вместе с приплодом составляла личную собственность, что впоследствии становилось основой самостоятельного хозяйства; возвращение шкуры оленя, которого пастух вследствие голода съел у хозяина, и возвращение ущерба в четырехкратном размере. А также целый ряд других параллелей с обычаями народов не только России, но и вне ее, удаленных на тысячи километров.

В настоящее время учеными различных направлений ведутся попытки соединения истории происхождения разных народов, но наиболее обоснованное мнение в том, что сходные условия существования и уровень материального развития порождают аналогичные элементы материальной и духовной культуры, обычаев и поведения человека. Набор вариантов культур в истории всего человечества представляется весьма ограниченным, поэтому повторение и совпадение до деталей нередкое явление. Это открывает возможность сравнительного изучения, что способствует пониманию всех нюансов.

Обычное право — важнейший институт патриархально-родового общества, регулирующий имущественные, договорные и другие отношения. Однако необходимо учитывать, что наравне с ним действовали и неюридические обычаи. Поведением людей регулировали также нормы морали, различного рода религиозные представления. Исходя из этого, область применения обычного права не была всеобщей и всеохватывающей, а имела свои границы. В таких случаях обычное право переплеталось с другими нормами при сохранении своей приоритетности.

КЛАССИФИКАЦИЯ СИСТЕМЫ РОДСТВА

Список источников

1. АРАН. Оп. 4. Д. 21. Л. 204.
2. АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 91. Л. 59, об.
3. АРАН. Ф. 47. Оп. 1. № 1098. Л. 37
4. ГАИО. Ф. 245. Оп. 78. Л. 402, 531–532.
5. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8060. Л. 2, об.
6. ГАРФ. Ф. 3977. Д. 81. Л. 122.
7. ГАРФ. 1063. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18.
8. ГАРФ. Ф. р. 538. Ед. хр. 74. Л. 9. (Материалы по научному обследованию северных окраин и общего характера.)
9. ДАИ. Т. 10. С. 344–346. Т. 11.
10. ДАИ. Т. 11. С. 66–67
11. ЦГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. С. 235. Л. 93.
12. ЦГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Ст. 235. Л. 103.
13. ЦГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Ст. 235. Л. 95–96.
14. ЦГИА России. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 39.
15. ЦГИА России. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 9. Л. 11, 15–16.
16. ЦГИА России. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 273.

Список литературы

1. Аверкиева Ю. П. Род и общины у алкогонкинов и атапасков Американского Севера // Разложение родового строя и формирование классового общества. — М.: Наука, 1968.
2. Алексеенко Е. А. Промысловая культура коренного населения Туруханского края // Культурные традиции народов Сибири. — Л., Наука, 1986.
3. Амурские орочоны поручика Орлова // Вестник И. РГО. СПб., 1857 — Ч. 21. — Кн. 6.
4. Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М., Л.. Изд. АН СССР, 1958.
5. Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). — Л.. Изд. инт. народов Севера ЦИК СССР, 1936.
6. Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М., Л.. Изд. АН СССР, 1959.
7. Бабич И. Л. А. М. Ладыевский как исследователь в области юридической этнографии // Этнографическое обозрение. — 1995. — № 4.
8. Баунтовские и Ангарские бродячие тунгусы поручика Орлова // Вестник И. РГО. — СПб., 1857. — Ч. 21. — Кн. 6.
9. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. — М., 1928. — № 1.
10. Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане. — М.; Л.: Изд. Главсевморпути, 1952.
11. Бессараб Г. В. Тунгусское племя орочи // Правовой вестник. — 1889. — № 28.
12. Бойко В. И., Костюк В. Г. Эвенки бассейна Енисея. — Новосибирск: Наука, 1992.
13. Буссе О. Список слов бытового значения у некоторых кочевых народов Восточной Сибири // Записки И. РГО. — СПб., 1880. — Т. 6.
14. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). — Л.: Наука, 1969.
15. Василевич Г. М. К вопросу о тунгусах, кочующих к Западу от Енисея // Советский Север. — 1931. — № 10.
16. Василевич Г. М. Эвенки Катангского района // Труды института этнографии. — М., 1962. — Т. 78.
17. Васильев В. Н. Краткий очерк о инородцах Сибири Туруханского края // Ежегодник Русского антропологического общества. — СПб., 1905—1907 — Т. 2.
18. Винокуров И. И. Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали. Дис... канд. ист. наук. — Якутск, 1994.
19. Врач Кириллов. Поездка в Нижне-Ангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. // Известия Вост. Сиб. Отд. И. РГО. — Иркутск, 1886. — Т. 17 — № 1-2.

20. **Гапанович И. И.** Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность. — Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1927
21. **Гарданов В. К.** Материалы по обычному праву кабардинцев (1-й пол. XIX в.). — Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1956.
22. **Георги И. И.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. — СПб., 1799. — Ч. 1–4.
23. **Гоздоко-Голомбиевский.** Из сибирских актов о Демьяне многогрешном и диких людях Чюлюдеях // Чтение в обществе любителей истории и древностей Российских. — М., 1888. — Кн. 1.
24. **Головачев П. М.** Сибирь в Екатерининской комиссии (Этюд по истории Сибири в XVIII в.). — М.: Издательство тип. В. Ф. Рихтера, 1889.
25. **Григоровский Г.** Поездка на Верхнюю Ангару // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1890. — Т. 21. — № 2.
26. **Гурвич И. С.** Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. — М.: Наука, 1985.
27. **Гурвич И. С.** Этническая история Северо-восточной Сибири. — М.: Наука, 1966.
28. **Давид Рене.** Основные правовые системы современности (сравнительное право) / Пер. с франц. — М.: Прогресс. 1967.
29. **Дадешкалиани К. Н.** Описание части Амурской области между реками Буреей и Амгунью // Сб. географического и статистического материала по Азии. — СПб., 1888. — Вып. 32.
30. **Данилова Л. М.** Общинное самоуправление у народов Крайнего Севера — сущность, проблемы возрождения. Дис... канд. соц. наук. — М., 1994.
31. **Дзевенис А. А.** Становление и развитие социалистической и духовной культуры эвенкийской народности. Дис... канд. ист. наук. — Л., 1970.
32. **Добромыслов Н. В.** Заметки по этнографии баргузинских орочей // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — 1902. — Т. 5. — Вып. 1.
33. **Долгих Б. О.** К вопросу соотношения большой и малой семьи у народов Севера в прошлом // Социальная организация и культура народов Севера. — М.: Наука, 1974.
34. **Долгих Б. О.** Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера // Общественный строй у народов северной Сибири XVII — начала XX в. — М.: Наука, 1970.
35. **Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав Сибири в XVII в. // Труды института этнографии. — М.: Изд. АН. СССР, 1960. — Т. 55.
36. **Долгих Б. О., Левин М. Г.** Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов северной Сибири // Труды института этнографии. — М., 1951. — Т. 14.
37. **Донесение начальника Вилюйской экспедиции кандидата Маака** // Вестник И. РГО. — СПб., 1855. — Ч. 13. — Кн. 2.
38. **Дьяченко В. И., Ермолова Н. В.** Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. — СПб.: Наука, 1994.

39. Евдокимов В. С. Амурские эвенки. — Благовещенск: Хабаровское кни изд. 1967
40. Ермолова Н. В. Эвенки Приамурья и Сахалина. Формирование и культурно-исторические связи XVII — начала XX в. Дис.. канд ист. наук. — Л. 1984
41. Ермолова Н. В. Эвенки: проблема этнических различий и локальных групп // Этносы и этнические различия. — М., Наука, 1993.
42. Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки И. РГО по отд. этнографии. Сб. юридических обычаев. — СПб., 1877 — Т. 8.
43. Занадворов П. На отдаленном Востоке // Древняя и Новая Россия. — СПб. 1880. — № 7
44. Зибарев В. А. Из истории обычного права малых народностей Севера // Советская этнография. — 1986. — № 2.
45. Зибарев В. А. Организация и деятельность суда народов Севера // Социалистическое строительство у малых народностей Севера (1917–1932). — Томск, 1968. — Гл. 5.
46. Зибарев В. А. Юстиция у малых народностей Севера (XVII–XIX вв.). — Томск: Издательство Томского университета, 1990.
47. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XIV–XX вв. — Иркутск: Восточно-Сибирское кни. изд., 1968.
48. Золотарев А. М. Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII в. // Историк-марксист. — М., — 1938. — Кн. 2.
49. И. И. С. Земледельческая Сибирь. К вопросу о численности сельскохозяйственного населения Сибири // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1910. — Т. 41.
50. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири в XIX — начале XX в. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954.
51. Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука., Сибирское отделение, 1978.
52. Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.
53. Известия о занятиях Сибирской экспедиции (Донесение поручика Усольцева о путешествиях в верховьях Витима) // Вестник И. РГО. — СПб. 1856. — Ч. 12. — Кн. 4.
54. Извлечение из дневников, записок доктора Кибера // Сибирский вестник. — СПб. 1828. — № 1.
55. Обычное право народов Сибири: буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы. / Сост. и авт. коммент. В. В. Карлов; Под. ред. Ю. И. Семенова. — М., Старый сад, 1997
56. Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). — М., Изд. МГУ, 1982.
57. Карпов Е. В. Социальная мобильность эвенков Забайкалья: Дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1989.

58. **Кларк П.** Очеульские и тутурские тунгусы в Верхотенском округе // Записки Сиб. отд. И. РГО — Иркутск, — 1863. — Т. 6. — Отд. 1
59. **Ковязин Н.** Комовские тунгусы // Советский Север — 1931 № 7—8.
60. **Колачев И. В.** Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г. // Известия Сиб. отд. И. РГО — Иркутск, 1871 — Т. 2. — № 1—3.
61. **Копылов И. П.** Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края по данным статистико-экономического обследования 1927 г. — Новосибирск: Тип. Провещение, 1928.
62. **Косарев В. Д.** Этнические аспекты традиционного природопользования народов Сахалина. Дис... канд. ист. наук. — Л. 1989.
63. **Крюков Н. А.** Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае // Записки Приамурского отд. И. РГО. — СПб. 1894 — Т. 1. — Вып. 1
64. **Ленже А. З.** Описание устья реки Ульи и впадающих с нею в Охотское море тем же устьем рек Нодгана и Нюдмала // Вестник И. РГО. — СПб. 1853. — Ч. 7 — Кн. 1.
65. **Лефрень Ж.** Положение женщин у диких малоцивилизованных народов // Дело. — 1868. — № 1.
66. **Маак Р. К.** Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отделения Русского географического общества, в 1855 г. — СПб.. Изд. члена-соревнователя С. Ф. Соловьева, 1859.
67. **Мазин А. И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск: Наука Сиб. отд. АН СССР, 1984.
68. **Майнов И. И.** Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1898. — № 2.
69. **Максимова И. Е.** Тунгусский ойкос. Дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1994.
70. **Мальцев Г. В.** Понимание права. Подходы и проблемы. — М.. Прометей, 1999.
71. **Марченко Г. В.** Управление и суд у малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в царской России. Дис... канд. ист. наук. — Томск. 1985.
72. Материалы по юридической этнографии малых народов Севера (сборник документов). — Томск: Изд. Томского университета, 1993.
73. **Миддендорф А. Ф.** Путешествие на Север и Восток Сибири. — СПб. 1860 — Ч. 1 — Отд. 2.
74. **Миллер Г. Ф.** История Сибири. — М.. Изд. АН СССР, 1937—1941 — Т. 1—2.
75. **Миненко М. А.** Материалы по обычному праву народов севера Западной Сибири 1-й пол. XIX в. // Археология и источниковедение Сибири — Новосибирск, 1975.

76. **Михеев В. С.** Традиционные области природопользования эвенков: обоснование территорий природопользования Читинской области — Новосибирск: Наука, 1995.
77. **Мордвинов А.** Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник И. РГО. — СПб., 1860. — Ч. 28. — Отд. 2.
78. **Мордвинов А.** Орофоны и оленные тунгусы // Современник. — СПб., 1851. — № 6.
79. Народы Сибири / Под. общ. ред. С. П. Толстова. — М. Л., Наука АН СССР, 1956.
80. **Никульшин Н. П.** Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. — Л., Изд. Главсевморпути, 1939.
81. Обычное право в России: проблема теории, истории и практики. — Ростов-на-Дону: Из-во СКАГС, 1999.
82. Обычное право и правовой плюрализм. Сборник статей участников 11-го Международного конгресса «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах» (18–22 августа 1997 г. Москва, Россия). 1999.
83. Обычное право народов России / Отв. ред. Ю. И. Семенов. — М., Старый сад, 1998.
84. **Огородников В.** Русская государственная власть и Сибирские инородцы в XVII–XVIII вв. // Сб. трудов ИГУ. — Иркутск, 1920. — Отд. 1. — Вып. 1
85. **Окладников А. П.** Курейские тунгусы в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. — Новосибирск, 1968. — Вып. 3.
86. **Павловский А.** Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку // Записки Вост. Сиб. отд. И. РГО. — 1863. — Кн. 6. — Отд. 1
87. **Патканов С. К.** Опыт географии и статистики у тунгусских племен Сибири на основании переписи населения 1897 г. и других источников // Записки И. РГО. — СПб. 1906. — Т. 31 — Ч. 1. — Вып. 2.
88. **Пахман С. В.** История кодификации гражданского права. — СПб. 1876. — Т. 2.
89. **Пекарский Э. К., Цветков В. Г.** Очерки быта приаянских тунгусов // Сб. музея антропологии и этнографии. — СПб., 1911–1913. — Т. 1–2. — Вып. 1
90. **Пекарский Э. К., Цветков В. Г.** Поездка к приаянские тунгусам. — СПб., Типо-лит. Имперского университета, 1904.
91. **Першиц А. И.** Этнография как источник реконструкции первобытного общества. — М., АН СССР, 1979.
92. **Пестов И. С.** Записки об Енисейской губернии 1831 г. — Иркутск: Тип. ИГУ, 1833.
93. **Петри Б. Э.** Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйств — Иркутск, 1930.
94. **Петров Ю. Д.** Партийное руководство советским строительством у малых народностей Севера Дис. канд. ист. наук — Якутск, 1974

95. **Петрова Е.** Кочевые суды (туземные суды) // Советская юстиция 1932 — № 4
96. **Позан Ю., Телиеров Н.** Туземные суды Туруханского края // Советская юстиция — 1931. — № 10.
97. **Полевой Б. П.** Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века // Советская этнография. — 1965. — № 5
98. Полное собрание законов Российской империи — СПб. 1830 — Т. 35 — № 11
99. **Попов Б. К.** Общее и особенное в семейно-брачных отношениях у народов, не прошедших капиталистический путь развития. Дис... д-ра филос. наук. — Якутск, 1989.
100. **Попов В. А.** Этносы и этнические процессы. — М.: Изд. Восточная литература, 1993.
101. Пояснительное примечание к своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. — СПб. 1841
102. Путешествие по долине реки Нерчи поручика Усольцева // Вестник И. РГО. — СПб., 1857 — Ч. 20. — Кн. 6. — Отд. 2.
103. **Рабцевич В. В.** Записи обычного права народов последней четверти XVIII — 1-й пол. XIX в. как историографический источник // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Всесоюзная конфер. (13–15 окт 1981 г.). — Новосибирск: АН СССР. — Вып. 1
104. **Радде Г.** Письмо с Дауро-монгольской границы Забайкалья // Вестник И. РГО. — СПб., 1858. — Ч. 21. — Кн. 1–4. — Отд. 5.
105. **Расцветаев М. К.** Тунгусы мямьяльского рода. — Л.: АН СССР, 1933.
106. Реферат О. М. Августыновича. О племенах, населяющих Колымский округ // Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — М., 1878. — Т. 70.
107. **Рыбаков С. Г.** Армакские тунгусы Селенгинского уезда Забайкальской области // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — СПб., 1903. — Т. 6. — Вып. 1
108. **Рычков К. М.** Енисейские тунгусы // Землевладение. — 1917 — Кн. 1–2. — 1922. — Кн. 3–4.
109. **Самоковасов Д. Я.** Сборник обычного права Сибирских инородцев Варшава: Тип. Носковского, 1876.
110. **Сафьяникова М. А.** Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отд. Приамурского отд. И. РГО. — М. 1899. — Т. 1 — Вып. 1
111. Сборник узаконений об устройстве крестьян и инородцев губерний Сибири. — СПб. 1899.
112. Сведения о результатах первой экспедиции по исследованию колонизированных земель в юго-западной части Верхне-Ленского и юго-востока Балагановского уезда Иркутской области в 1908 г // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО — Иркутск, 1910. — Т. 40

11. **Свербеев Н.** Сибирские письма (Поездка с Учурской ярмарки до Удского острога) // Вестник И. РГО. — СПб. 1853. — Ч. 8 — Кн. 4 — Отд. 7
114. **Симонов М. Д.** Материалы по шаманизму сымских эвенков // Известия Сибирского отд. АН СССР. — 1983. — № 11 — Вып. 3.
115. **Синицына И. Е.** Обычаи и обычное право в современной Африке. — М.: Наука, 1978.
116. **Сирина А. А.** Катангские эвенки в XX в. — М.: АН. России, 1995.
117. **Соколова З. П.** Заметки об эвенках бассейна реки Кети // Сибирский этнографический сборник. — М., 1962. — № 4.
118. **Соколова З. П.** Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблема рода и фратрии. — М., 1983.
119. **Солярский В. В.** Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. — Хабаровск: Тип. Канцелярии ген.-губернатора, 1916.
120. **Сонин М. Л.** Эвенкийское шаманство, как одна из форм первобытной религии. Дис... канд. ист. наук. — М., 1948.
121. **Спасский Г. М.** Сведения русских о реке Амур в XVII столетии // Вестник И. РГО. — СПб. 1853. — Ч. 7 — Кн. 2.
122. **Степанов А. П.** Енисейская губерния. — СПб., 1835. — Ч. 1–2.
123. **Степанов Н. Н.** Социальный строй тунгусов в XVII в. // Советский Север. — Л. 1939. — Вып. 2–4.
124. **Стефанович Я. В.** Река Чуя // Известия Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1899. — Т. 30. — № 1–2.
125. **Стрелов Е. Д.** Акты архивов Якутской области. — Иркутск, 1916.
126. **Супатаев М. А.** Опыт систематизации норм обычного права в молодых государствах Африки // Государство и право в развивающихся странах. — М.: АН СССР, 1976. — Вып. 1.
127. **Суслов И. М.** Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев реки Таймура (Из материалов Чуанской экспедиции 1926 г.) // Северная Азия. — 1928. — № 1.
128. **Таксами Ч. М.** Культурные традиции рыболовов и морских звероловов Приамурья, Сахалина и Охотского побережья // Культурные традиции народов Сибири. — Л.: Наука, 1986.
129. **Титов Е.** Заметки по этнографии тунгусов // Вестник Азии. — Харбин, 1924. — № 52.
130. **Титов З. Д.** Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII в. // Советская этнография. — 1978. — № 1.
131. **Туголуков В. А.** Идущие поперек хребтов. — Красноярск: Красноярское кн. изд.-во, 1980.
132. **Туголуков В. А.** Социальная организация эвенков и эвенов // Общественный строй у народов северной Сибири XVII — начала XX в. — М. 1970.
133. **Туголуков В. А.** Тунгусы Средней и Западной Сибири (эвенки и эвены). М.: Наука, 1985

134. **Туголуков В. А.** Эвенки Охотского побережья. Дис... канд ист наук. — М. 1958.
135. **Туголуков В. А.** Витимо-Олекменские эвенки // Труды института этнографии. — М., 1962. — Т. 78.
136. **Туголуков В. А.** Эвенки // Этническая история народов Севера. — М. Наука, 1982.
137. **Туров М. Г.** Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири (в конце XIX — начале XX в). — Иркутск: Издательство ИГУ, 1990.
138. **Увачан В. В.** Обычное право эвенков в XVII — начале XX в. (имущественные, договорные и земельные отношения) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. — Ростов-на-Дону, 1999. Изд-во СГАКС.
139. Участь бедных детей Якутской области // Труды Вост. Сиб. отд. И. РГО. — Иркутск, 1884. — Т. 15. — № 1–2.
140. **Федоров М. М.** История правового положения народов Севера, Восточной Сибири в составе России. — Иркутск: Издательство ИГУ, 1991.
141. **Федоров М. М.** Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XX в). — Якутск: Якутское кн изд.-во, 1978.
142. **Фирсов Н. Н.** Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве // Известия и ученые записки Казанского университета. — Казань, Типография Казанского университета, 1866. — Вып. 3.
143. **Херсонский С.** О звериных и птичьих промыслах в Охотском округе Приморской области // Записки Приамурского отд. И. РГО. — Хабаровск, 1898. — Т. 4. — Вып. 1.
144. **Хитров Прокопий.** Описание Жиганского уезда // Записки Вост. Сиб. отд. И. РГО. — СПб., 1856. — Кн. 1. — Отд. 1.
145. Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. — М.: ИД «Стратегия», 1999.
146. **Чудновский С.** Енисейская губерния к 300-летию Сибири (Статистические и публицистические этюды) // Приложение к «Сибирской газете» — Томск: Тип. «Сиб. газ.», 1885.
147. **Шатилов М. Б.** Ваховские остяки (Этнографические очерки). — Томск: Томск. краев. музей, 3-я тип. Запсибполиграфтреста, 1931.
148. **Шерстобоев В. Н.** Илимская пашня. — Иркутск, Иркутское обл. гос. изд. 12-я тип. Главполиграфиздата, 1957 — Т. 2.
149. **Шестин С.** Тунгусы, обитающие в верховьях реки Иро и ее притоков // Записки Приамурского отд. И. РГО. — Хабаровск, 1898. — Т. 4. — Вып. 3.
150. **Широкогоров С. М., Широкогорова Е. Н.** Отчет о поездках к тунгусам и ороочонам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // ИРИКСВА. — Птр., 1914. — Сер. 3. — № 3.
151. **Шнирельман В. В.** От единства к многообразию: смена парадигм в изучении охотников, рыболовов и собирателей (По материалам международной конференции) // Советская этнография. — 1990. — № 6.

152. Штернберг Л. Я. Семья и род у орочей Татарского пролива. — Л., 1933. Т. 3.
153. Шубин А. С. Эвенки севера Бурятской АССР (историко-этнографические очерки). Дис... канд. ист. наук. — М. 1967
154. Щербачев В. А. Высочайшее учреждение и учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области: материалы // Исторические сведения. — СПб.. Унив. типография, 1898. — Вып. 5.
155. Юридическая антропология. Закон и жизнь. — М.. ИД «Стратегия», 2000.
156. Якушкин Е. И. Обычное право Сибирских инородцев. — М.. Унив. тип. 1899.
157. Якушкин Е. И. Обычное право. — М.. Унив. тип. 1908. — Вып. 3.
158. Ямпольская Ю. А. «Шаманский чум» эвенков: история открытия, результаты исследования, гипотезы // Этносы и этнические процессы. М.. Наука, 1992.

Список иностранной литературы

- 1 **B. Spencer, F. J. Cillen.** The Native Tribes of Central Australia. — London, 1899 и The Northern Tribes of Central Australia. — London, 1904
2. **R. J. Olson.** Clan and moiety in Native America. — University California Publication, 1933. — Vol. 33. — № 4.
3. **Shirokogorof S. M.** Social Organization of the Northern Tungus. — Shanghai, China, 1929.
- 4 **W. H. R. Rivers.** The history of Melanesian society. — Cambridge. London, 1914. — Vol. 2.

Научное издание

В. В. Увачан

Обычное право эвенков в XVII — начале XX в.

Редактор, корректор *И. Н. Волкова*
Компьютерная верстка *А. В. Павловская*

ЛР № 065329 от 06.08.97

Сдано в набор 08.12.2000. Подписано в печать 25.01.2001

Формат 60×88/16. Гарнитура Литературная. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Печ. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ № 4353

ООО «Книжный дом «Университет»,
117234, Москва, Воробьевы горы, ГЗ МГУ, сектор Д, комн. 4.

Тел.: (095) 939-45-81, факс: (095) 938-21-84

E-mail: kdu@cityline.ru

117296, г. Москва, ул. Вавилова, д. 54, корп. 1, комн. правл.

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554-21-86

Качество печати соответствует предоставленному оригинал-макету

Увачан Василий Владимирович юрист, историк-этнограф.

Родился в Эвенкийском Автономном округе, где и работал в органах исполнительной власти и образования. Исполнял обязанности Президента окружной Ассоциации коренных малочисленных народов Севера «Друн» («Возрождение»). Данная монография не только анализ архивных, историко-этнографических, юридических источников и литературы, но и результат самостоятельного изучения и наблюдения за жизнью и бытом современных эвенков, живущих традиционными видами хозяйствования. Рассматриваемое им направление является «белым пятном» в юридической науке, так как область обычно-правовых установлений эвенкийского народа практически не изучена. По сути, это первая попытка исследования обычного права эвенков «изнутри».

В настоящее время В.В.Увачан является аспирантом Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ISBN 5-8013-0115-1

9 785801 301150